

ГЛАВНОЕ

основные публикации
Григория Явлинского
в российских СМИ в 2015 году

2015

 РБК **НОВАЯ**
газета НЕЗАВИСИМАЯ АРГУМЕНТЫ
И ФАКТЫ петербургская интернет-газета
фонтанка.ру ВЕДОМОСТИ радио свобода ДОСТУПНО
OPTIMISTIC CHANNEL учительская
независимое педагогическое издание Газета

ГЛАВНОЕ

основные публикации
Григория Явлинского
в российских СМИ

в 2015 году

Санкт-Петербург - Москва 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Нефть может упасть в цене до 20 долларов за баррель	5
Политика бензинового государства	11
Экономика не может пережить такие политические решения	15
Осознанный выбор?	19
Путь, которого нет	25
Реформа невыполнима	31
Стратегия вывода России из мировой периферии отложена на неопределенный срок	37
Каждый слепой думает, что впереди зрячий. А слепые все	41
После Парижа 11/13	49
Мы перешли черту.....	52
86 процентов это как температура 40 у больного	59
Не стыдно быть в меньшинстве, стыдно быть в стаде	66
У Европы и России друг без друга нет будущего	69
Моя задача – не дать России откатиться в Средневековье	72
Эту систему не исправить	74
Все, что вы сейчас наблюдаете, – это разгром экономики политикой	80

Редакционная группа сборника:

Андрей Касмынин, Николай Рыбаков, Игорь Яковлев

Дизайн и верстка:

Александра Солохина

ГЛАВНОЕ – 2015

Уважаемые читатели!

Предлагаем вашему вниманию новый сборник статей и выступлений Григория Явлинского. Это не первая подобная публикация, но она особенная, потому что представляет нашего возможного кандидата на пост президента России.

Одна из тем, объединяющих материалы, собранные под одной обложкой в 2015 году – невозможность какого бы то ни было развития, модернизации, реформирования России при существующем политическом курсе. Даже в какой-то одной сфере, даже частичного. Ни отдельно взятая экономическая реформа, ни коррекция внешнеполитического курса, ни относительно «развинчивание внутрирежимных гаек» неисполнимы. Менять надо власть, менять надо систему.

Статьи и выступления Григория Явлинского – это препарирование нутра путинской системы в целом и анализ ее конкретных проявлений, отражающий дополняющий, поясняющий на актуальных примерах книгу «Периферийный авторитаризм».

Вторая важная сторона материалов сборника – гражданская и политическая альтернатива. Она выражается не только в позиции автора по важнейшим вопросам жизни страны, но в самом подходе к их обсуждению с читателями, зрителями, слушателями, в мышлении и языке общения.

Это наш выбор. Мы предлагаем разделить его нашим единомышленникам, не надеющимся на раскол внутри чиновной элиты или олигархические игры, связывающим будущее России с умной, уверенной, прежде всего в себе, силой граждан.

Составители сборника

Нефть может упасть в цене до 20 долларов за баррель

Как может снизиться цена на нефть – и как долго это будет продолжаться?

16.01.2015

ГРИГОРИЙ ЯВЛИНСКИЙ

Весомым фактором плохой экономической ситуации в России является полный провал в последние 15 лет всей её так называемой «энергетической политики».

Неспособность правильно понять и оценить основные тренды в развитии мирового нефтяного рынка, особенно после 2009 года:

- общий рост производства нефти в мире и особенно в США,
- появление на рынке мощного направления добычи нефти из сланца,
- снижение спроса в следствии прогресса в энергосбережении и увеличения производства альтернативной энергии (в первую очередь биотоплива) в результате чего радикально изменился баланс спроса и предложения жидких углеводородов,
- отсутствие адекватных представлений о раскладе политических сил вокруг нефтяного рынка – кому выгодны высокие цены на нефть, а кому низкие, масштабы и направления торговли контрабандной нефтью и роли в этих потоках т.н. «исламского государства».

Вот далеко не полный перечень грубых просчетов, которые привели к принятию в последние годы целой серии ошибочных решений правительством Путина и Медведева в области энергетики.

Если говорить о подробностях этого позорного провала, то одна из главных причин – в том, что официальные и экспертные прогнозы значительной части российских специалистов и «стратегов» при анализе перспектив цены на нефть ошибочно включают в себестоимость нефти все предельные издержки, то есть все то, что нужно затратить на разведку и разработку нового месторождения.

Именно на этом, похоже, построены расчеты различных экспертов, согласно которым себестоимость (предельные издержки) нефти составляют от 80 до 110 долларов и потому «цена не может быть ниже 90». Эта себестоимость, безусловно, важна в долгосрочном плане. При нынешних ценах разработка новых месторождений в США, Канаде и многих других местах действительно когда-нибудь прекратится и это приведет к новому витку роста цен.

Вопрос, когда это произойдет.

Это зависит от того, насколько долго будет поступать нефть из уже разрабатываемых месторождений и сколько новых месторождений уже в процессе разработки, которую останавливать еще менее рентабельно, чем продолжать, даже при этих или еще более низких ценах. Опять же здесь есть разные точки зрения, но в целом геологи сходятся на том, что пик производства нефти в США (который уже вырос в 4 раза за последние 10 лет) придется на 2017-2018 года и после этого может начать снижаться («традиционные» месторождения качают нефть до 20 лет, но сланцевые могут иметь более короткий жизненный цикл, если это так, то нынешний «кризис перепроизводства» будет продолжаться не 15 лет, как в 1984-99 гг., а может быть лет 10 или даже 7-8, но все равно не год и не два, конечно).

В более краткосрочно-среднесрочном плане (эти самые 7-8 или более лет) определяющим факторам будут не совокупные предельные издержки, а переменные предельные издержки, или, как нефтяные аналитики их именуют, «денежные затраты» (в отличие от «предельных издержек», хотя правильно с точки зрения экономической терминологии именовать первые «предельными переменными издерж-

ками»). Это то, что необходимо для того, чтобы покрывать издержки добычи и доставки потребителю нефти из уже разработанных месторождений и они намного ниже – не более 30-40 долларов за баррель в США, Канаде и даже, похоже, в Китае. Это тот уровень цен, при котором производство на уже действующих месторождениях будет приостанавливаться.

Ниже приводится график, который показывает, что свыше 80 процентов мирового производства рентабельно при цене примерно в 30 долларов за баррель. На основании этого можно сделать вывод, что цена будет отражать предельные переменные издержки от 20 (нижний предел) до 50 (верхний предел) долларов за баррель. Таким образом, сегодня рынки приблизились к тому, что скоро будет из верхним (а не нижним!) пределом.

Денежные затраты (себестоимость) это в основном то, что затрачивается на поддержание добычи нефти, а не то, что необходимо, чтобы сделать добычу нефти выгодной или удовлетворить бюджетные запросы правительства.

Как отмечает автор статьи в Бизнес-Инсайдер Майлес Удланд (см. источник к графику выше), «Как

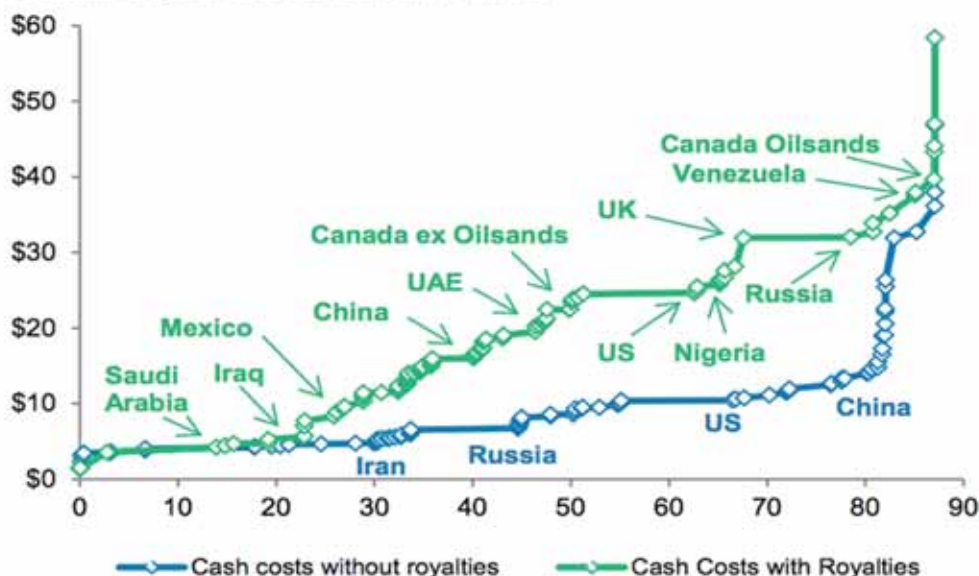
вы можете видеть на крайне правой части графика, канадские нефтеносные пески и сланцевые бассейны США имеют высокую себестоимость добычи нефти. Между тем на Ближнем Востоке, в Саудовской Аравии, Ираке и Иране достаточно воткнуть в землю палку и пойдет нефть.»

То, что происходит сейчас – это избыток в предложении нефти, он оказывает давление на цены на нефть, и в ответ многие ожидали, что ОПЕК объявит о сокращении производства. Этого не произошло, в том числе и потому, что был учтен опыт того, что арабская политика сокращения производства нефти в 70-е годы не привела к росту цен на нефть, но привела к банкротству бюджета Саудовской Аравии. Поэтому борьба с низкими ценами – это не просто сокращение добычи. По мнению нефтяного аналитика Адама Логсона (см. источник к графику выше): «Просто замедление роста поставок, как правило, не достаточно, чтобы сбалансировать избыток предложения на рынке в краткосрочной перспективе. Нужно добиться, чтобы практически не производился товар – нефть – вне картеля. Если это так, то дело не в показателях предельного объема инвестиций, а

Самые высокие затраты на добычу нефти находятся в диапазоне от 35 до 40 долларов за баррель

Highest Cash Costs Are In The \$35-40/bbl Range

(y axis: Operating costs with and without royalty effects, \$/bbl; x axis: Cumulative global liquids production, mmb/d)

Ось Y – операционные издержки с налогами (роялти) и без в долларах за баррель; ось X – суммарное мировое производство жидких углеводородов, миллионов баррелей в день. Зеленым – затраты без налогов (роялти). Синим – затраты с налогами (роялти).
Источник: Morgan Stanley

в переменных эксплуатационных расходах, которые ближе к \$35– \$40 за баррель в максимальном значении.»

И в этом была ошибка Путина, Сечина и почти всех наших аналитиков, которые говорили, что цена на нефть не упадет ниже 80-90 долларов за баррель (вместо переменных эксплуатационных расходов за базу принимали предельные объемы инвестиций). Кстати говоря, даже наш «Лукойл» заявляет, что его, как компанию, устраивает цена на нефть и в \$25, а ТНК в свое время даже утверждала, что у них себестоимость нефти около \$7.

Дальнейшая динамика цен на нефть будет зависеть от того, удастся ли ОПЕК восстановить свою монополию или же мировой рынок нефти будет двигаться в сторону нормальных конкурентных условий, в которых цены устанавливаются предельными издержками производства, а не монополией ОПЕК. Так, например, рынок нефти работал в течение почти двух десятилетий, с 1986 по 2004 года. Во многом от этого зависит ответ на ключевой вопрос, является ли текущая цена около \$50 нижней или верхней границей нового диапазон цен.

История динамики цен на нефть, с поправкой на инфляцию и с учетом индекса потребительских цен в США, говорит о том, что цена в \$50 за баррель является своего рода «пограничной» ценой. Действительно, последние 40 лет, с тех пор как реально окреп и стал влиятельным ОПЕК в 1974 году, можно разделить на три больших периода.

1) С 1974 по 1985, цена на эталонную нефть США – West Texas Intermediate (WTI), колебалась между \$48 и \$120 в сегодняшних ценах;

2) С 1986 по 2004 год, цена колебалась от \$21 до \$48 (за исключением двух кратких моментов во время российского кризиса 1998 года и в 1991 году – война в Ираке).

3) С 2005 года до 2014 года – нефть вновь торговалась как в 1974 – 1985 примерно от \$50 до \$120, за исключением 2008-09 годов в период финансового кризиса.

Диапазон цен за последние 10 лет был очень похож на 1974-85 первого десятилетия господства ОПЕК, но сегодня особое внимание следует уделить 19 годам с 1986 по 2004, который представляют собой совершенно иной период.

Разницу между этими двумя периодами можно объяснить фактическим распадом ОПЕК в 1985 г., что привело к переходу от монополистической к конкурентной цене на последующие 20 лет. ОПЕК в конце концов воспользовалась ростом китайского спроса и восстановила контроль за ценой на нефть и монопольное ценообразование в 2005 году.

Будут ли следующие 10-15 лет новым периодом конкурентного ценообразования (при которых \$50 за баррель является верхним пределом) или же ОПЕК удастся восстановить свою монополию, при которой эта цена снова будет нижним пределом? Как пишет обозреватель агентства Рейтер А. Калетски (Anatole Kaletsky) (см. примечание выше), цель Саудовской Аравии в последние месяцы состоит во

втором. Для этого ей необходимо сломать альянс Россия – Иран в поставках нефти и в смысле цен, и в отношении масштабов рынка, а также ограничить, то есть убрать с рынка американских производителей сланцевой нефти. Необходимо отметить, однако, что даже если эта стратегия будет успешно воплощаться в жизнь, за несколько месяцев или даже за год-два падения цен ее не воплотить в жизнь.

Есть и более серьезные основания ожидать, что Саудовской Аравии и странам ОПЕК не удастся в ближайшие 7-10 лет восстановить свою монополию, а потому цена в \$50 за баррель, соответствующая верхней границе переменных предельных издержек, будет верхней границей нового ценового диапазона с ценой от \$20 до \$50:

- новые технологии (например, благодаря технологиям гидроразрыва пласта и горизонтального бурения объем добычи нефти в США только с 2010 г. увеличился более чем на 60% до 9 млн баррелей в день);

- экологическое давление;

- снижение долгосрочного спроса на нефть.

Особенно давление со стороны экологии, развитие альтернативной и «зеленой» энергетики и прогресс в энергосбережении (например, новый стандарт для автомобилей и легких грузовиков, объявленный правительством США, требует к 2025 году довести экономичность двигателей до 54,7 миль пробега на 1 галлон бензина (23 км на литр), тогда как правительство Южной Кореи объявило о введении стандарта в 24 км на литр бензина уже к 2020 году) могут вообще превратить значительную часть нефти, добываемой за пределами Ближнего Востока, в так называемые «замороженные ресурсы», так же, как огромные запасы угля, которые остаются под землей в Европе и США, но утратили свою экономическую ценность по экологическим и технологическим причинам.

Дополнительное давление на снижение цен на нефть в среднесрочной перспективе окажет и отмена санкций в отношении Ирана, и конец гражданских войн в Ираке и Ливии. Эти страны могут активировать такие дополнительные запасы и объемы производства нефти, которые суммарно, вместе с Россией, больше, чем потенциал Саудовской Аравии.

Сланцевая революция в США, пожалуй, самый сильный аргумент для возвращения к конкурентной цене, т.е. \$30-40 за баррель. Хотя сланцевая нефть является относительно дорогостоящей, ее производство может быть «включено и выключено» гораздо легче – и дешевле, – чем обычные месторождения. Это означает, что сланцевая добыча будет регулятором, т.н. «производственной качелью» на мировых рынках нефти вместо сговоров ОПЕК под руководством Саудовской Аравии.

На действительно конкурентном рынке, Саудовская Аравия и другие производители недорогой и легко доступной нефти всегда будут заинтересованы в увеличении добычи до максимальной мощности, в то время как сланцевая добыча легко прекращается, когда спрос слаб и быстро наращивает

объем, когда спрос растёт. Чтобы «по-настоящему навредить» добыче сланцевой нефти в США, цены должны опуститься ниже \$40 за баррель¹. 80% американских сланцевых проектов будут прибыльными при ценах от \$40 за баррель WTI.

EOG Resources из Хьюстона считается одной из самых эффективных энергетических компаний в США. Недавно она заявила, что на некоторых ее нынешних скважинах на таких ключевых сланцевых месторождениях, как Eagle Ford на юге Техаса, норма прибыли после уплаты налогов может достигать 10%, даже если нефть подешевеет до \$40 за баррель. Понятно и то, что компании не хотят сокращать бурение. Вряд ли они будут увольнять буровиков, которых обучали работать эффективнее. Кроме того, никто не хочет первым сокращать добычу, так как это может сыграть на руку конкурентам. Если сложно призвать к совместным действиям 12 стран ОПЕК, попробуйте заставить тысячи независимых операторов согласиться отреагировать на снижение цен на нефть. Также многие компании воспользовались хеджированием, гарантировав выгодную цену на часть добываемой нефти. А срок погашения задолженности у энергетических компаний обычно составляет несколько лет. Поэтому многие компании могут столкнуться с проблемами только после 2015 г.² Так что добиться сокращения добычи и сворачивания нефтяного бума в США будет непросто и при низких ценах на нефть.

Вся эта логика подводит к выводу, что предельные переменные издержки на производство сланцевой нефти в США, которые как правило, оцениваются не выше, чем \$40 – \$50, и будут являться потолком мировых цен на нефть, а вовсе не их нижней границей в ближайшие 7-10 лет.

Отдельно следует сказать о макроэкономических последствиях низких цен на нефть. В долгосрочном плане они благотворно скажутся на экономическом росте в большинстве развитых и развивающихся стран, так как они повышают экономическую активность и спрос на энергию. Снижение цен на нефть полезно для экономики США, несмотря на возможные трудности в некоторых штатах, которые сильно зависят от добычи нефти (Аляска, Монтана, Техас, хотя последний сильно диверсифицировал свою экономику в последние годы, используя нефтяные доходы – в отличие от России). В целом же по стране в 2015 году американцы могут сэкономить \$70 млрд только благодаря снижению цен на бензин и дизельное топливо и за счет этого увеличить потребительские расходы.

Экономический рост в западных странах увеличивает капитализацию гигантских частных активов,

принадлежащих элите арабских стран экспортеров нефти, и в этом смысле потери бюджетов этих стран от низких цен на нефть «компенсируются» личной заинтересованностью людей, принимающих решения в Саудовской Аравии и ОПЕК.

Трудно сказать, какие из этих аргументов окажутся точнее: уход цен в диапазон от \$20 до \$50 на основе конкурентного рыночного ценообразования или рост цен от \$50 до \$120 на основе возобновления господства ОПЕК? Яснее будет после того как цена на нефть будет около \$50 в течение не менее года.

Для России это, однако, огромный срок – минимум год с ценой нефти в лучшем случае около \$50. В этом случае дефицит текущего счета составит более 2%, экспорт упадет на 8% ВВП, реальный дефицит бюджета составит не менее 5% ВВП, инфляция вырастет на 6-8 процентных пунктов, т.е. до 20% в годовом исчислении, активное использование резервного фонда для покрытия дефицита в размере 2% ВВП, спад ВВП – не менее 6%. Вдвое сократятся резервы и в абсолютном выражении, и в процентном по отношению к ВВП (с 22% до 10%), на 30 процентных пунктов ухудшится соотношение резервов к внешнему долгу (с 67% до 37%)³.

В складывающейся ситуации возможно присутствует и политический фактор. Российская военнополитическая авантюра и антиевропейская политика могли стать причиной неформальных санкций и негласных договоренностей. Так, для объяснения снижения углеводородных цен эксперты из VofA Merrill Lynch в своих анализах ссылаются на прецеденты в середине 80-х – начале 90-х годов прошлого столетия, когда в результате сотрудничества Эр-Рияда и Вашингтона произошло снижение цены на нефть. Это за собой влекло падение экспортной выручки СССР. Дешевая нефть безусловно один из факторов, который способствовал политическому кризису и последующему распаду Советского Союза⁴.

При этом главная проблема даже не падение доходов бюджета, а отсутствие внутреннего спроса или, вернее, его резкое падение.

Вот простые в своей логике цепочки событий, которые будут происходить в этом году, приводя к тяжелым, разрушительным для экономики последствиям.

Падения курса рубля – рост цен – увеличение тарифов монополий – снижение номинальных и реальных доходов населения – недоступность кредитования – снижение покупательной способности населения – существенное сокращение потребления – падение покупательского спроса. Бюджет в связи с резким сокращением доходов от экспорта

¹ The Wall Street Journal; 07.11.2014

² The Wall Street Journal; 31.10.2014; Рассел Голд, Эрин Эйлворт, Бенуа Фокон

³ Источники: Morgan Stanley, Bloomberg

⁴ Александр Абрамович «Москва пытается договориться с ОПЕК о прекращении падения цен на нефть», «Биржевой лидер»

также престаёт быть двигателем экономики – останутся целый ряд программ и крупных проектов, которые составляли несколько процентов ВВП – отток капитала заморозит инвестиции и капитальное строительство – упадут цены на жильё, нежилые помещения и аренду.

Мобилизационные подходы ручного управления и огосударствления бизнеса приведут к дальнейшему росту издержек, падению конкурентоспособности, снижению производительности труда, а с учетом полной загрузки производственных мощностей, недоступности кредитования в стране (из-за предельно высоких процентных ставок) и за рубежом (из-за санкций) и отсутствия свободного капитала для создания новых мощностей и разворачивающейся безработицы – все это уже в первом полугодии текущего года приведет к серьезной рецессии и ощутимой двузначной инфляции.

Учитывая, что у правительства нет ни кредита доверия со стороны бизнеса, ни стратегии преодоления кризиса – постоянно произносятся слова, которые вообще не связаны с реальностью – репутационный ресурс власти, столь необходимый в нынешних условиях, полностью отсутствует. Зато присутствуют информационно-эпатажные болтуны и, мягко говоря, странные фигуры типа Сергея Глазьева. Всё то не просто плохо – это ведет к нарастанию так называемых «рациональных ожиданий» инфляции и переломить этот тренд будет практически невозможно.

Выводы

1. Цены на нефть скорее всего в ближайшие 5-7 лет могут быть на уровне от \$20 – \$40. Это результат в основном объективных экономических процессов на мировых рынках и главным образом энергетиче-

ского прорыва в США. В этом снижении цен, вероятно, присутствует политический фактор – разрыв отношений и конфронтация России с США и антисирийскими нефтяными арабскими странами, что возможно привело к усилению масштабов падения цен на нефть в связи с задачей отодвинуть Россию (как и Иран) от рынков нефти путем негласных договоренностей и неформальных санкций.

2. Даже беглый анализ показывает, что все процессы (кроме санкций) были очевидны в течение как минимум последних пяти-шести лет. Неготовность к такому развитию событий является исключительно следствием крайне некомпетентного руководства, низкого качества аналитической работы, беспрецедентно дилетантским уровнем обсуждения правительством технологических и экономических аспектов современной мировой и российской энергетической политики. Достаточно сказать, что осенью 2014 года был принят бюджет исходя из цены на нефть в \$97 за баррель.

3. Низкая цена на нефть в сочетании с экономическими санкциями и с учетом серьезных фундаментальных экономических проблем российской экономики предполагает в 2015 году дальнейшее обесценение рубля по отношению к доллару, спад производства, инфляцию и, как следствие, нарастание социальной напряженности.

Продолжающаяся российская военно-политическая авантюра 2014 года в Украине, абсурдный антиевропейский политический курс и некомпетентное руководство делают выход из этой ситуации практически невозможным.

Для России с учетом ее экономических проблем – это может стать экономической катастрофой.

Прокладка нефтепровода Зольное - Кряж через Волгу. 1947 год

Валерий Ерофеев, газета «Волжская коммуна»

НЕЗАВИСИМАЯ

Политика бензинового государства

Россия и цены на нефть – зависимость настолько примитивная, что даже удивительно

19.01.2015

ГРИГОРИЙ ЯВЛИНСКИЙ

От чего зависит политика России? В значительной, если не решающей степени, например, от уровня цен на нефть. Чем ниже цены, чем меньше валюты поступает от продажи сырья, углеводородов, тем миролюбивее политика советского/российского руководства. Как только цены на нефть вырастают – заносчивости и самовлюбленности нет предела. Политика и внешняя, и внутренняя становится агрессивной и авантюрной. Гуляем по полной! Зависимость настолько примитивная и очевидная, что даже удивительно.

В таблице показано, как менялись цены на нефть с 1970 по 2014 год. Для того чтобы можно было цены сравнивать в разные годы, цены выражены в долларах 1970 года (то есть с поправкой на инфляцию приведены в сопоставимый вид)¹.

Посмотрим, как вместе с уровнем цен абсолютно синхронно менялась политика СССР и России.

1. Начало 70-х, нефть стоит очень дешево. СССР отходит от конфронтации с Западом и провозглашает «разрядку международной напряженности».

2. Во второй половине 70-х цены на нефть существенно растут, достигая своего пика в 1980–1984 годах, – «разрядка» заканчивается, и начинается новое завинчивание гаек, происходит вторжение в Афганистан (1979), сбит южнокорейский Boeing (1983).

3. Цены на нефть рушатся во второй половине 80-х, вслед за этим начинается перестройка, но цены на нефть продолжают падать, и рушится Советский Союз.

4. Начинается «эра Ельцина», цены на нефть падают еще ниже, почти до уровня начала 70-х. Россия

¹ Наши расчеты по данным среднегодовых номинальных и реальных спот-цен на нефть за 1970–2012 годы Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР, OECD). Ежегодная спот-цена на нефть с 2003–2011 годов в долларах за баррель дубайской нефти; с 1970–2002 годов в долларах за баррель арабской легкой (Arabian Light). Цена в реальном выражении рассчитана с использованием дефлятора ВВП США в рыночных ценах и пересчитана с базисом в 1970 году. Источник: OECD Factbook 2014: Economic, Environmental and Social Statistics.

Май 1988 года. Мост Дружбы. Вывод колонны советских войск из Афганистана

Александр Лыскин/РИА

проводит дружественную политику по отношению к Западу, получает кредиты, благодаря которым преодолевает кризисы и нестабильность.

5. На пороге нового тысячелетия появляется Владимир Путин, а цены на нефть начинают ползти вверх. В первую половину нулевых они еще не так высоки (и Путин тоже еще осторожен).

6. Следующий пик приходится на середину и вторую половину нулевых, (цены до начала осени 2014 года остаются примерно на уровне пика), то есть начиная с 2005 года Россия находится в состоянии СССР первой половины 80-х годов прошлого века. И политика как в зеркале тоже отражает политику СССР первой половины 80-х. Но во второй половине нулевых и после 2010 года цены на нефть превышают даже уровень начала 80-х, и начинаются политические и военно-политические авантюры – антиевропейский политический курс и война в Украине.

Нулевые годы давали России уникальный шанс взять подарок мировых рынков и вложить деньги в диверсификацию экономической структуры; начать программу «Земля–дома–дороги», создать в стране современные высокотехнологичные отрасли, которые могут давать доход независимо от нефти и прочих ресурсов (например, Япония импортирует всю нефть и практически все прочие ресурсы). Но ничего этого сделано не было.

Цены на нефть упали. Похоже, надолго. Ничего не сделав, чтобы изменить структуру экономики, создать современное общество и европейское государство, Россия оказалась в той же ситуации, что и во второй половине 80-х годов прошлого века. Сегодняшняя цена (пока это около 50 долл.) соответствует примерно 10 долл. за баррель в ценах 1970 года, и поскольку тренд нисходящий (в 2000–2004 годах тренд был восходящий и не было санкций), то это уровень, стремящийся к уровню 1985–1989 годов. Тогда это закончилось развалом страны.

Подумайте, к чему теперь в условиях ссоры сразу со всеми развитыми странами мира приведут Россию низкие цены на нефть?

Годы	Средние цены за пять лет (долл. за баррель дубайской нефти до 2003 года - Arabian Light), сопоставимые цены в долл. 1970 года
1970-1974	3,13
1975-1979	9,53
1980-1984	14,45
1985-1989	6,65
1990-1994	5,59
1994-1999	4,92
2000-2004	7,08
2005-2009	15,40
2010-2012	21,20
2015 Из расчета номинальной цены в 50 долл. за баррель	10,19

Москва. Площадь Тверской заставы. Колокольня Храма Николы Чудотворца у Тверской заставы на фоне современных построек
ru.wikipedia.org

Григорий ЯВЛИНСКИЙ: «Экономика не может пережить такие политические решения»

04.02.2015

Движение по антиевропейскому пути, в исторически обратную сторону приведет уже не к кризису, а к краху

АЛЕКСЕЙ ПОЛУХИН

Позиция партии «Яблоко» и ее лидера Григория ЯВЛИНСКОГО всегда была бескомпромиссно-патристической. Но сегодня вопрос отношения к войне вышел далеко за рамки этики и даже собственно политики. Поэтому разговор редактора отдела экономики «Новой газеты» и автора программы «500 дней» тоже получился – о войне. И о том, как и от чего нужно спасать нашу страну.

– Президент США заявил, что западные санкции порвали экономику России в клочья. Насколько верны его оценки – и про то, что «в клочья», и про то, что это произошло главным образом из-за санкций?

– Последний раз высказывание подобного уровня жесткости мы слышали от Рональда Рейгана, когда он назвал СССР «империей зла». Какие события тогда происходили? СССР вошел в Афганистан, потом был сбит южнокорейский «Боинг», потом началась программа вооружений «Звездные войны», которая была профанацией, но стала колоссальной нагрузкой на бюджет, начали падать цены на нефть с 1985 года, как известно, а еще через пять лет просто не стало страны. И вот вам аналогии: война с Украиной, сбитый малайзийский самолет, опять падающие цены на нефть, заявления со стороны России типа «мы Америку можем превратить в радиоактивный пепел», а они говорят, что Россия такая же опасность для мира, как лихорадка Эбола или террористы ИГИЛ. Поэтому слова Обамы – больше, чем слова, это определенные знаки и за ними

выстраивается вполне определенная логика, и хотя заявления о «клокьях» относятся к жанру политической риторики, тем не менее свидетельствуют о серьезности ситуации.

– К вопросу об исторических аналогиях. Я читал ваше интересное исследование, устанавливающее взаимосвязь между ценами на нефть и внешней политикой сначала Советского Союза, а затем и России. В том, что дорогая нефть делает нашу страну более агрессивной, сомнений практически нет. Как и в том, что длительный восходящий тренд приводит к застою в политической и экономической жизни страны. Вопрос вот в чем: СССР во второй половине восьмидесятых попытался провести перестройку, внешняя политика была смягчена на порядок – и тем не менее страна развалилась. Это такая историческая обреченность, кривая нашей истории теперь привязана к кривой нефтяных цен?

– Нет. Я вообще не разделяю популярную точку зрения, что Советский Союз развалился из-за падения нефтяных цен, или из-за дефицита, или из-за того, что людям нечего было есть. Я не знаю, помните ли вы времена конца 80-х годов...

– Я ходил в начальную школу.

– Прилавки были пустые, но голода-то не было никакого, и советские люди часто переносили и гораздо большие тяготы. Советский Союз развалился по другой причине: Горбачев разрешил людям говорить то, что они думают. За это перестали сажать,

перестали наказывать, перестали даже выгонять с работы, и это можно было печатать, говорить и показывать по телевидению.

Поскольку вся система была построена на лжи, то, как только ложь прекратилась, советская система рухнула. В ней не было механизмов естественной политической жизни, а искусственным фундаментом была ложь. Ложь была необходима для придания легитимности. Как только ложь перестала работать, легитимность исчезла и система рухнула. Цена на нефть здесь вовсе не решающий фактор.

– Сейчас система реагирует противоположным образом: пространство свободы сужается, почти ничего уже нельзя говорить, за это сажают, закрывают издания, блокируют доступ к информации. Это, получается, более адекватная реакция?

– Это значит только, что вранье и преступления в общенациональном масштабе вскроются позже и нынешняя система опять развалится. Этому могут сопутствовать и другие причины. Сейчас наша страна вошла в конфликт сразу со всеми, одновременно. Мало-мальски положительной перспективы у такой ситуации нет. Кроме того, система движется не вперед, а назад. Россия приняла программу модернизации, которая изначально касалась экономики, а сейчас распространилась буквально на все. Страна двинулась по антиевропейскому вектору – в обратную сторону, в далекое прошлое. А движение в исторически обратную сторону приведет уже не к кризису, а к краху.

– В политическом смысле, если почитать видных апологетов модернизации, «золотыми» в истории России считаются XV–XVI века. А в экономическом плане куда движемся? К демонстрации капитализма?

– В России в 90-е была создана система периферийного капитализма. Это капитализм, который несамостоятелен и прикреплен в качестве вспомогательного к группе основных наиболее развитых стран, он снабжает их сырьем, различными ресурсами. Сам же он находится на довольно далекой периферии, потому что у него нет соответствующих экономических и правовых институтов, нет современных драйверов. Все эти жизненно важные функции за него выполняли системы развитых стран, к которым он был прикреплен. А сейчас эта периферийная система сама отрезала себя от центра, вообразив, что она самостоятельно может жить. Что с ней теперь будет? Она будет деградировать, потому что у нее не будет связи с основным ядром, периферией которого она является...

– Более того, она намеренно разрывает связи...

– Да, именно так. Экономике нашей страны сделали жертвой политики. Проблемы нашей экономики – политические. Все обсуждают ставки, какие-то проценты, правильно ли работает Центробанк... А дело вовсе не в этом, а в политическом курсе. Это политический курс, а не Центробанк уничтожает нашу экономику. А как еще Центробанк может действовать в таких условиях, если ему говорят: «Прекращай падение рубля, но резервы не трогай»? Это как у Джан-

ни Родари графу Вишенке говорили графини Вишни: «Учись! Но не трогай книг! Разве ты не понимаешь, что они от этого портятся? <...> Учи на память».

Только от одного того, что ключевую ставку повышали до 17% ночью (!), экономику могло парализовать. У людей ведь складывается впечатление, что в правительстве паника, если они среди ночи принимают официальные публичные решения. Кроме того, говоря по существу, если повышается ставка и не проводятся интервенции, то это не помогает. Посмотрели бы, например, индонезийский опыт, там в одночасье до 50% подняли ставку, а интервенций не было, потому что не было резервов и рупия как разваливалась, так и продолжала разваливаться.

Но дело даже не в этом. Чисто экономические вопросы сейчас бессмысленно обсуждать. Экономика просто не может пережить такие политические решения. Вот это и есть самое главное. Экономике, как и всю страну, убрали из большого мира, устроили ей самоизоляцию, придумали ей какие-то абсурдные направления. Это рукотворная вещь, сознательно делается...

– Премьер-министр так и сказал: «Осознанный выбор».

– Вот и хотелось бы понять: что, уничтожение российской экономики в обмен на Крым – это и есть осознанный выбор? Когда делали вот такой «осознанный» выбор, понимали, какие будут последствия и кто за это будет отвечать? Разговоры о том, что у нашей экономики были и есть серьезнейшие проблемы и надо было проводить глубокие реформы, – это банальная правда, но фактически все же у нас была, хоть и слабая, но экономика, и с ней можно было жить.

– Пока цены на нефть не рухнули?

– Современная экономика огромной страны должна работать и при 20 долларах за баррель, и при 10. Надо было просто развивать внутренний спрос. Например, самый эффективный способ – массовое строительство частных семейных жилых домов и инфраструктуры. Тогда все заработает: машиностроение, электроника, легкая промышленность. Но этого не сделали – по понятным причинам: потому что в номенклатурно-корпоративном олигархическом государстве такие задачи не решаются. Не может долго и эффективно существовать такой гибрид, чтобы не было конкуренции в политике и десятилетиями не менялась власть, но была конкуренция в экономике. Как могло случиться так, что проводится политика абсолютно против стратегических долгосрочных интересов всей страны?

– Не могу сказать, как, но примерно понимаю, когда – с самого начала третьего срока.

– Нет, дело не в сроках и даже не в персоне. Слияние власти и собственности, осуществленное в 90-е, привело к абсолютной бесконтрольности власти, парализации СМИ и отсутствию независимого гражданского общества. В результате в этой системе любой, кто контролирует Кремль, может делать все что угодно.

В 2012 году закончился период «ознакомления» и началось движение «в историю». Приняли решение закрыть тему модернизации и навязать стране анти-

европейское направление, вообще мракобесное. Почему выбрано такое направление? Потому что европейское направление ведет к конкуренции в политике и к смене власти. А мракобесное консервирует власть и создает иллюзию, что она становится несменяемой.

– Ну да, Чуров вот заявил, что следующее поколение наших людей будет жить при коммунизме. Но мне некоторые симптомы напоминают скорее ранние девяностые – значительное и не останавливающееся падение курса рубля и растущая инфляция. Насколько реально скатывание в гиперинфляцию и, скажем так, в гипердевальвацию?

– Теперь – непредсказуемость, может быть все что угодно. И рассуждать о перспективах приходится в политической парадигме: а захватят завтра Мариуполь или нет.

– Мне кажется, что основной пакет санкций уже введен, то есть извне нам сделать хуже экономическими методами уже трудно. Можно рассуждать о том, отменят ли санкции и станет ли в связи с этим лучше...

– Я думаю, что санкции теперь как минимум надолго. А зачем западным странам такой фактор риска? Они пытались ведь подходить к вопросу как: «плохие парни, хорошие люди». Поменяются «плохие парни на хороших парней» – все будет ОК. Оказалось, в России это не работает – дело в системе, да и граждане легко поддаются и верят практически любой пропаганде и любому вранью. Вот что с этим делать? А надо их перевести в категорию Нигерии или Зимбабве.

– Мне не дает покоя вопрос о том, насколько адекватны действия Запада. Поскольку изоляция большой страны с ядерным оружием...

– А что вы можете с этим сделать? Это теперь уже форс-мажор. Мы теперь должны думать, что нам делать, как нашу страну сохранить.

– То есть точку невозврата мы еще не прошли?

– Этих точек не одна. Какие-то уже прошли, какие-то еще нет, но разворачиваться все равно нужно.

– Как это можно было бы сделать практически?

– Надо сделать три вещи. Во-первых, инициировать международную конференцию по Крыму. Во-вторых, надо реально вывести с Восточной Украины всех этих «отпускников» и то, на чем они «в отпуск» ездят. В-третьих, Россия должна стать частью коалиции в борьбе с ИГИЛ. Это минимум.

– Я понимаю, что ситуация может меняться быстро и непредсказуемо, но если представить себе, что сейчас система в состоянии «нового равновесия», то каков прогноз дальнейшего развития?

– Что такое падение цен на нефть более чем в два раза? В курсе доллара оно уже отражено, а это означает, что если зарплата меняться не будет, цена потребительской корзины должна вырасти минимум процентов на 50–60. Тогда рост инфляции до 15–20% – это безнадежно-оптимистический сценарий. Значит, будет сейчас коррекция доходов. Они выросли в два с половиной раза за последние десять

лет, сейчас будут корректироваться, то есть реальные доходы будут резко снижаться. Если сдерживать цены и ограничивать предпринимательство – будет дефицит, будет денежный навес, будет безработица. Получится что-то типа конца 80-х.

– Почему я про это спрашиваю... Потому что огромную роль в том, что происходит с обществом, играет, естественно, телевизионная пропаганда, которая казалась крайне эффективной. Но все-таки при наступлении очевидных противоречий между тем, что происходит в телевизоре (где у нас нет экономического кризиса), и теми социально-экономическими последствиями, которые очевидны, инертность мышления может быть преодолена?

– Нет, думаю, все сложнее и опаснее. В ответ на социальное недовольство назначат главного виноватого. Например, это может быть Обама. Обама – замечательная мишень, достать его невозможно, а сплотиться вокруг Путина против Обамы – милое дело.

– А как эту идею продать незомбированным людям, крупным бизнесменам, например?

– Наш большой бизнес, наследник криминальных залоговых аукционов, запуган до такой степени, что ему ничего не надо «продавать» – он сам «обманываться рад». Конечно, бизнес понимает, что кризис политический, но он боится об этом даже думать, потому что намертво соединен с властью. Иногда что-то пробивается, конечно. Интересно, Дерипаска вернулся из Давоса?

– Мне кажется, Путину не до высказываний людей на тему экономики, то есть он тоже понимает, что это вопрос политический. Просто экономика отвлекает его от миссии...

– А нет никакой миссии, потому что нет перспективы. Раньше перспектива была: строить страну, как в Европе, строить экономику, как во всем мире. А сейчас что? Если ты воюешь со всем развитым миром и у тебя 2% мирового ВВП, а у них 42% ВВП... Турик. Допущена трагическая политическая ошибка. У нее очень глубокие корни. На самом деле это кровью сочится стилистический абсурд еще Беловежской Пуши. Вот за то все теперь расплата.

– Есть такая пассионарная часть общества, которой очень нравится то, что происходит, но они считают, что хорошо, но мало. То, что эти маргиналы теперь в мейнстриме, создает риски для режима? Я имею в виду агрессивную экспансию «Русского мира» в Россию...

– Для меня «Русский мир» – это свобода, творчество и справедливость. Бандитизм, уголовщина и обскурантизм к этому не относятся. В чем коренной интерес и перспектива «Русского мира» – чтобы Россия стала, наконец, современной, свободной, европейской страной. При выборе исторического пути есть миллион неправильных вариантов, а правильный только один.

Медный всадник – памятник Петру I в Санкт-Петербурге

Осознанный выбор?

06.02.2015

ГРИГОРИЙ ЯВЛИНСКИЙ

Под ударом «коллективного запада» не политический режим, а место и роль России в современном мире. Необходимо действовать – иначе через некоторое время этот набравший ход тяжелый каток остановить не удастся

Недавно премьер-министр Дмитрий Медведев заявил, что решения России и реакция на них со стороны Запада стали одной из причин нынешнего кризиса, но это был «осознанный выбор». В чем же на самом деле может заключаться этот «выбор» и являются ли его последствия действительно осознанными?

К концу прошлого года стало ясно: Россия втягивается в качественно новое, еще не виданное в отечественной истории и чрезвычайно опасное для страны положение. За последние три года Россия резко изменила стратегический курс своего движения, постепенно, но прочно встав на путь изоляции от западного мира и фактического самоустранения из глобальной политики и экономики. Это самоустранение есть результат масштабных практических шагов России по выходу из сложившейся к началу 2000-х годов системы представлений о правилах и ограничителях международных действий, что противопоставило ее всем главным субъектам современных международных отношений. Россия попыталась продиктовать миру новые (более справедливые, по ее мнению) правила международной жизни, исходящие из представления о своей особой роли как «уникальной цивилизации» и альтернативном полюсе «мировой многополярности».

Но сегодня становится все более очевидным, что эту попытку она проиграла. Решив исключить Запад и его позицию из факторов, которые следует всерьез принимать во внимание при определении зоны интересов России (пространства, которое нынешнее российское руководство определило как сферу своих жизненных интересов), наша властная элита грубо просчиталась в оценках своих возможностей и

ситуационной слабости «партнеров». Своей цели – «блицкригом» вынудить Запад согласиться на пересмотр правил игры – она не достигла, а ресурсов на то, чтобы добиться того же посредством затяжного – на десятилетия – противостояния, у нее нет и не будет. Нежелание признать неудачу и попытаться найти новую, более реалистичную линию поведения только усугубляет возможные последствия принятого неверного решения.

В результате конфликт России с Западом, уже нанесший вред ее стратегическим интересам, перерастает в жесткое антагонистическое противостояние, стремящееся к «точке невозврата», и грозит перейти в принципиально иную плоскость, когда на кону оказываются уже не просто экономические и политические интересы, а историческая судьба страны.

Агрессивная амбициозность, ставка на скрытый и явный шантаж, непредсказуемость, стремление стратегически противопоставить себя группе наиболее мощных и влиятельных политических и экономических сил современного мира не просто ухудшили до последней степени отношения России с Западом, но и, что еще опаснее для будущего нашей страны, сформировали там консенсус относительно необходимости принудительного понижения геополитического статуса России как доступного и эффективного средства против ее нынешних и будущих претензий. Это – принципиально новая фаза кризиса в отношениях России и Запада: последний, убедившись, что повлиять на стратегический курс российского руководства он не может, неизбежно будет искать другой, более радикальный способ устранить то, что он считает для себя серьезной угрозой.

Судя по словам и делам последнего времени, коллективный Запад (сумма мнений и настроений, определяющих вектор движения развитых стран вне зависимости от отдельных отклонений и особых позиций по частным вопросам) не намерен ждать политических изменений или «смены режима» в России – это

слишком долгие способы устранения раздражающего Запад фактора, да и перспективы достижения устойчивого результата выглядят сомнительными. Гораздо вероятнее, что он выберет более простое решение проблемы России как страны, «взламывающей» постсоветское и европейское пространство и воспринимаемой Западом в качестве главной опасности для Европы, лишив ее возможности выступать в роли непредсказуемого, но влиятельного игрока, способного сильно осложнить глобальную политику XXI века, и без того превращающуюся в самозапутывающийся узел. И хотя такая стратегия в отношении России чревата опасными для всех сценариями, а ее кажущаяся простота – обманчива, общий вектор западной политики тем не менее, очевидно, поворачивается именно в эту сторону.

Что это означает? В первую очередь то, что целью, объектом давления становится не столько власть в ее нынешнем персональном выражении или сложившаяся система выработки ее политической линии, сколько место и роль в мире российского государства как действующего и даже как потенциального субъекта мировой политики. Другими словами, Запад исходит из старого принципа: то, что не поддается влиянию и ограничениям, является угрозой и должно быть нейтрализовано.

Речь сегодня идет не о военных сценариях, которые Запад будет избегать всеми мыслимыми и немыслимыми способами, а об относительно медленном, но неуклонном экономическом давлении на Россию с целью радикального сокращения возможностей ее руководства.

Добиться этой цели Запад может через самое уязвимое место России – через ее экономику, через лишение ее источников и ресурсов для роста. Расчет делается и будет делаться на то, что страна, лишенная возможности серьезно воздействовать на окружающий мир (из-за фундаментальной слабости экономического потенциала и необходимости постоянно сосредоточиваться на решении массы нескончаемых сиюминутных проблем), становится безопасной, предсказуемо стерильной в глобальном и региональном плане даже при сохранении существующего в ней политического режима. В этом смысле надежды некоторой части противников нынешней власти на то, что «Запад нам поможет», – наивны и ошибочны. Нынешние политические конструкции в Нигерии или Зимбабве могут быть законсервированы на столетия – и никто не выделит и сотни тысяч долларов на смену правящих там режимов. Тем более это маловероятно в России, где перспектива тотальной дестабилизации в результате неумелого и самонадеянного вмешательства извне может поставить мир на грань ядерного апокалипсиса. Да и идеологические обоснования для этого есть: во многом благодаря растущей тотальной конфронтации не только в России, но и на Западе, возникает удобная возможность отказаться от идеи глобального мира на основе единых ценностей и открыто использовать комфортную теорию «цивилизационных разрывов».

Вытеснение России из «Большого мира» (выключение ее из поиска решений глобальных проблем, региональных конфликтов и другого) уже происходит и будет дальше происходить без войны, даже без применения вооруженной силы. Для этого лидерам мировой экономики достаточно лишь последовательно выдерживать линию на изоляцию России, используя доступные им инструменты.

Юридически формализованные санкции – только малая и не самая опасная их часть. Речь идет о вещах гораздо более масштабных – о фактическом исключении России из мировой финансовой системы, об отсечении ее от глобальных рынков капитала, от возможности привлекать и использовать для своего развития мировые финансовые, технологические и предпринимательские ресурсы. Ужесточающиеся ограничения на любые формы долгового финансирования и передачи технологий, по сути, закрывают возможности для любых значимых иностранных инвестиций в России, в том числе с использованием репатриации ранее вывезенного российским бизнесом капитала. По сути – это подрыв возможностей экономического роста страны (кстати, в последних высказываниях западных экспертов именно это, а вовсе не частные уступки в донбасском противостоянии, открыто называется в качестве цели будущих новых санкций).

Кроме того, не следует забывать и о силе инерции. Чем больше российская экономика будет действовать в режиме административно-военной мобилизации против внешних угроз, тем более затруднительным и даже проблематичным будет возвращение в режим нормальной жизни, в режим мирного роста. Меняется логика экономического и потребительского поведения, меняется мотивация – наконец, меняются и сами люди. В ближайшие несколько лет неизбежно произойдет существенное кадровое обновление и правительства, и руководящего звена крупных государственных корпораций. И если нынешние руководители и кураторы еще робко намекают на желательность скорого снятия санкций и возвращения в режим нормального взаимодействия, то новые люди будут чувствовать себя в условиях «враждебного окружения» в привычной и комфортной для себя среде.

Да и для западных «партнеров» ситуация станет более простой и определенной. Если в первые месяцы «после Крыма» там действительно существовала мощная группа интересов, надевавшаяся, что все ограничится локальным «инцидентом» по образцу российско-грузинской войны 2008 г., и усилия и средства, в той или иной форме вложенные в Россию в течение предшествующего десятилетия, еще удастся так или иначе капитализировать, то теперь положение изменилось. Большинство западных контрагентов России на правительственном и неправительственном уровнях удостоверились в том, что на этот раз всё – всерьез и надолго, и, по сути, уже смирились с неизбежными убытками – как материальными, так и нематериальными, – которые придется понести. Это обеспечивает поддерж-

ку политики изоляции России практически всеми мощными группами интересов в странах Запада. В данном случае не так важно, что она находит искреннюю поддержку и в самой российской элите (по принципу: «Да мы и сами этого хотели»), – важно, что под политику окружения России невидимым, но высоким забором подводится прочная долгосрочная основа.

Конечно, в XXI веке абсолютная изоляция любой страны, тем более России, вряд ли возможна. Но вполне возможна изоляция эффективная. Призыв Госдепартамента США «не вести дела с Россией обычным образом» не будет исполнен сразу и буквально, однако в длительной перспективе он обязательно сработает. Страна лишится не только внешних ресурсов, без которых невозможен ускоренный «догоняющий» рост, в котором она пока еще сильно нуждается, но и необходимой меры внутренней стабильности. На самом деле экономический рост является единственным механизмом сглаживания внутренних социальных, межкультурных и межэтнических трений и противоречий, снижения рисков общественной и политической нестабильности. Сокращение же объемов хозяйственной активности, наоборот, всячески их обостряет, и заменить их телевизионным наркотиком на длительный срок не получится. Неизбежное в условиях массовых сокращений доходов и занятости обострение внутренних конфликтов и трений сделает Россию крайне уязвимой, превратит ее в мишень глобального масштаба для всякого рода экстремистских и дестабилизирующих сил. Более того, учитывая особенности страны, объективно это может иметь своим следствием в том числе и ее распад по тому или иному сценарию.

Не стоит питать иллюзию, как это делают некоторые, что наши сегодняшние проблемы – пик давления извне, после которого оно пойдет на спад, в частности – ввиду неэффективности санкций. Будут применяться другие средства, но общее давление будет нарастать. Да, власть будет пытаться ограничить эффективность этого давления, отвечать на него, обвинять Запад в «двойных стандартах», но искать справедливости не у кого и апеллировать будет не к кому. Реально противопоставить такому давлению будет нечего.

С точки зрения воздействия на российскую экономику политика внешней изоляции и самоизоляции – политика особого рода. Образно говоря, она не наносит видимых физических увечий, но разрушает способность организма поддерживать работоспособность своих жизненно важных органов. Защититься от нее с помощью каких-то заклинаний и расчетов на чудесное появление каких-то неведомых внутренних новых сил, что пытается сделать нынешняя власть, – невозможно и бессмысленно.

Неправильно было бы сказать, что Россия не выдержит «лобового столкновения» с Западом или новой «холодной войны». Самого столкновения не будет, потому что речь идет даже не о неравенстве сил, а об их драматической асимметрии. Процесс глобализации уже настолько изменил мир (к добру

или к худу, сейчас дискутировать не будем), что войти в воду, утекшую четверть века назад, просто невозможно.

У России нет союзников. Армия и флот, стратегические ядерные силы определяли положение страны почти до конца прошлого века, но в сегодняшнем мире этого категорически недостаточно. Чтобы бороться с возникающими принципиально новыми угрозами, этого недостаточно и странам Запада, но Россия на своем примере ощутит это раньше и острее других.

При этом поиски альтернативы Западу, расчет на «поворот на восток», юг или куда-то еще – все это также абсолютно беспочвенно. В условиях углубляющегося кризиса никакой помощи, никакого сочувствия к России и к судьбе ее экономики нет и не будет. У Индии и Китая свои интересы: экономически они реально зависят от Запада, и именно в связях с ведущими экономиками мира они видят инструмент роста своего будущего благосостояния и могущества. Для Китая США являются несопоставимо более важным рынком сбыта и источником ресурсов для роста. Даже Белоруссия и Казахстан политически Россию не поддерживают. У них обнаруживаются свои интересы, собственная позиция на постсоветском пространстве. Но, главное, они категорически не хотят разделять с Россией ее нынешнее положение объекта международного давления и санкций.

Политические ошибки руководства России последних лет поставили вопрос о возможности дальнейшего существования страны как таковой. Распад СССР не стал смертельной национальной катастрофой только по одной причине: была внятная перспектива – западноевропейская модель государственности и современная рыночная экономика. Сейчас в связи с отказом от этой перспективы, возможность краха самой российской государственности в результате грядущей экономической катастрофы ощущается почти физически. В этих условиях подготовка к какому-то «столкновению», «противостоянию», разговоры о мобилизации ресурсов – это тупик, бегство от реальности; на самом деле – это ступор и ничегонеделание. Для предотвращения катастрофы, для сохранения страны надо думать и действовать иначе.

Однако адекватного понимания этого в российском общественном сознании и в отечественном информационном поле нет. Принципиально новые угрозы обсуждаются в старых терминах, маскирующих суть этих угроз под то, что кажется знакомым, понятным, а значит, и не слишком страшным (не такое, мол, видели). Разговоры о противостоянии с западным и всем остальным миром, «войне санкций» и новой «холодной войне» становятся частью обыденного сознания и не пугают его возможными последствиями, превратившись в часть бесконечного политического «ток-шоу». Взаимные обвинения стали рутинными, когда утверждения противной стороны не воспринимаются всерьез и не влекут за собой проецирование возможных событий на буду-

щее – как ближайшее, так и более отдаленное. Риторический «отпор» противнику превращается в самоцель, определяющую все остальные реакции.

На самом деле тема «санкций» и их возможного снятия, вокруг которой сегодня ломаются копыя, ни в малейшей степени не отражает серьезности ситуации. Само употребление этого слова порождает ассоциации с политикой «западного» мира в отношении Ирана, Ливии, Зимбабве и других «стран-изгоев», но Россия – это совсем другая история. Санкции против «изгоев» вводились и долго держались при общем безразличии к их долгосрочным последствиям – как с той, так и с другой стороны. Никто не верил ни в скорую «демократизацию» (вестернизацию) этих обществ, ни в то, что они в обозримом будущем смогут представлять для западного мира реальную угрозу. Именно поэтому, например, за те три с лишним десятилетия, что Иран живет под санкциями, ни его место в мире, ни перспективы дальнейшего социально-экономического развития существенно не изменились.

То, что мы имеем сегодня в отношениях между Россией и Западом, – ситуация принципиально иного характера: если все так и будет продолжаться, процесс принудительного перевода России в категорию третьеразрядных отсталых стран станет необратимым. Необходимо действовать – иначе через некоторое время этот набравший ход тяжелый каток остановить не удастся.

Учитывая его огромную инерцию, через какое-то время даже и смена власти в России уже не поможет и не решит проблему, поскольку многие условия для ускоренного экономического роста будут безнадежно утрачены, и на их восстановление могут уйти годы, если не десятилетия. А в XXI столетии потерять несколько десятилетий для роста и развития – это непозволительная роскошь для нашей страны. Нет у нее такого запаса прочности, и никакое «историческое величие» не спасет ее от судьбы слабеющего великана, не способного удержать под контролем процессы собственной деградации и распада.

Что можно немедленно сделать для выхода из опасной спирали падения?

Во-первых, должны быть реализованы инициативы по урегулированию ситуации в Украине и нормализации отношений России и Украины, открывающие перспективу и создающие условия для диалога. Действовать надо немедленно, исключительно на основе здравого смысла и долгосрочных национальных интересов. Прежде всего необходима инициатива с российской стороны о проведении Международной конференции по Крыму с участием представителей народов полуострова, Украины, России, ЕС, самого широкого круга заинтересованных сторон. Это лучший способ продемонстрировать готовность к разговору, которая нужна для того, чтобы Россия снова стала стороной диалога, чтобы с ней говорили, чтобы ее слушали.

Следует исходить из того, что главное при решении вопроса о статусе полуострова – мнение, интересы и позиция жителей Крыма. Оптимальное

решение – провести международно признаваемый референдум по соответствующим украинским законам и под объективным контролем, проявив уважение к живущим в Крыму людям. Международная конференция может принять решение о том, что практическое осуществление референдума и контроль за его объективностью в соответствии с международно признанными нормами будет реализовываться под эгидой ООН или ОБСЕ. На это, конечно, потребуются время, но на данном этапе важнее всего, что возникнет диалог и начнется процесс выхода из тупика. Это – серьезный подход и достойный способ добиться прочного решения. В то же время это будет разговор с Западом на понятном ему языке, открытие реальной перспективы выхода из кризиса.

Во-вторых, одновременно необходимо кардинальное изменение ситуации на востоке Украины. При сохранении нынешнего положения никакое перемирие не будет прочным, а в эскалации конфликта всегда будут обвинять Россию. Решение этого вопроса полностью находится в пределах возможностей и компетенции руководства нашей страны. Россия может сделать так, что вооруженное противостояние прекратится.

Главное – выполнение Минских договоренностей о выводе «незаконных вооруженных формирований, военной техники, а также боевиков и наемников с территории Украины» и обеспечение гарантий безопасности населения Донбасса с помощью масштабного привлечения наблюдателей ОБСЕ и нейтральных миротворческих сил. Негативная реакция на такие действия внутри России будет, но она не является обстоятельством непреодолимой силы. Ради сохранения страны это можно пережить. Надо понимать, что отказ от так называемой «доктрины ограниченного суверенитета» в отношении Украины, как и всех других постсоветских республик, – абсолютный императив XXI века, и чем раньше Россия к этому придет, тем лучше для нее.

В-третьих, нужно возвращаться к общей проблеме, в решении которой прямое сотрудничество России с Западом может иметь существенное, а возможно, и решающее значение. Тема эта старая – международный терроризм, в частности терроризм, основанный на исламском фундаментализме. «Исламское государство» – принципиально новая опасность, не в теории, а реально, с географически огромного плацдарма угрожающая и нашей стране. Именно от ИГИЛ исходит прямая угроза Кавказу и другим потенциально нестабильным российским регионам. Вывод американских войск из Афганистана с последующим приходом талибов расширит и укрепит этот плацдарм. Уход из Афганистана – свидетельство того, что решения, адекватного проблеме, нет ни у США, ни у Запада в целом. Вместе с тем именно борьба с вооруженным экстремизмом является территорией, на которой может быть эффективно использован военно-интеллектуальный, военно-технический, военно-силовой потенциал России.

Это минимум критически важных политических шагов, который позволит отвести от страны угрозу

деградации и приступить к ее реальному обустройству в длительной исторической перспективе.

Я отношу себя к демократической оппозиции. Смена власти была и остается целью моей и партии, в руководство которой я вхожу. Однако развал экономики, выдавливание страны в категорию государств «третьего мира», ее деградация и распад для меня и моих коллег неприемлем, по чьей бы вине это ни произошло. Зафиксировать нашу непричастность к этому результату (мы, мол, предупреждали, говорили, требовали, предсказывали) – результат ничтожно малый. Он никого не согреет, как никого из тех, кто не удержал Россию в 1917 г., до конца жизни не могла утешить мысль о вине

большевиков в последовавшей национальной трагедии. Для нас главный политический принцип – сохранение страны. Наш осознанный выбор – Россия как современная и свободная страна. И с этой точки зрения в сложившейся ситуации одинаково неприемлемым выглядит как упорство в проведении нынешнего курса, так и простая констатация очевидностей на тему недостатков власти и необходимости ее смены.

Предлагаемые меры – это единственный реальный выход из опасного тупика, в котором сегодня оказалась наша страна. И мы готовы сотрудничать с каждым, кто готов начать движение по этому пути.

Церковь Рождества Пресвятой Богородицы (Рязанская область, село Перевлес)

ru.wikipedia.org

Питер Брейгель Младший. Извлечение камня глупости

Путь, которого нет

19.10.2015

ГРИГОРИЙ ЯВЛИНСКИЙ

Главная цель сегодняшней российской государственной политики, которая подчиняет себе все, – не развитие страны в реальном мире XXI века, а сохранение режима персональной власти на неопределенное время

Главная цель сегодняшней российской государственной политики, которая подчиняет себе все, – не развитие страны в реальном мире XXI века, а сохранение режима персональной власти на неопределенное время

Выступление Владимира Путина в ООН и интервью американскому и российскому телевидению в значительной степени суммировали основные положения политического курса, который он реализует с мая 2012 года. В него входит все, что происходит внутри страны, а также Украина, Крым, Донбасс и вот теперь Сирия.

Нельзя сказать, что прозвучало что-то новое – почти все это говорилось неоднократно и ранее. Постоянно звучат слова: «российская модель, суверенитет, легитимность, друзья и союзники, многополярность, международное право...»

В России привыкли не слишком обращать внимание на публичные высказывания начальников, потому как слишком много пустословия («свобода лучше, чем несвобода»), сопровождаемого непреодолимым разрывом слова и дела. Но в данном случае ситуация несколько иная. Сегодняшние слова президента – плод и выражение мировоззрения, лежащего в основе действий, в которые втягивается вся страна, все граждане, включая нынешние и еще не родившиеся поколения. Поэтому очень важно понимать, что за словами кроется, особенно сейчас, в контексте прямого российского вмешательства в сирийскую гражданскую войну

Российская модель

Отправной тезис политического курса Владимира Путина: сопротивление «навязыванию» нашей и

другим странам неких «моделей развития» извне и защита «российского суверенитета».

Внутренняя политика последних лет показала, что под «моделями извне», от которых, по мнению президента, следует бескомпромиссно, всеми способами вплоть до военных защищать Россию, в Кремле понимают реальное разделение властей, независимую судебную систему, права и свободы человека, неприкосновенность частной собственности...

На самом деле это никакие не «модели извне», а важнейшая составная часть современного исторического процесса, и для любой страны, которая хочет сохраниться в XXI веке, эти направления развития не вопрос выбора. Это императив, неизбежность.

Конечно, делать все это мы должны сами, «впаривать» ни нам, ни другим все это не нужно и бесполезно, но делать сами мы должны именно это.

Однако главная цель сегодняшней российской государственной политики, которая подчиняет себе все, – не развитие страны в реальном мире XXI века, а сохранение режима персональной власти на неопределенное время. В обеспечении неприкосновенности власти и заключается вся сегодняшняя российская «модель». Ради ее поддержания производится умышленное выхолащивание и, по сути, уничтожение всех современных государственных институтов: суда, закона, права собственности... То есть в стратегическом плане страна не просто тормозится в своем движении вперед, она отбрасывается назад, демодернизируется.

Именно зацикленностью на теме сохранения в неприкосновенности власти диктуется вся внешняя политика: и Украина, и теперь участие в гражданской войне в Сирии, и все другие авантюры, которые еще предстоят в силу неизбежного провала предшествующих.

Отказ наверх стывать упущенное, переходить от имитационного развития к реальному, вытекающий из такого политического курса, означает пребыва-

ние на периферии глобального развития, причем с большой вероятностью, вечное. Никакого особого пути вне европейской цивилизации у России просто нет, и попытка построить «свою евразийскую модель» приведет к краху и развалу. (Вообще, как известно, когда водитель трамвая начинает искать новые пути, это плохо кончается.)

В отличие от СССР, Россия никаким полюсом не является, т. к. нет у нее никакой «сверхидеи», своей особой философии или идеологии. Был в XX веке 70 лет «мир советской коммунистической идеологии» и конкретная практика этой идеологии, попытки ее навязать. Но даже СССР, в отличие от сегодняшнего российского руководства, не отрицал исторический процесс, а утверждал, что «находится в его авангарде, и рано или поздно все пойдет по этому пути». Отсутствие реального движения компенсировалось ложью и насилием, что создавало огромное напряжение, в конце концов приведшее к краху советской системы.

У сегодняшней России нет ни лидерской идеологии взамен обанкротившейся советской, ни стратегии (ни национальной, ни глобальной), ни практики ее внедрения. Есть слабая авторитарная провинциальная система полукриминального националистического типа, существующая на деньги от продажи сырья. Именно ее и предполагается защищать.

Суверенитет

Сохранение режима в неприкосновенности обосновывается необходимостью защиты суверенитета страны. В это слово вкладывается какой-то сверхценностный, чуть ли не сакральный смысл, совершенно оторванный от действительности. Во первых, потому что никакого абсолютного суверенитета в мире ни у кого нет. (Есть такая шутка: «Какая самая независимая страна? Вануату. Почему? Потому, что от нее ничего не зависит».)

Во вторых, суверенитет страны в современном мире прямо пропорционален ее экономической мощи, моральному авторитету государства, понимание стратегических интересов народа (нации) и способности их реализовывать. Действия в этих направлениях и есть политика суверенитета, т. е. суверенная политика.

«Что хочу, то и ворочу» – это не суверенитет, а проявление комплекса неполноценности российской «элиты», в основе которого глубинное понимание ограниченности своих возможностей и страх перед будущим. Это даже не «подростковый бунт периода полового созревания», преодолеваемый взрослением, а истерика взрослого неудачника, винящего во всех своих неудачах других.

Если курс национальной российской валюты почти на 100% зависит от торгов нефтью в Нью-Йорке и Лондоне, то какой же это «суверенитет страны»? Если у правительства нет возможности определять курс рубля, то чем можно компенсировать эту неспособность? Угрозой применения ядерного оружия? Запусками крылатых ракет? Кстати говоря, это

еще и означает, что за 15 лет для нашей экономики фундаментально не сделано ничего.

Легитимность

Легитимность в понимании нынешнего российского руководства – это тоже сохранение в неприкосновенности власти – своей, Башара Асада, Виктора Януковича, Муаммара Каддафи... Смена власти, по его мнению, недопустима, нелегитимна и происходит только вследствие заговора внешних сил.

И в этом случае налицо волонтаристская трактовка, свидетельствующая об отсутствии связи с реальностью. Наоборот, основа легитимности современного государства – законная сменяемость власти. «Легитимность – согласие народа с властью, когда он добровольно признает за ней право принимать обязательные решения. Чем ниже уровень легитимности, тем чаще власть будет опираться на силовое принуждение». Народ имеет право на смену руководства страны через выборы. Если власть манипулирует волей народа, выборы фальсифицирует, умышленно бесконечно лжет и создает полицейское государство, то требование смены власти становится предметом массовых акций гражданского сопротивления и неповиновения. Если на мирные формы протеста власть отвечает насилием, именно она несет первоочередную и главную ответственность за последствия.

Говоря о легитимности, также хорошо бы помнить, что Россия так и остается правопреемницей СССР – государства, созданного путем госпереворота в октябре 1917 го – январе 1918 года и Большого террора. Кроме того, в 1993 году была полностью нарушена действовавшая на тот момент конституция. На основе очередного антиконституционного госпереворота была как бы принята нынешняя конституция, но и она никогда не исполнялась.

Наконец, о какой легитимности, законности и международном праве в действиях России можно говорить на Генассамблее ООН после известного голосования в ООН по Крыму: 27 марта 2014 года на заседании Генеральной Ассамблеи за резолюцию, подтверждающую суверенитет и территориальную целостность Украины в ее международно признанных границах и отрицающую законность какого бы то ни было изменения статуса Автономной Республики Крым или города Севастополя, проголосовали 100 стран, а против – 11.

Союзники

Ложный выбор «Запад или Восток», перед которым, по словам Путина, поставили постсоветские страны, – действительно ложный, но создал этот ложный выбор он сам, объявив Россию «неевропой» и придумав фантом «евразийства». Движение в Европу, европейский образ жизни, постепенное и эффективное вхождение в европейские и евроатлантические структуры – это исторически предопределенный путь развития большинства постсоветских стран и непременно России. Выдумывать и пытаться

ся на практике осуществить что-то другое – путь к разрыву постсоветского пространства, к различного рода политическим и военным авантюрам, кровопролитию и угроза самому существованию России.

Доктрина, придуманная для идеологического сопровождения и оправдания режима несменяемости власти в России, исходит из того, что условием выживания России в XXI веке является ее противопоставление европейской цивилизации и европейскому пути развития. Для практической реализации этой доктрины Кремль старается по возможности объединить и возглавить те страны, где режимы агрессивно отрицают современную демократическую государственность и права человека, выступить в качестве защитника разнообразных диктаторских режимов на Ближнем Востоке и в других регионах мира, явно или косвенно использовать любую сложную ситуацию, любую тактическую оплошность или затруднение Запада (ИГ/название запрещенной в России группировки «Исламское государство»/, беженцы, экономические кризисы в отдельных странах, праворадикальные националистические партии, ошибки и провалы европейцев и американцев) для ослабления ЕС и особенно США.

Своим главным партнером российское руководство хотело бы видеть Китай, точнее КПК, которой принадлежит абсолютная власть в почти полуторамиллиардной стране. Однако для КПК постсоветская Россия – это символ неудачи, провала и развала коммунистической системы, которого Китаю, по мнению его руководства, пока удалось избежать. Кроме того, российские элиты жестко ассоциируются с безнаказанной коррупцией, борьба с которой – задача номер один для руководства китайских коммунистов. Безуспешность борьбы только повышает чувствительность к теме и желание дистанцироваться от тех, кто практически демонстративно превратил коррупционное разложение в образ жизни. Легко догадаться, что в таком контексте со стороны Поднебесной рассчитывать на какое-то понимание, а тем более хотя бы и ущербное, но равноправие – крайне наивно и недальновидно.

Что касается ближневосточных и иных диктатур, то здесь политике путинской России созвучна тенденция исторического регресса, отката в прошлое вплоть до средневековой раздробленности, которая для ближневосточных монархий является гораздо более понятной и приемлемой средой, чем для Европы и США. Даже ИГ воспринимается в руководстве России, несмотря на риторику об «опасности для всех», отнесения к запрещенным организациям и т. п., как в общем-то нам полезная «головная боль» для США и европейцев. Это в представлении провластной «элиты», видимо, и есть «многополярный мир».

Однако все эти диктатуры, кроме загнанного в угол Асада, рассматривают Россию как противника – не тактического, а цивилизационного, мировоззренческого. Что бы ни думало о себе российское руководство, при взгляде с исламского Востока мы – или христианский Запад, или территория потенци-

ального распространения ислама. Не говоря уже об ИГ. «Исламское государство» – угроза не только идейная, но такая, которая уже обрела плоть – территорию, и затягивает в себя все больше людей.

Позиционируя себя как «неевропу», Россия проваливается в межцивилизационную щель и исчезает. Ни среди сателлитов Китая (сателлит, продолжающий контролировать огромную территорию, примыкающую к Китаю и давно рассматриваемую им как зону жизненных интересов, – вообще нонсенс), ни в средневековой системе эмиратов и халифатов, ни тем более в мире ИГ ей места нет.

При этом хорошо бы не забывать, что размер российской экономики – всего полтора процента глобального ВВП.

Стратегический дальтонизм

Почему российская власть и «элиты» не замечают этих, казалось бы, очевидных вещей и действуют во вред не только стране, но и себе самим (погибнут же вместе с организмом, как раковая опухоль)? Из-за стратегической слепоты, неспособности различать перспективу и тупик и в силу этого сосредоточенности на тактических комбинациях.

В стратегическом плане большие осложнения неизбежны, потому что Россия вступает в конфликты, исходя из кратковременной, тактической оценки ситуации. Она тоже не всегда верна, но главное в том, что, даже достигая тактических целей (создание зоны нестабильности в Донбассе, локальное наступление армии Асада), российская периферийная система совершенно не учитывает огромное число среднесрочных и долговременных последствий, поскольку в принципе не способна определять для себя реальные стратегические цели и задачи.

В выступлениях и интервью российского президента есть немало самых разных технических и тактических деталей, риторических приемов, которые создают ощущение серьезности, смелости и компетентности, но суть – в абсолютной ошибочности фундаментальных исходных позиций, в антиисторичности его мировоззрения. Нет в реальности такого пути, о котором он говорит; нет такой идеологии, которую он пытается представить; нет такого содержания, нет такой сущности и нет таких интересов России, отталкиваясь от которых он выступал в ООН.

Исходные постулаты и позиция в целом настолько неверны, что любое крупное действие на этой основе как внутри страны, так и во внешней политике в долгосрочной перспективе обречены на провалы с тяжелыми для страны последствиями. Это в полной мере касается как Украины, так теперь еще и Сирии.

Следствием такого глубокого и серьезного непонимания устройства современного мира, презрения ко всему непонятному и непохожему на старые советские представления жизни, циничного отношения к человеческим судьбам, умышленной демодернизации российского сознания будет тяжелый и очень опасный кризис.

Продолжать транслировать эту точку зрения можно только потому, что ни у кого нет возможности ей публично возразить, представить полномасштабную альтернативу, да и в этих тепличных внутривластных условиях удерживать позиции удается только с помощью непрерывной демагогии и манипуляций общественным сознанием со стороны государственных СМИ.

Итоги и перспектива

Сегодня можно уверенно констатировать, что события последних лет свидетельствуют о срыве постсоветской модернизации. Российские действия на Украине и в Сирии символизируют ее бурный финал.

Постсоветская модернизация не создала институтов по защите себя от антиевропейства Путина и провалилась. Если бы задачи модернизации – правовое государство, разделение властей и реальная независимость суда, обеспечение права собственности – пусть медленно, но последовательно выполнялись, политический разворот, который мы переживаем сегодня, был бы невозможен.

Приходится признать: экономический рост, тем более случайный, за счет сырьевых цен, в немодернизированном обществе ведет к серьезным негативным политическим и социальным последствиям, в том числе и к войне.

После грядущего кризиса и после Путина предстоит серьезная общественная дискуссия на главную тему – российской и русской самоидентификации. Именно на этой основе может быть достигнуто взаимопонимание с миром, но при одном обязательном условии – ощущении цивилизационной общности. Вот тогда станет ясно, что Россия вместе с другими европейскими странами, в том числе и православ-

ными странами – членами НАТО, вместе с США и всеми, кто разделяет принадлежность к европейской цивилизации в самом широком смысле, идет общим историческим путем. Естественно, при сохранении и укреплении российской своеобразности, особенностей культуры и традиции.

До тех пор пока этого нет – все разговоры-переговоры на высшем уровне, встречи «на полях», все «семерки» и «двадцатки», все и всяческие «форматы» со стороны России будут превращаться в демагогию, популизм и фарс. Сейчас так и происходит. Вырезая Россию из глобального развития по европейскому пути, пытаясь с отдаления высокомерно, а часто и просто по-хамски рассуждать о том, например, как Европа справляется с проблемой беженцев и что она вместе с США вообще намерена делать на Ближнем Востоке, российские политики, дипломаты, журналисты, блогеры толкают Россию все дальше и дальше на окраину мировой политики, топят ее в болоте периферии. И думать, что при такой пещерной дикости политических нравов можно говорить об экономическом росте, отказе от догоняющего развития, об инвестициях – это значит вообще не соображать, как устроена современная экономика и жизнь.

Поиск единства в разнообразии, взаимопонимания и взаимопроникновении – важная составляющая европейского мировоззрения, и для России с ее богатейшей историей и культурой здесь всегда было место. Одно из важнейших мест.

Это место никто у России не отнимет, да и отнять не собирается. Отобрать его у себя способна только сама Россия, если откажется от единственно реального европейского исторического пути в пользу болезненных фантазий и геополитических галлюцинаций.

Поезд пересекает российско-китайскую границу вблизи Забайкальска

ru.wikipedia.org

На заседании XVII Петербургского международного экономического форума

ПМЭФ

Реформа невыполнима

09.11.2015

ГРИГОРИЙ ЯВЛИНСКИЙ

Глубокий системный кризис российской экономики не вызывает сомнений. В июне на Петербургском экономическом форуме элиты еще пытались делать вид, что это не столько кризис, а это так Россия идет «своим путем». Правда, компания, в которой президент России выступал с трибуны (вице-премьер Китая, вице-премьер Мьянмы и греческий премьер Алексис Ципрас), была малоубедительной.

Но осенние форумы – владивостокский, сочинский и в особенности форум ВТБ с забавным названием «Россия зовет» – это констатация того, что рост без развития предшествующих лет сменился ситуацией, когда нет ни роста, ни развития, и так, как раньше, уже не будет. Растерянность, противоречивые оценки чиновников и топ-менеджеров, экстравагантные заявления о том, что в нынешних условиях не надо поддерживать малый бизнес (выживет, так выживет, а нет – туда ему, нежизнеспособному, и дорога), пустые слова о том, что Россия должна навсегда отказаться от стратегии догоняющего развития и заняться, наконец, диверсификацией экономики...

Слушать и обсуждать это неинтересно тем более, что министр финансов сообщил о близкой исчерпанности резервного фонда, а министерство экономики теперь уже не исключает возможность цены на нефть около \$40 за баррель.

Однако и сказать по экономическим проблемам теперь, в принципе, нечего.

Политика назад и в бок, а экономика вперед?

Нет ничего более странного в рассуждениях о российской экономике, чем разговоры о том, что «трудности поделяются отрезвляюще и заставят заниматься делом, реальными реформами». Всякий, кто хоть немного знает, что представляют собой российская бюрократия, бизнес и власть, ни минуты не сомневается, что это невозможно.

Институциональные и структурные реформы в экономике невозможно проводить при обвальном политическом откате по всем направлениям. Концентрация власти в одних руках при отсутствии сдержек и противовесов в сочетании с ориентацией верхнего сегмента несменяемой власти на политические (евразийство, «особый путь») и экономические («импортозамещение», война и изоляция как двигатели экономики) фантазии создают ситуацию, когда и сами реформы, и необходимое общественное давление с целью их осуществления становятся абсолютно нереальным делом.

Даже такие ограниченные меры, как отмена продовольственных самосанкций, сокращение военных расходов и увольнение наиболее одиозных коррупционеров, невозможны, потому что самосанкции и военные расходы – это важные составляющие курса. А борьба с коррупцией в исполнении существующей властной системы была и будет прежде всего важным инструментом контроля над чиновной элитой.

Сложившаяся к настоящему времени российская экономическая модель никакому «реформированию» уже не подлежит, и дискуссии на эту тему не более плодотворны, чем разговоры о совершенствовании хозяйственного механизма СССР периода руководителей советского правительства Тихонова и Рыжкова.

Системное преобразование возможно только под воздействием очень мощного и длительного политического импульса, а также наличия необходимого минимума экономических, социальных и внешних условий. С точки зрения состояния глобальной экономики и ситуации в мире в первое десятилетие XXI в. в целом наш шанс на совершение такого перехода в исторически разумные сроки выглядел как минимум ненулевым. Однако российский авторитаризм проскочил момент, который мог бы превратить его в инструмент модернизации экономики и общества,

и приобрел форму авторитарной системы застойного, «демодернизационного» типа. Возможность создания широкой коалиции в поддержку реформ с участием авторитарной власти, о которой говорилось в начале 2000-х гг., оказалась безнадежно упущенной и как исторический шанс, и как возможный механизм принудительной модернизации.

Российский авторитаризм, политическая система в целом доказала свое сознательное нежелание и абсолютную неспособность трансформировать свой экономический базис – периферийный капитализм.

Российская экономическая система не может иметь стратегии

Характерные черты периферийного капитализма всем известны: экспорт сырья как ключевой элемент благосостояния, иностранные инвестиции как главный и почти единственный элемент технологических изменений, зарубежные финансовые рынки как основной источник средств для инвестиций, тесная связка государства и бизнеса, исключительно важная роль административно-коррупционной ренты как конфигуратора внутренних финансовых потоков и т. д.

Именно удаленность российского капитализма от современных экономических институтов и, соответственно, от его современного мирового ядра определяет особенности российской экономики: характер и темпы накопления капитала, источники и направления инвестиций, их возможные объемы, а также характер отношений между бизнесом и административной властью, структуру собственности, секторальные приоритеты, возможности управления экономическим ростом и его объективные пределы.

Главная же особенность современного российского периферийного капитализма с точки зрения развития – он не имеет и не может иметь стратегии развития.

Разумеется, в его рамках возможны тактические вариации – в бюджетной, фискальной и кредитно-денежной политике, в программах поддержки тех или иных отраслевых сегментов или стимулирования спроса, в регулировании внешнеэкономической деятельности и улучшении отдельных характеристик деловой среды.

Однако они не меняют положения национального хозяйства в глобальной системе мирового капитализма. Именно с этим мы постоянно сталкивались в течение последних полутора десятилетий в российской экономико-политической практике, где активное манипулирование инструментами текущей экономической политики сопровождалось неспособностью правительства влиять на долгосрочные, стратегические параметры экономики. То, что задумывалось и даже подробно разрабатывалось в качестве долгосрочной стратегии экономического развития и структурных реформ, в итоге неизменно сводилось в лучшем случае к поддержанию некоторых параметров макроэкономической стабильности.

Причина не в личных качествах разработчиков и исполнителей, а в том, что единственно возможная линия поведения в рамках периферийного капитализма – пассивное приспособление к условиям, создаваемым деятельностью глобального капиталистического ядра, «коллективного Запада», и использование этих условий для получения текущих доходов, которые улавливаются и распределяются политической верхушкой. Вывод российской экономики и общества на орбиту, более близкую к ядру современного капитализма, требует целенаправленного создания необходимых для этого предпосылок, прежде всего институциональных. Однако попытки создать институциональные условия для качественных изменений на протяжении всего постсоветского периода неизменно встречали упорное сопротивление институтов, сложившихся в рамках существующей системы и обеспечивающих благосостояние ее специфической элиты.

В 1990-х – начале 2000-х сопротивлению способствовали такие факторы, как социальная слабость слоя сторонников реформ, дефицит политической воли к их проведению «сверху»; разлагающее влияние внешней и внутренней среды, в которую погружил себя специфический, как и вся «элита», слой «капитанов» российского предпринимательства, «рулящих» основной частью крупнейших хозяйственных активов, имеющихся в стране.

Затем сформировавшаяся в результате мощного действия законов периферийного хозяйства адекватная ему авторитарная политическая надстройка выступила в роли фактора, закрепляющего status quo и цементирующего такие системные особенности, как отсутствие верховенства закона и эффективного независимого суда, подвижные и нечеткие правила игры в хозяйственной деятельности, наличие крупных и существенных различий между формальными регулирующими актами и фактическими взаимоотношениями в экономике, широкие возможности для произвольного перераспределения активов между юридическими и физическими лицами, находящимися в зависимости от государства, условность частной собственности на крупные хозяйственные активы.

Экономический рост без модернизации ведет к войне

Сегодня вопреки антизападной риторике последних полутора лет периферийная суть российской экономики сохраняется и закрепляется. Никакого резкого поворота, одностороннего инициативного разрыва всех и всяческих экономических контактов с Западом не произошло. И связано это, конечно, в первую очередь с сознанием того непреодолимого обстоятельства, что российская экономика в том виде, в котором она сложилась за последние 25 лет, является зависимой частью мирового капиталистического хозяйства и не может существовать без него или в отрыве от него. Более того, именно этот тип экономики – источник обогащения авторитарной верхушки, чиновной и бизнес-«элиты». Однако

экономический рост без развития, т. е. при отсутствии политической, социальной, экономической модернизации страны и общества, привел к крайне опасным последствиям. У «верхушки» сформировались и закрепились преувеличенные представления о собственных возможностях, безмерно разрослись необоснованные амбиции. Теперь, не уходя от периферийного капитализма, они хотят закрепления за собой права экономического, военного, политического, идеологического доминирования на части периферии, безусловного сохранения своих правил в своей провинции, границы которой определяют произвольно. Возраставшие и казавшиеся неограниченными материальные ресурсы позволили им создать прикормленные группы поддержки в обществе. Произошла и продолжается глубокая демодернизация элиты, деградация и архаизация общественного сознания. Даже слой мелкого и среднего бизнеса, который является одним из главных и непосредственных выгодоприобретателей в случае модернизационных реформ, в таких условиях не только не сформировался как политический класс, но и оказался чрезвычайно податливым материалом для мощного административного и пропагандистского воздействия и психологической обработки «сверху».

В результате в последние два года периферийный авторитаризм, опираясь на ошибочное представление о масштабе наших ресурсов, возможностях российской экономики, искаженное представление об устройстве современного мира и мотивации «коллективного Запада», вывел нашу страну на путь, в конце которого даже не катастрофа, а крах.

Сегодня дискуссия об экономических реформах бессмысленна

Если отвлечься от личных амбиций и интересов, заставляющих конкурирующие экспертные группы бороться за приоритетное финансирование, обвинять друг друга в некомпетентности и настаивать на необходимости разработки все новых программ, то дискуссии о направлениях и путях возможной экономической модернизации можно считать закрытой.

Программа смены модели российского капитализма в направлении приближения к его нынешнему ядру в основных чертах давно уже определена и многим известна.

Это освобождение и поощрение предпринимательской инициативы вообще и – в особенности – в тех сферах и областях, где не теория, а практика обнаруживает признаки международных сравнительных преимуществ. Это создание благоприятной и стабильной институциональной среды для бизнеса, готового соблюдать законы и нести свою долю социальной ответственности, для чего необходимо обеспечить неукоснительное соблюдение законов после их тщательной ревизии на предмет реалистичности и коррупциогенности. Такая среда предполагает наличие обратной связи между государством и

ответственным бизнесом, предоставление бизнесу возможности легально и открыто участвовать в политической жизни страны.

Это создание максимально конкурентной среды во всех сферах, за исключением оправданных случаев естественной монополии. Грамотные законы и эффективные, прозрачные органы антимонопольного регулирования должны сочетаться с политическими механизмами антимонопольного контроля, делающими невозможным скрытое давление и теневой лоббизм со стороны групп, заинтересованных в сохранении своего монопольного положения.

Понятно, что эффективное действие таких механизмов требует максимальной прозрачности деятельности и информационной открытости в государственном и частном секторах.

Следует всячески стимулировать накопление и инвестиции, создавать отрицательные стимулы для проедания доходов и экономических активов. На выполнение этой задачи должна быть ориентирована налоговая система. А для этого должна функционировать система так называемых институтов развития, задачей которых является поощрение долгосрочных инвестиций и использование для этих целей большей части рентных доходов государства.

Проблема сегодня заключается не в отсутствии программ и рецептов, а в отсутствии государства, способного и готового всерьез работать над реализацией этих жизненно важных задач. Более того, российское государство в его нынешнем виде и с его нынешним курсом неспособно даже исправлять ущерб, нанесенный периферийной экономике осложнением ее отношений с глобальным ядром – экономически развитыми странами.

Когда станут возможны реформы?

Не завтра. Чтобы понять, что это будет нескоро, назову лишь три проблемы, без предварительного решения которых настоящих реформ не будет никогда и все, что будет делаться, будет лишь бесперспективной имитацией.

Во-первых, это создание атмосферы исторической уверенности: а) безусловной европейской самоидентификации; б) преемственности с исторической Россией через полную и внятную государственную оценку периода коммунизма и большевизма и практические шаги по преодолению сталинизма, в том числе в государственном управлении и общественной жизни.

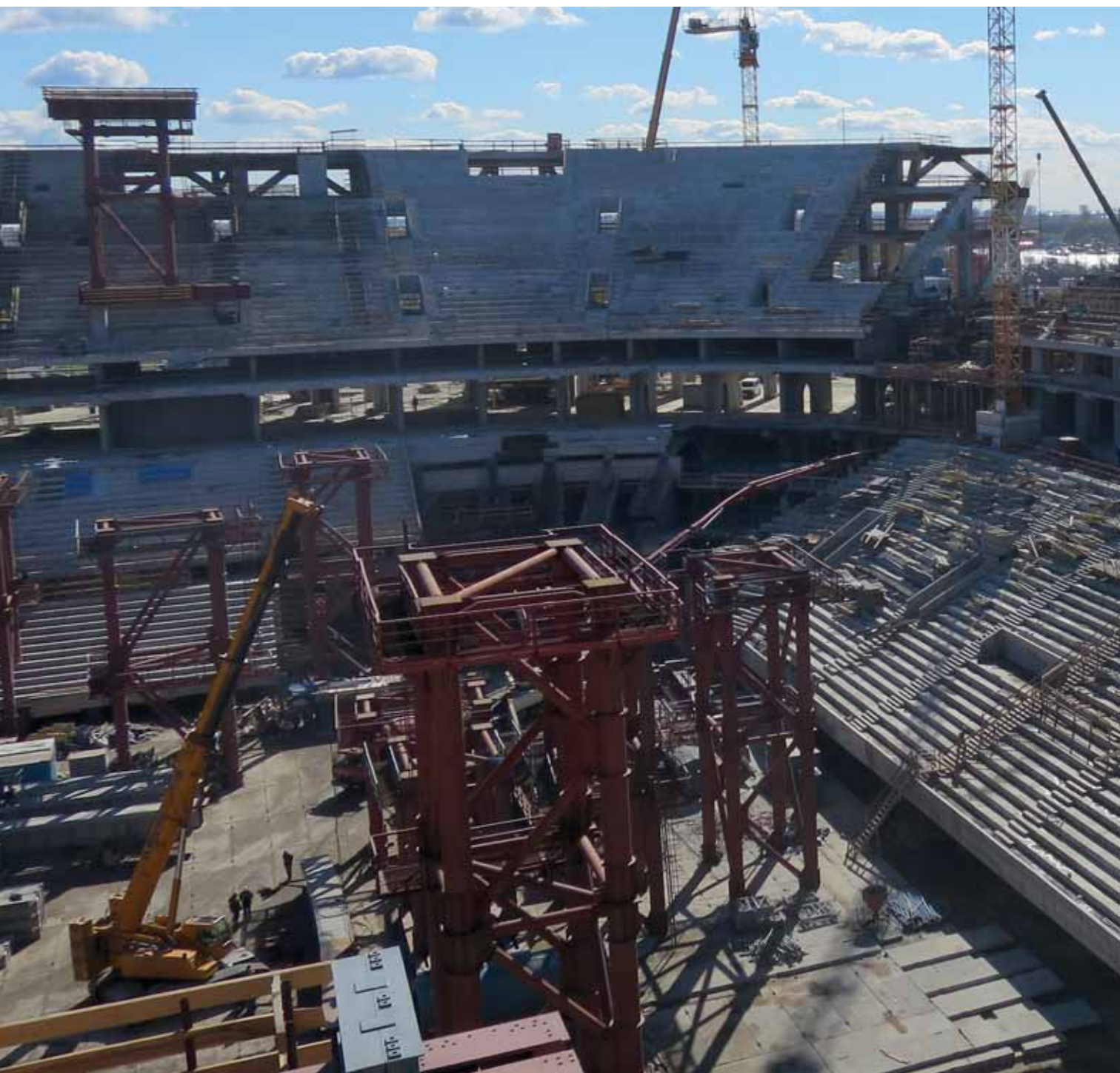
Во-вторых, это легитимация, обеспечение в полном объеме неотъемлемых прав частной собственности. Надо экономическими методами исправлять пагубные последствия мошеннической приватизации, осуществленной через ваучеры и залоговые аукционы. Чтобы власти больше никогда не могли, например, заявлять, как сейчас, что «...по мнению РФ, истцы вообще не могут претендовать на какие-либо выплаты, так как они связаны с бывшими владельцами ЮКОСа, купившими в 1995–1996 гг. акции компании на аукционах с нарушением закона».

В-третьих, прекращение агрессии в отношении Украины и определение итогового статуса Крыма через механизм международной конференции и референдума под международным контролем. Кстати говоря, еще надо суметь как-то выбраться из Сирии и Ближнего Востока, что теперь будет совсем не просто.

Российское общество сейчас в таком состоянии, что оно не готово полноценно обсуждать ни одну из

этих тем. Понятно, что все это возможно лишь после Путина, т. е. после смены политического руководства страны – президента, правительства, парламента. До этого вопрос об экономических реформах и стратегиях закрыт.

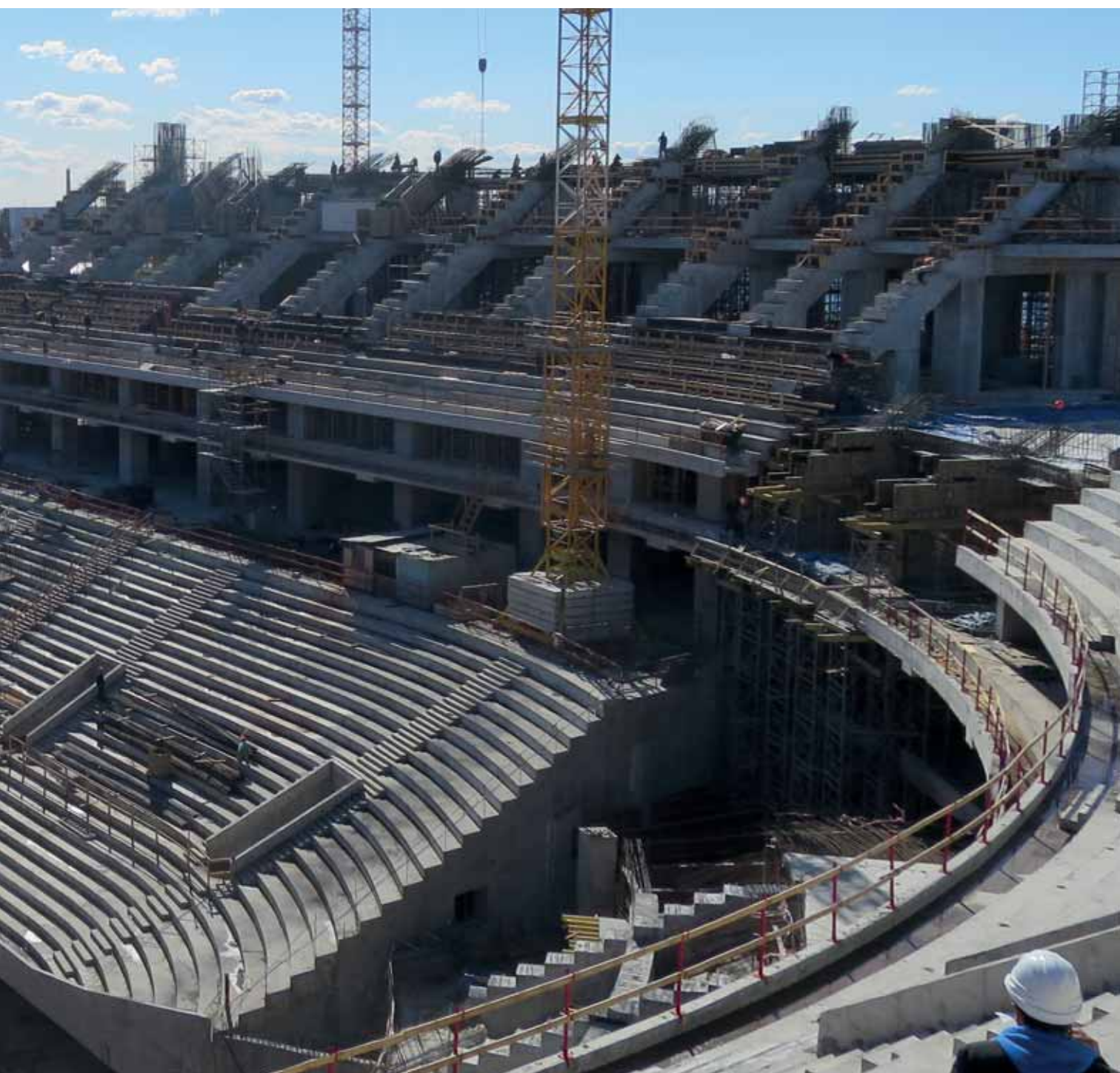
Чиновники обсуждают экономические перспективы страны на различных форумах и с компетентным видом озвучивают заведомо нереалистичные

Строительство футбольного стадиона «Зенит-арена» в Петербурге затянулось на 7 лет по сравнению с первоначальным сроком. Из городского бюджета на работы выделено уже 36 млрд руб.

официальные прогнозы. Бизнесмены, опасаясь неприятностей в духе истории с Владимиром Евтушенковым, ходят на начальственные форумы как на работу и делают хорошую мину, несмотря на очень плохие ожидания. Всех их можно понять: и тем и другим просто некуда деться. Однако у научного и экспертного сообщества, у российских интеллектуалов особая ответственность. Несмотря на серьезные

ограничения они сохраняют еще пока возможность верно оценивать ситуацию, не подменяя профессиональный диагноз бессмысленными дискуссиями, школярскими предложениями по решению нарастающих серьезнейших проблем и обещаниями вот-вот представить развернутую программу реформ.

spotrs.ru

Стратегия вывода России из мировой периферии отложена на неопределенный срок

17.11.2015

Экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Выступление Г.А. Явлинского на ежегодной конференции Новой экономической ассоциации: «Стратегия экономического развития и будущее российской экономики»

Я начну с того, о чем говорил Александр Александрович [Аузан, декан экономического факультета МГУ]. Я скажу о дальновидности взглядов. Если говорить о серьезной перспективе, лет на сорок, то я, например, думаю, что в мире не будет развивающихся стран. Страны будут только развитые – их будет меньшинство – и неразвитые навсегда. Разрыв будет настолько велик, что преодолеть его будет невозможно ни в области продолжительности жизни, ни в области здоровья, ни в образовании, ни в технологиях, ни в чем. И главным смыслом мирового развития весь 21 век будет выяснение отношений между развитой частью мира и всей остальной. Кстати говоря, многое из того, что мы сейчас наблюдаем – хаос в Сирии, на Ближнем Востоке, в Европе – теракты, миграционный кризис – всё это первые проявления того, о чем я сейчас сказал.

В контексте нашей конференции главный вопрос заключается в том, а где будет находиться Россия – в числе наиболее развитых или в числе неразвитых навсегда. Попадание России в число неразвитых стран будет означать, что распад страны станет весьма вероятен, потому что Россия так организована, что она либо может существовать как страна с относительно сильной экономикой, либо она просто не сможет удерживать такое огромное пространство с самыми протяженными границами в мире с самыми нестабильными регионами. Поэтому понимание где будет находиться Россия через 30-40 лет для нас – вопрос критический.

Об экономической стратегии. Я хочу предложить вашему вниманию определение той экономической системы, в которой мы все оказались в последние 25 лет. На мой взгляд, это система периферийного

капитализма. Для нее применение термина экономической стратегии очень условно, и, строго говоря, малоприменимо. Потому, что эта система обладает настолько жесткими внутренними правилами, конструкциями и взаимосвязями между своими частями, что она сама диктует себе стратегию развития, и вмешаться в эту стратегию со стороны почти невозможно.

Что означает система периферийного капитализма? Это система, обслуживающая ядро развитых стран. Каковы её особенности? Сырьевой экспорт, зависимость от зарубежных финансовых рынков, зависимость от иностранных инвестиций и технологий, неразрывная органическая связь государства и бизнеса и даже более того – власти и собственности, высокая роль административно-коррупционной ренты. Не просто роль, а роль как конфигуратора финансовых потоков, который определяет, куда направляются основные средства. Очень слабое и постоянно подавляемое гражданское общество. Эта система выстроила специфическую политическую надстройку, которую можно назвать, соответственно базису, периферийным авторитаризмом. И при этом абсолютно зависимое положение в глобальной экономической системе.

По последнему вопросу я бы хотел обратить внимание на такую иллюстрацию. Вы знаете, что сейчас зависимость курса рубля от цен на нефть около единицы. Корреляция, рассчитанная международными агентствами, в августе-сентябре составляла почти единицу. Курс рубля меняется в прямой зависимости от цен на нефть буквально по часам.

С другой стороны, я хотел бы обратить ваше внимание на недавнюю цитату Игоря Ивановича Сечи-

на – впервые в жизни я цитирую такой источник, – который на днях сказал следующее:

«Именно в США имеется весь набор факторов, который формирует развитие конкурентного нефтяного рынка. Это и финансовые источники, финансовые деривативы, биржевые площадки, развитая система нефтегазопроводов и огромное количество подрядных организаций. И в ближайшем будущем, и в средне срочной перспективе именно США будут определять тенденции мирового нефтяного рынка. США превратились в важнейший регулятор глобального масштаба», – заключил президент Роснефти.

У меня вопрос. Если курс российской национальной валюты полностью зависит от торговли нефтью в Нью-Йорке и Лондоне и каждый день меняется прямо по часам в зависимости от того какова цена на нефть, то о каком государственном российском суверенитете, а, следовательно, о какой собственной стратегии можно говорить?

Вообще, на этом в нашей дискуссии можно поставить точку, потому что, как вы прекрасно понимаете, от курса рубля зависит вся макроэкономическая конструкция. Вот, например, Госдума принимает сейчас бюджет на основе таких цен на нефть, которых уже сейчас нет и вероятно не будет, и на основе курса рубля, которого уже нет и нереально к нему вернуться. Судьба этого бюджета понятна – мы будем весной его переделывать. Вот и вся стратегия.

К этому я хотел бы добавить, что частью этой периферийной экономической системы естественно являются весьма слабые государственные институты: слабая судебная система, слабая исполнимость законов и очень слабое и противоречивое положение с правами собственности. А, как вы понимаете, права на частную собственность – это вообще фундаментальная вещь в экономике.

Я хотел бы обратить внимание на, казалось бы, совсем забытую тему. Мне все время говорили: хватит об этом говорить, хватит это вспоминать. Я имею в виду тему залоговых аукционов, которые легли в основу конструкции всей нашей экономики. Понятно, что они были мошенническими, в этом нет никакого секрета, понятно, что это была криминальная приватизация, и она дала соответствующий результат. Понятно, что именно на этой базе сформировали всю политическую систему. Но удивительным даже для меня оказалось, что вдруг, когда дело ЮКОСа попало в американские суды, государство направило туда свое представление о происходящем в следующем виде. Там было написано, что оказывается ЮКОС и его акционеры не имеют права претендовать ни на что, потому что ЮКОС был получен владельцами на мошеннических залоговых аукционах. Это пишет государство и отправляет эту бумагу на международную, извините за выражение, арену. Не будь сейчас войны в Сирии, наш бизнес просто умер бы от ужаса. Весь. Это же просто землетрясение. Это значит все в таком положении, это значит – всё вернулось. А кто в таких условиях будет инвестировать, думать о

каких-то стратегиях, думать о каком-то будущем, думать хотя бы на три года вперед? Кому это нужно? Все будут думать только о том, как спрятать свои капиталы. Всё это касается огромного количества людей. И, кстати, самых крупных активов.

В таких условиях говорить о какой-либо стратегии просто несерьезно.

Какие возможны выводы? Вывод очень серьезный. Я его ставлю на обсуждение следующим образом. В России был нефте-наркотический экономический рост и рост реальных доходов, рост уровня жизни. Так вот.

Экономический рост без модернизации страны, без модернизации общества, без модернизации политической системы ведет, в частности, к войне.

Экономический рост без развития, о котором я говорил 10-15 лет назад, ведет к войне, ведет к деградации, а не к развитию общества. Его можно иллюстрировать многими примерами, они теперь очевидны в том числе потому, что полученные от экономического роста средства в итоге используются в ущерб экономике страны.

Для того, чтобы систему периферийного капитализма изменить, что теоретически возможно, нужны две вещи.

Нужна, конечно, концепция. Но, должен сказать вам, что здесь большого вопроса нет. Примерно ясно, какая нужна программа. И попытки создавать всё новые и новые программы – это просто попытки распиливания денег и личные амбиции. Потому что всё примерно ясно, и ясно очень давно. Это не 91 год, когда ничего не было ясно, и надо было впервые разработать программу перехода к рыночной экономике (не скажу, как они назывались).

А сейчас в главном всё ясно: есть мировой опыт, есть понимание российских взаимосвязей и есть много грамотных людей в стране. Поэтому сейчас вопрос не в программе, а в отсутствии государства, способного и готового осуществлять эти реформы политически, потому что проведение таких реформ означает удар по действующему экономико-политическому режиму. Всякое институциональное положительное изменение в экономике, даже её диверсификация, означает ослабление той системы, которая есть сегодня. Поэтому политической воли к таким преобразованиям нет и не будет. Политическая система заниматься саморазрушением не будет, по крайней мере сознательно.

С другой стороны, для проведения таких реформ и реализации такой программы необходимо общественное давление, необходимо давление тех сегментов общества, которые заинтересованы в этих реформах. Необходимо давление со стороны крупного бизнеса, мелкого и среднего бизнеса, самых различных ассоциаций, со стороны несуществующих у нас профсоюзов, всех социальных групп, потому что это общий интерес, это жизненно важно для всех: это вопрос сохранения страны. Ничего подобного сегодня нет. Мелкого и среднего бизнеса сегодня нет в том виде, в котором он мог что-нибудь политически делать.

А крупный бизнес находится в положении заложника. Ему очень быстро напомнят: кто забыл ЮКОС, – пожалуйста, Евтушенков, кто забудет Евтушенкова, – пожалуйста, завтра кто-нибудь еще... А дальше только аплодисменты стоя.

Мало того, что сама политическая система не будет этого делать, так еще и нет групп давления в обществе, которые настаивают на реформах.

Итак, на сегодняшний день перспектива реализации стратегии, которая обеспечит вывод России за пределы периферийного положения, за пределы зависимой во всех отношениях страны отложена на неопределенный срок. По крайней мере в современных политических условиях это невозможно.

Это и есть ответ на главный вопрос нашей конференции об экономической стратегии и будущем российской экономики.

Станки-качалки близ микрорайона Перегонного (Ишимбай) напротив скважины № 702 (г. Ишимбай, Башкортостан)

ru.wikipedia.org

Себастьян Вранкс. Притча о слепых

Григорий Явлинский: «Каждый слепой думает, что впереди зрячий. А слепые все»

24.11.2015

Медведев: Добрый вечер, вы смотрите телеканал Дождь, меня зовут Сергей Медведев. Сегодня у нас передача из жанра – помните, как было в советских газетах, «Письмо позвало в дорогу»? А у нас книга позвала в эфир. Книга «Периферийный авторитаризм. Как и куда пришла Россия» авторства Григория Алексеевича Явлинского. И, собственно, сам автор, который не нуждается в представлении, у нас в гостях.

Явлинский: Спасибо за приглашение.

Медведев: Сразу скажу, что она будет представляться на ярмарке интеллектуальной литературы Non/fiction, которая открывается на днях в ЦДХ. В субботу вы будете представлять на ярмарке в два часа эту книгу.

Явлинский: Да, именно так.

Медведев: Хотелось бы поговорить собственно по этой книге, по ее основным темам. Книга очень богато иллюстрирована картинками Брейгеля, в частности, на обложке брейгелевская «Притча о слепых», где шествуют шесть слепых людей. Причем это шесть стадий падения человека: один уже свалился в овраг, второй падает, третий, четвертый, пятый, шестой... Я хочу спросить: это что, аллегория современной России?

Явлинский: Ну да, это аллегория последних стадий, наверно.

Медведев: Вы считаете, что развилка началась где-то там, в 1917 или 1914 году?

Явлинский: Да, я думаю, что развилка началась в 1917 году. Она была реализована в 1917, а фундамент этой развилки был заложен раньше, когда были прерваны реформы Александра II. Отказ от реформ

Александра II привел, на мой взгляд, в итоге к 1917 году, а 1917 год очень сильно повернул историю России. Мы из этого не можем выбраться до сих пор.

Медведев: Интересно, буквально в наш прошлый эфир мы говорили о русских корнях терроризма, вспоминали, конечно, «Народную волю» и взрыв 1 марта 1881 года, когда у императора на столе лежал проект конституции Лорис-Меликова. Может быть, возвести даже к этому моменту, что убийство Александра народовольцами...

Явлинский: Да, вот это и был такой важный порог. Сами реформы Александра II, конечно, тоже были запоздалыми. Это сейчас легко говорить всякие такие вещи. Конечно, если бы отмена крепостного права произошла сразу по окончании войны с Наполеоном, скажем, в 1814–1815 году, в 1816, в 1820, тогда, видимо, по-другому развивались бы события, связанные с декабристами. Вообще многое шло бы по-другому, но факт остается фактом: мы остались в этой рамке.

Медведев: А что за рамка? Давайте попытаемся ее определить. Во-первых, меня смущает слово «периферийный» в названии вашей книги. Может быть, меня нет, но каких-то читателей... «Авторитаризм» – понятно, люди согласились, уже 90% за, похоже. Но почему периферийный? Россия вроде как в высшей лиге мировой политики, сейчас бодается с НАТО относительно сбитого самолета, в Сирию зашла, экспортирует энергоресурсы. Почему периферийный и когда началась эта периферийность?

Явлинский: То, о чем вы говорите, это такие вещи, которые мало что меняют по существу. А началась она вот как. Вначале надо сказать, что мы создали

систему периферийного капитализма. Вообще-то это такая капиталистическая система, однако она не самостоятельная, смысл ее в обслуживании экономик наиболее развитых стран. У этой системы есть очень существенные отличия, фундаментальные, например, у нее нет, безусловно, частной собственности. Вообще права частной собственности не только условны, они бывают еще и призрачные.

Медведев: Та система, которая называется власть-собственность.

Явлинский: Вот именно. Произошло слияние власти и собственности, бизнеса и власти. Отсутствует независимая судебная система, разделение властей, закон применяется выборочно и не является одинаковым для всех. Можно продолжать, а если суммировать, то нужно сказать, что это такая система, обладающая особыми институтами. Например, все время говорят, что у нас слабые институты. Да, те институты, которые отражают современную экономику или современное мировое устройство, слабые, но очень сильны другие институты.

Медведев: Институт патернализма...

Явлинский: Конечно! Институты, которые их замещают. Неправильно думать, что нет институтов. Они есть, но они просто совершенно другие. Одним из результатов такой порочной институциональной системы является отсутствие всякого доверия. Смотрите, в системе, в которой живем мы с вами, никто не доверяет никому. Государство не доверяет бизнесу, бизнес не доверяет государству. Люди вообще никому не доверяют и считают, что если их сегодня не обманули, то обязательно обманут завтра. В такой системе невозможно развивать современную экономику, современное рыночное хозяйство.

Медведев: Да, или институт, скажем, бани, в которой собираются по субботам губернатор, прокурор региона, начальник МВД и местный командир военного гарнизона, там решаются собственности крупнейших предприятий.

Явлинский: Да, такими способами.

Медведев: Местничество.

Явлинский: Государство не современно организовано институциональное государство, а корпорация.

Медведев: То есть как в своей книге вы не раз подводите к этой мысли, государство по своей сути средневековое.

Явлинский: Я не проводил бы такие аналогии, но, в принципе, по очень многим ключевым вопросам решения принимаются одним человеком. Парламент тоже условный, это же не парламент, реально избранный народом, представляющий весь народ, все группы интересов, социальные слои. Это же не так. Эта система обслуживает наиболее развитые государства, если мы говорим об экономике, с помощью поставок энергоресурсов.

Медведев: А раньше мех.

Явлинский: Раньше мех.

Медведев: Пенька, поташ, то самое из учебника.

Явлинский: Да. В этом смысле это устройство с очень слабым гражданским обществом, это обслуживающая система. Она никогда не является центральной. Когда вот эта периферия вдруг начинает думать, что она в центре, здесь начинаются всякие неприятности.

Медведев: А советский проект не был в центре?

Явлинский: Советский проект был другой. С ним другая история. Советский проект утверждал, что он будущее человечества. Он как бы заявлял, что все придут к этому раньше или позже. Это советский проект так говорил.

Медведев: Да, идеократически. Экономически он оставался точно так же вторичным в данном случае.

Явлинский: Его экономика не справилась, она просто не смогла конкурировать в полном объеме. Она могла конкурировать только в определенных областях.

Медведев: Но Советский союз же всё равно был на периферии, да? Если брать весь мир, систему Уолл-стрейта, все равно в конце уже нефть и газ качали и на заемных технологиях работали.

Явлинский: Это мы говорим о том, что случилось под конец. Так было не всегда. Например, после Второй мировой войны Советский союз не был на периферии, он был участником принятия самых крупных решений: создание ООН, Совет безопасности, Ялтинский раздел сфер влияния.

Медведев: Это да, но экономически?

Явлинский: Экономически Советский союз вообще был отдельной системой.

Медведев: Да, автаркичной.

Явлинский: Он был совершенно отдельной системой. Он был автаркией, как сейчас любят говорить, на тотальном импортозамещении. Только те, кто рос в СССР, понимают, что такое настоящее импортозамещение даже по шариковым ручкам. Но я хотел особо обратить внимание, что сейчас нынешняя власть утверждает другое. Она утверждает, что мы вообще отдельно, в стороне. Советский Союз говорил: «Мы в том же историческом векторе, но мы впереди, а вы к нам еще придете, вся ваша система развалится и вы придете туда, где находимся мы!». А сейчас мы говорим другое. Мы говорим: «Мы отдельная история, мы вообще не такие, как вы». Мы вообще какой-то многополярный полюс, мы где-то в другом месте. Мы вообще не такие. Как говорят современные руководители целого ряда ведомств, «Мы не Европа. Мы Азиопа». Или кто мы? Мы, в общем, отдельно. И вот здесь начинается не просто периферия, а такая периферия, которая ведет к обрыву.

Медведев: Да, то, что вы называете, это уже не периферийность, а провинциальность.

Явлинский: Совершенно верно. Я попытался отразить это в книге и объяснить, что это уже не периферийность, как, например, латиноамериканские страны, которые являются странами, где устоялся

периферийный капитализм. Кстати говоря, это не новый термин. Он существовал и раньше. Эта тема обсуждалась после Второй мировой войны в отношении того, как развитие латиноамериканских стран будет двигаться, как оно будет происходить лучше: если они будут обслуживать США или если они замкнутся на себе и будут расти сами? Вот тогда возникла тема периферийного капитализма.

Медведев: Да, тогда же возникла тема множественных модернов, возможности модернизации по своему особому латиноамериканскому пути.

Явлинский: Да, и оказалось, что это все не работает. А наши сегодняшние люди, которые находятся у власти в нашей стране, это всё опровергли, отвергли, отказались от этого. Но здесь есть важнейший момент.

Медведев: Какой?

Явлинский: Он заключается в том, что то, что сегодня у власти, уже есть продукт периферийной системы. Ведь были разные этапы. Вот был этап девяностых, когда можно было внятно говорить: «Допускаются серьезные ключевые ошибки, их нельзя допускать». Например, гиперинфляция 1991 года, затем мошенническая приватизация, затем фальсификация выборов, а затем поиск человека, который будет охранять создавшуюся систему. Просто будет стоять на ее страже, с которым мы сейчас и живем. Потом эта система начала укрепляться, возникла тема «Давайте мы ее исправим, исправим результаты мошеннической приватизации, те недостатки, которые есть в части взаимопонимания между обществом и властью». Отказались от этого. А теперь система уже зрелая, и она рождает свой собственный продукт – современную так называемую элиту.

Медведев: Это ухудшающий отбор?

Явлинский: Да, и не просто. Это появление, в частности, во власти людей, у которых вообще нет представления о том, как устроен мир. Это люди, которые вообще лишены чувства ответственности, очень низкий барьер чувствительности, сенсуативности. Это вообще люди, которые ищут все решения в прошлом, которые просто не понимают важнейших мировых трендов развития. Это серьезная вещь.

Медведев: А вот как так получилось, что система начала самовоспроизводиться, что гидра начала отрастать своими многими головами? Я сейчас думаю, может быть, в этом есть какая-то русская колея? Что мы ни собираем, всё получается автомат Калашникова. Вроде бы говорили: реформы Александра II. Попытались – взорвали царя. Александр III, черносотенство, Победоносцев и так далее. Большевики тоже пришли с каким-то новым проектом, пытались перестроить мир. Всё, ничего не вышло, НЭП перекрыли, начался реставрационный проект Сталина. Восстановили Российскую империю в прежнем виде. И вот сейчас тоже, попробовали в девяностые, пришел Путин – построили опять тот же Калашников. Может, судьба такая, место проклятое? Знаете, как в анекдоте про АвтоВАЗ.

Явлинский: Я так не думаю. Тогда не стоит писать никаких книжек, тогда молиться просто надо. Со своей точки зрения я хочу сказать другое. Для меня сейчас сложно проанализировать, насколько закономерными были события, связанные с гибелью Александра II. Из всего того периода я сейчас бы в нашей беседе сделал один вывод: очень важно всё делать вовремя. Вовремя надо всё делать. Думаю, что 1917 год бы не произошел в том же виде, если бы многие реформы Александра II были реализованы, если бы Николай II по-другому смотрел на историю, на свое место в этой истории, если бы не создавалось искусственное противоречие между Россией как европейской страной и тем способом развития, который навязывался России волей того же Николая II. Если бы в это противоречие страна не вошла бы, возможно, развитие было бы другим. Сегодня у нас ведь очень похожая ситуация, но в девяностые годы было несколько вещей.

Медведев: Когда было окно? Я очень хочу сейчас прежде всего поговорить о девяностых и о вашем практическом участии на входе в девяностые. В тот момент, когда вы писали «500 дней», был ли вот этот шанс?

Явлинский: История не знает сослагательного наклонения, но коль вы спрашиваете так у меня – да, я убежден, что он был. Там была проблема, связанная с двумя вещами в этом контексте. Во-первых, не было понимания и политической воли к отказу от сталинизма и верной, полной государственной оценки всего периода после государственного переворота 1917 года. Не дана была оценка жертвам, которые понесла Россия с 1917 года.

Медведев: Вы этой воли не видели ни у Горбачева, ни у Ельцина?

Явлинский: Нет, этого ни Горбачев, ни Ельцин просто не понимали в полном объеме, они просто не понимали значимость.

Медведев: А это было бы неким моральным фундаментом обновления и экономической реформы?

Явлинский: Это было бы чрезвычайно, принципиально важным вопросом, потому что из этого вытекает второй – большевистские методы ведения реформ. Они привели нас обратно в эту колею. А большевизм заключался в чем? Цель оправдывает средства. Первоначальное накопление капитала всегда преступно. Вот и всё, это марксистская догма, большевистская. Так и провели. Поэтому... «Ну что же, мы не можем провести приватизацию по-другому? Сейчас раздадим дружкам». А то, что это закладывает фундамент, который потом рождает всю политическую систему периферийного авторитаризма и все, что мы имеем сегодня, потому что общество молчит. Молчит, потому что нет независимого класса, ни среднего, ни крупного, вообще никакого. Все завязаны и повязаны на ту систему власти, которая существует сегодня. Всё, общество парализовано и его ведут по очень опасной дороге.

Медведев: То есть проблему вы видите именно в революционном способе преобразований?

Явлинский: Нет.

Медведев: А политических преобразований?

Явлинский: Понимаете, в условиях, когда вы проводите большевистским образом реформы, например, либерализация цен в один день, дальше гиперинфляция, дальше конфискация. Что такое гиперинфляция? Это конфискация. А какую приватизацию вы можете проводить в условиях конфискации? Никакую, вы можете только раздать. А дальше как защищать эти результаты? По-честному их защитить уже невозможно. Значит, политически вы должны фальсифицировать выборы. Что должны сделать для этого в первую очередь? Монополизировать все наиболее эффективные СМИ, то есть все телевидение до последнего. Это первое, что вы должны сделать. А второе – придумать какую-нибудь угрозу, ужас.

Медведев: То есть фактически вы говорите о том, что корни путинизма уходят туда, назад, в начало девяностых, в шоковую приватизацию, в шоковую терапию?

Явлинский: Да, это именно так, и это очень важно понять. Это не просто взгляд назад, это важнейшая вещь, которую нужно понять, потому что без понимания этого невозможно строить ничего вперед. Надо понять, почему книжка называется не только «куда пришла Россия», а как она сюда пришла. Как любят говорить в московских интеллигентных кругах, кто же мог подумать? В ответ на этот вопрос мне хотелось объяснить, как она сюда попала.

Медведев: Продолжим наш разговор с Григорием Алексеевичем Явлинским о том, как пришла Россия, как на этой картинке шестеро слепых, которые идут прямой наводкой в канаву, после небольшого перебива. Оставайтесь на телеканале Дождь.

И снова добрый вечер. Вы смотрите телеканал Дождь. Меня зовут Сергей Медведев, в гостях у нас сегодня человек, который не нуждается в представлении, Григорий Алексеевич Явлинский. Обсуждаем мы его книгу «Периферийный авторитаризм», которая будет представлена в эту субботу на ярмарке интеллектуальной литературы Non/fiction в два часа дня. Приходите, Григорий Алексеевич зовет.

Знаете что? Я посмотрел вашу книгу, поискал еще в интернете. У вас одно слово, которое я думал встретить гораздо чаще, упоминается всего три раза. Это слово «Путин».

Явлинский: Путин?

Медведев: Да. У вас есть фигура умолчания в центре. Вы говорите про Кремль, про систему принятия решений, про власть, причем один раз в сноске. Я хочу спросить, в какой степени то, что произошло с Россией за последние 15 лет, и тот путь, на который мы снова свернули, та российская колея является продуктом деятельности одного человека? В какой степени он заложник этой системы, а мы его заложники?

Явлинский: Не в решающей.

Медведев: То есть вы видите какие-то большие исторические силы, которые выдвинули этого человека, эту элиту?

Явлинский: Я не знаю, насколько они большие, но эти силы были заинтересованы в том, чтобы сохранить результаты распределения собственности в 90-х годах. Нужен был человек, который сохранит эти результаты, кто будет охранять результаты тех самых залоговых аукционов, того самого мошенничества, которое было тогда. Выбор пал на него, решили, что он будет их достойно охранять. Вот он и охраняет их до сих пор.

Медведев: Но ведь мог быть охранителем и другой человек? И смотрите, мне кажется, что при раннем Путине была более-менее модернизационная повестка дня, нет? Догоняли Португалию, увеличили ВВП, дружили с Америкой.

Явлинский: Это да. Это была такая иллюзия, потому что с самого начала, с 1999 года – вы вспомните, с чего всё это началось? Там были взрывы домов, потом началась война, был тезис «мочить в сортире», потом были результаты выборов и много разных политических особенностей и процессов. Закрытие старого НТВ было очень показательным мероприятием. Преследование ЮКОСа разными способами и так далее. В общем, очевидна была повестка дня, очевидно было, что делать. Это тоже иллюзия.

Медведев: Еще в стадии одного пути?

Явлинский: Да, это один путь, фундамент его был заложен в 90-е годы. Ключевыми моментами этого периода были те самые этапы в реформах, 1993 год – столкновение с Верховным советом и потом выборы Ельцина в 1996 году. Это такие ключевые точки.

Медведев: А вот такой вопрос, может быть, немного провокационный. Вы знаете, я его задаю постоянно гостям, которые приходят в нашу студию. Я специально здесь сгущу краски. Может быть, это русская история выбрала Путина? Потому что он воспроизводит все эти вечные модели, о которых мы говорили. Монархия – check. Сословное общество – построил с бюджетниками. Власть-собственность – построил, тоже check. То есть путинский проект явился воспроизводством совершенно всех этих вечных моделей русской истории, идущих от царя Гороха и от Ивана Грозного.

Явлинский: Если посмотреть на то, что было при царе Горохе в Германии или Франции, то можно сказать, что и там можно так строить, ставить галочки по поводу того, что там построилось. Просто тогда было другое время, другая история. Я благодарен вам за этот вопрос, потому что он позволяет мне подчеркнуть мысль, что я не могу согласиться с таким подходом. Он очень удобный. Он ведь полностью парализующий.

Медведев: Согласен.

Явлинский: О чем он говорит? «Раз так, тогда вообще ничего не надо делать! Либо будет всё так, как сейчас, либо мы уезжаем отсюда».

Медведев: Такой вот народ, 90%.

Явлинский: Это не так. Это не такой народ, а такие элиты и реформаторы. У меня и многих моих коллег

другая точка зрения. Дело не в народе, народ у нас абсолютно такой же, как везде, образованный не хуже многих других, с такими же рефлексам, таким же отношением к жизни. Но лидерство, элиты, если хотите, так называемая думающая часть общества у нас подверглась очень большому испытанию в девяностые годы – испытанию деньгами и властью. Она этого не выдержала. Наша пресса не выдержала, вся эта элитная публика не выдержала испытания деньгами и властью. Ну а потом надо же было как-то объяснить, так самое лучшее объяснение, что не подходит народ.

Мне очень нравится, что этот вопрос смыкается как у крайне правых, так и крайне левых, называйте как хотите. Эти говорят, что наш народ не подходит современной европейской цивилизации, а те говорят, что современная европейская цивилизация не подходит нашему народу. В общем, куда ни кинь – всюду клин. Конец, ничего выбрать невозможно. Это всё просто чепуха, не соответствует действительности. Именно поэтому эта книга и то, что мы с вами сейчас обсуждаем, важно. Именно показать, что дело здесь не в какой-то колее, не в каких-то исторических предопределенностях, а в том, как всё это делалось: кем, каким образом и что именно. При этом должен подчеркнуть: конечно, история имеет свое значение, есть исторические коды. Но я хотел бы сказать: давайте сначала делать все по-человечески, так, как надо, а потом посмотрим, насколько это всё влияет. Но если вы всё время делаете что-то неправильное, то почему вы думаете, что это было предрешено историей? Например, сейчас Россия, ни с кем ничего не согласовывая, ни имея никакой даже краткосрочной тактической цели, не то что стратегии, не понимая, что там происходит, влезла в страшный серьезный конфликт на Ближнем Востоке – в Сирию. Ситуация там будет усугубляться.

Медведев: Уже не в Сирию, я слушаю сегодняшние новости, у меня просто волосы дыбом! Россия будет впрягаться за курдов, воевать против Турции, члена НАТО, за курдов. Что такое происходит на наших глазах?

Явлинский: Посмотрите, куда это всё ведет. Что это такое? Это совершенно некомпетентное, несовременное, неправильное решение. Нельзя было этого делать ни при каких условиях. Что, это мы как-то не так воевали с Наполеоном, что мы теперь принимаем такие решения? Или, может быть, Иван Грозный несет ответственность за такие решения?

Медведев: Вот это очень интересный момент. У меня такое ощущение, что система начала очевидно давать сбои, которые мы сейчас видим в Сирии. Когда начались эти системные сбои? Это Крым?

Явлинский: Это очень просто. Крым – это уже следствие. Когда вы имеете экономический рост в не модернизированном обществе, то этот экономический рост, я скажу грубо, ведет к войне. То есть когда у вас появляются деньги, а система управления государством и обществом и само общество находится в не модернизированном, несовременном состоянии, то рано или поздно это кончается тем, что вы начи-

наете, пользуясь этими деньгами, принимать самые контрпродуктивные решения. Это становится разрушительным. Это как тяжелый алкоголик, которому вдруг дали неограниченное количество водки. Всё, он скоро умрет, просто так случится. Так и здесь: если вы в систему, повторю третий раз, которая не модернизирована, вливаете много денег... Экономисты любили говорить: «Вот у нас какая радость, у нас экономический рост», имея в виду, что экономический рост – всегда положительное явление. Нет, события показывают, что это не так. Это нефтенаркотический рост, он и ведет к таким галлюциноидным последствиям.

Медведев: Когда это всё превратилось в войну? Есть такой очень хороший образ, мне нравится, его употребил политолог Александр Морозов: воронка. Что Россия попала в какую-то воронку событий, сейчас уже происходят какие-то вещи, которые от нас совершенно не зависят, как мы увидели с сегодняшним самолетом и гибелью, очевидно, двух российских пилотов. Когда эта воронка начала раскрываться? 24 сентября 2011 года?

Явлинский: Нет, тогда, когда руководство России заявило, что мы не являемся больше Европой, что мы следуем по антиевропейскому пути, никого в Европу не пустим и будем тащить за собой в какую-то эфемерную, несуществующую противоположную сторону.

Медведев: Вы имеете в виду Евромайдан?

Явлинский: Да, имею в виду. Ведь это же был общественный договор. Почему из Советского Союза, советской системы страна вышла без особой крови, без социального напряжения, хотя были очень трудные времена, очень тяжелые последствия? Тем не менее страна вышла практически добровольно. Почему? Потому что был такой общественный договор: мы заканчиваем с советской системой ради того, чтобы построить здесь, на постсоветском пространстве, современное европейское общество. Это было абсолютно очевидно. Так вот, когда у России стало много денег, ее руководство решило, что нет, мы расторгаем этот общественный договор и разрываем постсоветское пространство, никого не пустим в Европу, будем здесь доминировать. А кто такие мы сами? А мы находимся где-то сбоку! Мы не идем по историческому пути, по которому идут все современные страны, а находимся где-то сбоку и туда всех утащим. Это и было таким крутым разворотом. Предпосылки этого были раньше, но это было началом вот такого поворота.

Медведев: Ваше отношение к присоединению Крыма?

Явлинский: Я считаю, что это совершенно незаконная вещь, обязательно нужно будет решать этот вопрос.

Медведев: Сейчас мы получаем последствия. Я еще раз пытаюсь понять эту воронку, мне кажется, что и Сирия, по большому счету, и нынешние проблемы России с Турцией – это тоже последствия. Я уж не говорю сейчас про электроснабжение Крыма

и так далее. Ключевая ошибка была сделана тогда, как вы считаете?

Явлинский: Я бы так выразился: аннексия Крыма – это был выход на внешнюю арену всех тех проблем и комплексов, которые у нас были внутри.

Медведев: Да, согласен. Россия со своими внутренними тараканами разбиралась, всё это бурлило внутри. И закон Димы Яковлева, и дело Ходорковского, и дело Магнитского. Впервые выплеснулось.

Явлинский: Это было сделано для того, чтобы противопоставить Россию. Но дело же не в этом слове «Европа». Дело в том, что Европа подразумевает под собой современное образование, как правило, бесплатное, современную качественную медицину, как правило, очень доступную, современную полицию, которая не берет взяток и не мордует людей, не пугает их. Предполагает систему, в которой вы можете не абсолютную и полную, но всё же справедливость, систему, которая вас защищает, в которой человек является главным, а государство и его институты являются способом реализации его главных задач, идей, целей, помогают ему жить. Вот в чем смысл европейского пути. А мы что предлагаем взамен, какую систему? Которая в «Левиафане» описана?

Медведев: А насколько устойчив этот нынешний «Левиафан»? Какие ресурсы нынешней системы?

Явлинский: Он очень устойчив, у него есть большой социальный слой, на который он опирается.

Медведев: Огромное сословие бюджетников, 100 миллионов, пока еще нефтяная рента.

Явлинский: Вы его проблемы только что подчеркнули. Его проблема в том, что он будет делать страшные ошибки. Он будет разрушать сам себя, правда, вместе с нами.

Медведев: А то и с сопредельными странами.

Явлинский: Это не такая система, которую кто-то может сдвинуть или свалить. Нет, он сам будет принимать одно за другим такие решения, которые будут для него просто роковыми, разрушительными. Одно за другим будет принимать, вот в чем будет его проблема. Потому что он окружил себя серостью, простыми решениями. Это же еще одна особенность современной демодернизации сознания, демодернизированной элиты. Она во всем ищет простые решения, она не умеет думать сложно, на три шага вперед, не умеет учитывать три фактора – только один, максимум полтора. Она не может так соображать и поэтому всё время попадает в такие тупики, теперь уже попадает в изоляцию.

Медведев: Да, такое ощущение, что Россия добровольно зашла на минное поле и сейчас подрывается на каждой растяжке.

Явлинский: А теперь посмотрите на эту картину, как слепые идут друг за другом. У меня всегда был вопрос, я его вам задам, как вы думаете. Мне иногда кажется, что каждый слепой думает, что впереди идет зрячий. Он не знает, что впереди идет слепой,

вот в чем дело-то, понимаете? Он держит руку у него на плече.

Медведев: Это страшная метафора, да.

Явлинский: Он думает, что впереди-то зрячий, а они слепые все! Люди думают, что кто-то там в правительстве, наверху что-то думает, решает, знает, анализирует. Это не так, хоть это и страшно.

Медведев: Какой выход сейчас из этого? Я понимаю, сейчас можно снова сказать эти высокие слова о том, какие нам нужны системы, но практический? Для вас практический. Вы идете на выборы 2018 года?

Явлинский: Да, я иду на выборы 2018 года, но надо до них дожить. При таком развитии событий об этом говорить трудно.

Медведев: Это да.

Явлинский: Но раз уж вы спросили, да, я буду претендовать на то, чтобы быть альтернативой Владимиру Путину. Я буду бороться.

Медведев: А ваш электорат остался?

Явлинский: Вы знаете, сейчас с ним будут происходить разные вещи. Сейчас электорат будет видеть, что будет происходить в стране, у нашего с вами электората начнет меняться менталитет, потому что экономические процессы очень серьезные. Но не только экономические, ведь ясно, что сейчас происходит. Это же понятно.

Медведев: Здесь, конечно, да.

Явлинский: Будут идти процессы, он будет меняться.

Медведев: Дожить бы.

Явлинский: Это не вопрос каких-то претензий, это объективная реальность. Люди будут видеть, что происходит. Теперь можно людям сказать: «Смотрите, создали такую систему, в которой даже экономический рост не позволяет решить основные проблемы».

Медведев: А, наоборот, ведет к войне. Что ж, Григорий Алексеевич, я должен сказать, что 25 лет назад впервые я, еще студент фактически, аспирант, услышал ваше имя, когда была программа «500 дней». С тех пор вы не сходите с радаров политики, так что я желаю, чтобы следующие ваши 25 лет в политике вас слушала вас гораздо больше или чтобы вы могли формировать курс России, о котором вы сегодня рассказали.

Явлинский: Спасибо большое.

Медведев: Мы начали с такой пессимистической картинки, как эти шесть слепых, идущих друг за другом. А другая картина, которая в самом конце, в заключении вашей книги, это «Извлечение камня глупости», другая картина Брейгеля. Так что мне кажется, что мы старались этим заниматься в течение последних 45 минут. А тем, кто хочет прочесть эту книгу, напомним, что книга Григория Алексеевича будет представлена на Non/fiction в эту субботу в два часа.

После Парижа 11/13

15.11.2015

ГРИГОРИЙ ЯВЛИНСКИЙ

Во-первых, можно надеяться, что теперь уже всем понятно, где враг. Каждый человек в России (кроме совсем потерявших голову в ненависти к Западу, а таких не так уж много) ощущает, как от парижских событий в сочетании со свежей травмой от катастрофы над Синаем веет смертельной опасностью, которая идет к нам.

Вот что нам непосредственно угрожает, а не развитие системы ПРО США, не НАТО и уж тем более не подписание соглашения об ассоциации Украины с ЕС и смена власти в Киеве. Очень глупо эти псевдоугрозы выглядят на фоне реальных угроз, на парижском фоне.

Во-вторых, понятно, что нужно по большому счету делать России: полноценно, в составе широкой международной коалиции участвовать в борьбе с «Исламским государством» (запрещенная в России организация). Устраняться от решения этой проблемы в расчете, что «нас не тронут», преступно наивно. Не потому, что мы в ответе за весь мир и должны внести свой вклад, хотя и это тоже, а потому, что все равно тронут. Они же бьют там, где могут, по слабым местам, а мы – слабое место.

В-третьих, понятно и то, что движение по этому очевидному, единственному продуктивному пути крайне затруднено внутриполитической ситуацией в России, характером российской власти и ее курсом.

Формально пока нет единого штаба и органов координации действий коалиции, к работе которых могла бы подключиться Россия на уровне военных. Однако существует альянс государств, действующих самостоятельно, но ощущающих себя союзниками с более или менее общим подходом к ситуации и общими целями.

Россия, вступая в сирийский конфликт, предложила создать некую заведомо нереалистичную новую коалицию с участием ближневосточных государств и курдов, однако фактически действует в альянсе с Асадом, Ираном и «Хезболлой». Россия всячески старается показать свое негативное отношение к коалиции США, европейских, ближневосточных и иных государств. В свою очередь, представители этой коалиции неоднократно заявляли о том, что Россия, с их точки зрения, не занимается борьбой с «Исламским государством», что у нее иные военные и политические цели. Если верить военным специалистам и экспертам, мы с ИГ пока почти и не воюем – в отличие от французов.

Эта ситуация конфронтации и недоверия, в которой никакие коалиционные действия с участием Рос-

сии попросту невозможны, порождена не только и не столько различием подходов к событиям собственно в Сирии. Про Сирию можно было бы договориться, о чем свидетельствуют, например, переговоры в Вене. Но! Фундаментом недоверия Запада к России является сопровождающийся непрерывной ложью антиевропейский политический курс, который уже привел к тяжелейшему вооруженному конфликту с Украиной. Пока с российской стороны не будет продемонстрирована готовность изменить этот курс, вернуться к исторически предопределенному нормальному сотрудничеству с развитым миром, исправлять сделанное в отношении Украины, – не будет никакого доверия, а значит, не будет и коалиции.

Иначе говоря, антиевропейский курс равен отсутствию коалиции. Если левая часть уравнения не меняется, то и правая остается прежней.

Можем ли мы хоть на что-то в этом смысле рассчитывать? Может ли случиться так, что возможность занять серьезное положение в реальной, а не мечтательной международной коалиции, крупнейшей после антигитлеровской и по составу, и по задачам, сподвигнет российский режим к отказу от антиевропейского курса?

Конечно, путинская Россия не Советский Союз, а на дворе не середина прошлого века, чтобы Путину рассчитывать на роль вождя СССР. Реальные сдвиги в политике и отказ от антиевропейского курса будут началом конца нынешнего режима. Это напоминает ситуацию Януковича, для которого подписание договора об ассоциации с ЕС было бы началом конца его воровской системы. Однако он лично в случае движения по этому пути мог сыграть позитивную роль в истории Украины. Уж точно более позитивную, чем получилось в результате попытки сохранить власть через неприятие европейского пути. Это исторический факт.

Сейчас «форточка возможности» для сдвига в позиции России появилась. Судьба вновь дает России шанс одуматься и избежать роковых ошибок. Дальше – вопрос разума; не надо спорить с историей.

Думающие граждане России сейчас понимают, с одной стороны, где опасность и от чего надо защищаться, а с другой – что они перед этой опасностью одни и никто извне не поможет, а российское руководство будет по-прежнему считать приоритетом неуместную и бесперспективную борьбу с Западом. Вот что значит быть заложниками курса...

1 марта 2015 года. Антивоенная акция партии «ЯБЛОКО» на Тверской улице под лозунгом «Нет войне с Украиной»

Григорий Явлинский: «Мы перешли черту»

25.12.2014

Программа «Лицом к событию»

Ведущая ЕЛЕНА РЫКОВЦЕВА

Переговоры в Минске терпят крах. Как разрешать конфликт на востоке Украины? Верно ли власть действует в связи с экономическим кризисом? Не перерастет ли он в политический? А также ответы на вопросы слушателей РС в прямом эфире.

Елена Рыковцева: Я представляю вам нашего сегодняшнего гостя – Григорий Явлинский. С наступающим Новым годом.

Григорий Явлинский: Спасибо, и вас. Всех поздравляю с наступающим Новым годом, с Рождеством.

Елена Рыковцева: А желать?

Григорий Явлинский: Желая, чтобы мир был. Мирного неба желаю, мирной жизни – это самое главное, что можно желать. Вообще ситуация такая, что то, что говорили мои родители, скорее даже не родители, а бабушка, дедушка: только бы не было войны. Сейчас больше говорить вообще ничего.

Елена Рыковцева: Дожили. Предел мечтаний – мир, конечно.

Григорий Явлинский: Поэтому я всем желаю мира, и все.

Елена Рыковцева: Кстати, о мирных переговорах, которые сегодня завершились ничем в Минске. У них гипотетически мог быть какой-то результат или это совершенно бессмысленная история?

Григорий Явлинский: Безусловно, если бы была политическая воля в Москве и в Киеве, то они бы и завершились положительными результатами. Относительно Киева я в полной мере сказать не могу, но в Москве я такой воли не вижу и такой заинтересованности, чтобы все это прекратилось, кроме каких-то деклараций и заявлений о том, что давайте жить дружно, все будет хорошо, пропагандистских бессмысленных заявлений нашего МИДа, я не вижу ничего серьезного, ничего содержательного.

Елена Рыковцева: Какая может быть воля в Киеве, чего он может хотеть от этих переговоров? Чего

он от этих людей, которые себя называют ДНР и ЛНР, может мирным образом хотеть?

Григорий Явлинский: Вы знаете, что касается Украины, то я думаю, что будет правильнее, если об Украине будут говорить политики украинские. Я думаю, что мне лучше говорить о России. Это настолько серьезно, что не надо судачить и быть заочным политиком, какие-то делать заочные предположения, анализы, мне это не кажется серьезным. Украина не раз говорила, что она просит не давать ей советы. С этим можно согласиться, пускай украинские политики сами говорят. Я думаю, что Порошенко заинтересован в том, чтобы был мир и сохранение территориальной целостности Украины. Вот это, я думаю, исходная точка. Какую они будут проводить политику – это тема специальная, отдельная и лучше, чтобы ее обсуждали те политики, которые принимают в Киеве решения или, по крайней мере, присутствуют рядом с тем, где принимаются решения.

Елена Рыковцева: Мы сейчас можем очень много тем отсечь, потому что решения принимаются другими людьми по этим темам, и не обсудить их. Я всего лишь спросила о том, что эта власть киевская с этими людьми, Захарченко и так далее, действительно мирно может о чем-то договориться, на ваш взгляд?

Григорий Явлинский: На мой взгляд, эти люди говорят от имени той позиции, которую занимает Москва. Поэтому я считаю, что залогом положительного развития ситуации или исходной точкой положительного развития ситуации являются в конечном счете прямые переговоры между Путиным и Порошенко. Не зря здесь присутствует Зурабов как посол России. Поэтому разговоры должны идти между Москвой и Киевом.

Елена Рыковцева: О чем?

Григорий Явлинский: Там есть очень простые вещи, они записаны в минских решениях. Суть их заключается в том, что должны быть выведены с тер-

ритории Украины все незаконные вооруженные формирования, должны быть выведены с территории Украины иностранные вооруженные формирования, военная техника тяжелая, а также боевики и наемники. Это было записано и подписано в сентябрьских договоренностях в Минске. Вот, собственно, что нужно делать. Помимо этого там есть и другие решения об отводе техники, обмене пленными. Но это главное и уже состоявшееся решение. Решить эту проблему могут только два президента, это не может решить кто-то другой.

Елена Рыковцева: Очень трудно представить, как решит Владимир Путин эту проблему, если он, со всех трибун выступая, говорит, что никого там нет, нам нечего выводить оттуда.

Григорий Явлинский: В этом все и дело, это суть ситуации. Поэтому, о чем они могут там договориться? Дай бог, если они договорятся как минимум о том, чтобы обменять пленными, чтобы не было обстрелов, чтобы не гибли люди – это самое главное на текущий момент, в конкретный момент. Кроме того, нужно, чтобы люди смогли пережить зиму, чтобы они не оказались в блокаде, чтобы они не умирали от голода и холода. Это минимум. А что касается серьезных шагов вперед, то главное – это то, что я сказал, вывод незаконных вооруженных формирований, вывод всех боевиков, вывод тяжелой техники.

Елена Рыковцева: Это должно быть решение Путина, которое он когда-нибудь примет?

Григорий Явлинский: Я думаю, что да, я думаю, что это будет решение, которое будет принимать Москва и Киев.

Елена Рыковцева: Президент Российской Федерации, а какой из президентов Российской Федерации, мы уже увидим дальше. Много вопросов пришло, я удивилась, о том, что будет дальше без Путина. Например, пишут: «Есть ли у вас план, чем занять силовиков, эфэбешников после ухода Путина? Эта прослойка общества криминогенно-опасная. Что с ними делать, когда нужда в них отпадет?». Еще пишут: «Отставка президента, временное правительство, люстрация, Учредительное собрание, новый федеративный договор, новая конституция, новая Россия. Чему быть, того не миновать?». Отвечает ему другой человек: «После отставки президента Путина не будет ничего, кроме развала России». Почему-то народ заговорил об отставке президента Путина, прогнозируют Учредительное собрание, развал России, выход в криминогенные слои населения силовиков. Что это народ решил? Куда он денется?

Григорий Явлинский: Спасибо большое, Лена, это серьезные вопросы, давайте их обсудим по существу. Откуда берутся такие вопросы? Эти вопросы берутся от того, что мы с вами сейчас и сделаем, скажем, подвести итоги года. Это какие-то итоговые вопросы. Год назад не было таких вопросов, даже полгода назад. Главный итог года заключается в том, что политика, проводимая в России с 2012 года, в 2014 году уже при-

вела к тому, что итогом года является реальная опасность войны, большой войны. И вторая угроза, которая является прямым результатом этой политики, – это угроза развала экономики. Вот поэтому люди задают эти вопросы, потому что они это чувствуют, что результатом политики является реальная угроза войны, не просто войны как локального конфликта, а большой войны, а также угроза развала экономики, которая тоже в значительной мере происходит. Если это является итогами, то неудивительно, что люди задают такого рода вопросы. Еще серьезней вопрос, видите, там речь идет об Учредительном собрании, о реформах, потому что мы с вами присутствуем не только при итогах года, но это итоги всего постсоветского периода, это итоги реформ. Если бы реформы были проведены успешно, ничего этого никогда бы не случилось. То, что сейчас происходит, является следствием провала реформ – вот это сейчас очевидно. Поэтому люди задают вопросы, что теперь нужно будет эти реформы проводить заново, все нужно будет делать заново, переосновывать страну, поэтому речь идет об Учредительном собрании. Это очень серьезно. И как всегда, очень многие люди, которые думают серьезно о судьбе нашей страны, они напрямую говорят о самых главных и серьезных вопросах. Но даже более того, почему люди об этом говорят? Я сейчас больше вам скажу – это даже итоги столетия. Ровно сто лет назад Россия ввязалась в войну, которая привела к ее краху. Через три года в 1917 году это привело ее к краху. Европа тогда тоже влезла в войну, она ее даже инициировала, если можно так сказать. Потом, не извлекая из этого уроков, она попала еще в одну войну – Вторую мировую войну, и только после этого Европа извлекла уроки и создала Европейский союз. Вот от этого Европейского союза, от идеи, не от Брюсселя, не от вступления – от образа жизни европейского после Второй мировой войны последние три года категорически отказывается Россия. А учитывая, что время сейчас идет очень быстро, ее антиевропейский или, как иногда любят говорить, евразийский путь быстро ее привел прямо к этой черте. Поэтому в этом году итоги года очень масштабные, они просто показывают, куда Россия пришла со своей антиевропейской политикой, с политикой против правового государства, против европейской интеграции, против прозрачности границ, против всего этого, вот к чему мы пришли в итоге.

Елена Рыковцева: В итоге мы пришли с непоколебимым рейтингом главы государства. Откуда настроения у людей, что он вдруг куда-то денется?

Григорий Явлинский: Я не социолог, не могу сказать. Не думаю, что социологи сейчас что-то хорошенько понимают или знают. Ответить на ваш вопрос я не могу. Собственно такая форма взаимоотношений главы государства и граждан вызвана безальтернативностью, поскольку нет никакой альтернативы, нет альтернативных фигур вообще, поэтому и отношение к нему.

Елена Рыковцева: А то, что люди думают, один из наших авторов написал, что если, на дай бог, не Путин,

то хаос, развал России. Что вы ему лично скажете?

Григорий Явлинский: Я ничего ему не могу сказать. Я могу сказать, что и так могут пойти события, и такое может быть развитие. Здесь зависит от того, в какой форме это будет происходить. Вообще говоря, я думаю, что тема, которую вы подняли, она несколько преждевременная, пока не надо торопить события. Пока нет таких оснований. Есть достаточные основания сегодня говорить, что, во-первых, Россия попала в ситуацию политической изоляции в мире, есть второе, что можно сказать, что лишилась Россия всякого доверия – это тоже результат этой политики. Есть основания говорить, что в экономическом смысле стали недоступны кредитные ресурсы, финансовые рынки для российской экономики – это очень серьезно. Есть основания говорить, что Россия сделала попытку выйти из глобализации. Конечно, очевидно, в последние два-три года, вы не могли это не почувствовать, тема модернизации России, модернизации российской экономики ушла полностью. Это очень серьезно. Все возможности, которыми располагала Россия, которые выражались в финансовых возможностях, политические возможности, которыми располагала Россия, в том смысле, что она была реальным участником, те возможности, которые были у России как у крупной геополитической единицы, они все за этот год растрочены.

Елена Рыковцева: Ими, во-первых, не воспользовались, во-вторых, они просто потерялись, их больше нет. То есть все с нуля, получается?

Григорий Явлинский: Я думаю, что так вопрос трудно поставить. Потому что в том же качестве, с той же системой олигархической, с той же системой, которая базируется на правилах жизни, вытекающих из криминальной приватизации, на этих правилах жизни ничего заново выстроить будет невозможно.

Елена Рыковцева: А кто будут эти люди, которые будут это делать?

Григорий Явлинский: Мы, когда поближе подойдем к этому делу, с вами встретимся, специально обсудим. Сегодня меня больше всего беспокоят конкретные вещи, связанные с выходом из той ситуации, в которой мы с вами находимся.

Елена Рыковцева: Петр из Москвы, здравствуйте.

Слушатель: Порошенко и Путин якобы могут решить все проблемы России и Украины, в том числе внутриукраинские проблемы. Вопрос такой: беловежские соглашения, вот-вот будет годовщина алмаатинских соглашений. Григорий Алексеевич, эти соглашения законны? По-моему, нет. Наш народ не спрашивали, меня как гражданина России.

Григорий Явлинский: Петр говорит правильную вещь и очень важную. Он говорит, что авантюризм, который был проявлен, огромный политический авантюризм и безобразия, которое тогда было в виде беловежских соглашений, сегодня сочтется кровью. И это правда, это именно так. То, что я вам сказал, что сегодня мы видим результаты этих реформ. Поэтому я говорю, что мы подводим итог для меня,

например, что итог этих реформ оказался крайне неудачный. И Беловежская пуца, как она была проведена, эти все соглашения, сегодня привели к таким весьма катастрофическим последствиям.

Елена Рыковцева: Мы сейчас слышим со всех трибун: надо наращивать ВПК, родина в опасности, кругом враги, нужно увеличивать военные расходы. При этом в стране кризис, при этом рубль падает. Оцените, пожалуйста, меры, которые были предприняты, согласны вы с ними, вы считаете их недомерами или в правильном направлении товарищи ведут страну и экономику?

Григорий Явлинский: Что касается военных расходов, это все сейчас будет пересматриваться. Я думаю, эти расходы в том виде, в котором они записаны, просто невозможны, особенно в абсолютном виде. Правда, хочу обратить ваше внимание на то, что почти ежедневно пропаганда умышленно говорит о каких-то военных вопросах, то ракету собираются строить, то запустили какую-то сверхбольшую ракету, то провели какое-то совещание. Все время косвенная форма угроз, то самолеты чуть ли не сталкиваются с другими военными самолетами. Это все серьезные вещи, им пользуются абсолютно, с моей точки зрения, контрпродуктивно вот в каком смысле – продолжается политика запугивания. Она звучит примерно так: да, мы одни, с нами никого нет, у нас даже нет союзников, потому что, как мы видим, ни Белоруссия, ни Казахстан не являются надежными союзниками, мы остались вообще одни, ни одного союзника нет. Но зато у нас есть такие способы, что мы можем всех. Это ведет к тому, что Россию рассматривают как непредсказуемую и крайне опасную. Это приводит к тому, что существовать может консенсус. Когда обсуждают санкции, почему европейские согласились? Говорят: вот, Соединенные Штаты на них нажали, – Лавров что-то фантазирует. Нет. Это запугивание, непредсказуемость, нарушение правил жизни, переход черты. Есть черта, которая считалась чертой, которую не переходят. Например, эта черта – аннексия. 70 лет этого в Европе не было, да и в мире почти не было, это невозможно делать. Тем более, что правила жизни были установлены совместно союзниками после Второй мировой войны, эти правила нарушать не нужно, никому это не позволено. Кроме того, были подписаны все договоры, все соглашения относительно нерушимости границ, гарантий безопасности, и вдруг это все нарушено в одностороннем порядке, абсолютно произвольно, волюнтаристки, без всяких на то малейших правовых оснований ни касательно российского законодательства, ни международного. Это привело к тому, что стали рассматривать как непредсказуемого и опасного субъекта в международных отношениях. Последствия этого очень могут быть серьезные, они начинаются с того, что дело идет к изоляции и затем дело идет к переводу страны из первостепенного участника во всех международных делах к уходу на третьи, четвертые, пятые, десятые роли. Это даже не «холодная война» – это другая политическая вещь. Если будет консенсус

по этому вопросу у всех развитых стран, то это для страны означает очень опасную перспективу. Вот с чем мы столкнулись в итоге всех этих событий и в итоге той антиевропейской, антисовременной политики, которую Россия проводит последние три года.

Елена Рыковцева: То есть они будут все равно бряцать этим оружием, мускулами трясти, но бюджет придется сократить военный?

Григорий Явлинский: Бюджет будет сокращаться, но структура может быть вполне военная, могут основные расходы делаться на военные нужды, все время доказывать, что нам не нужен никакой импорт. Здесь мне даже не хочется тратить эфирное время, потому что все, кто знает, что случилось с гонкой вооружений в советское время, все прекрасно знают, чем это заканчивается. Надо помнить, что мы решили нарушить правила, имея 2-3% мирового ВВП. Нашими оппонентами в этом вопросе являются страны, у которых 42% мирового ВВП. 2% против 42%. У нас на будущий год самый скромный, самый оптимистический прогноз – 5% падения ВВП, а в третьем квартале этого года в Соединенных Штатах рост 5% ВВП. Понятно, куда это все ведет. Для того, чтобы заниматься геополитическими авантюрами, для того, чтобы заниматься геополитикой, нужно быть сверхдержавой. Надо же ею быть, надо иметь экономику сверхдержавы, а это вовсе не так. Мы страна с сырьевой валютой, у нас валюта по типу своему является сырьевой валютой, она напрямую привязана к ценам на нефть. Поэтому что здесь говорить? Действия правительства оценить очень легко – их нет, там есть только совещания и больше ничего нет. Что касается Центрального банка, он делает все, что может. Он повысил ставку. Правда, я должен сказать, что если ставки повышать в час ночи, то только от одного от этого можно так всех напугать. В час ночи нельзя это делать, потому что это означает, что в правительстве паника или что-то.

Елена Рыковцева: Черный вторник случился ровно после этого ночного повышения.

Григорий Явлинский: Во-первых, не надо пугать никого. Во-вторых, повышение ставки должно было сопровождаться валютными интервенциями Центрального банка, а Путин запретил, судя по его пресс-конференции, тратить валюту, золотовалютные резервы. Следовательно, ставку повысили, а валютных интервенций не было, поэтому случился черный вторник. Сейчас ставка повышена, но он вызвал к себе олигархов или как их назвать, и велел им продавать валюту. Поскольку ставка очень высокая, а на рынке появилась валюта, ее продают, поэтому рубль начал укрепляться. Он сейчас соответствует тому уровню, который более или менее связан с тем, что должно было бы с ним произойти без вмешательства Центрального банка.

Елена Рыковцева: А сколько можно ехать на этом приеме?

Григорий Явлинский: Это ненадолго, на насколько месяцев. Я думаю, пик выплат будет в феврале, им

нужно будет экспортерам выплачивать дополнительные долги, а дальше будут опять трудности. Сегодня, как вы знаете, падение цен на нефть 2% за день – это тоже очень серьезный показатель. Наша валюта привязана к нефти, а мы ничего не хотим делать, чтобы как-то повлиять на цены на нефть мировые, хотя могли бы, поэтому находимся в таком положении.

Елена Рыковцева: То есть это все меры, вы считаете, правильные, но временные, не решающие проблему?

Григорий Явлинский: Знаете известное выражение, что искать надо там, где потеряли, а не там, где светло. Вот если вы потеряли ключи от машины, то лучше их искать там, где вы могли потерять, а не там, где фонарь стоит. Причина кризиса политическая, никто его экономическими мерами не решит. Поэтому не о том разговор.

Елена Рыковцева: Если поставят действующего премьера, даже Кудрина, которого вы рекомендовали, все равно, пока не решится политический кризис, он сделать ничего не может?

Григорий Явлинский: Вместе с политическими вопросами полезно было бы, чтобы в правительстве были фигуры, которые вызывают доверие у экономики, у бизнеса, вызывают доверие у финансовых кругов – это было бы очень полезно. Поэтому я и считаю, что такое назначение Алексея Леонидовича было бы правильным, потому что он человек, который вызывает доверие.

Елена Рыковцева: Но может ли быть назначен на пост премьер-министра самостоятельный человек, самостоятельная фигура?

Григорий Явлинский: Это вы спросите у Владимира Владимировича.

Елена Рыковцева: Если он до сих пор назначал несамостоятельных, почему вдруг назначит теперь? То есть никаких шансов нет?

Григорий Явлинский: Будет ли больной принимать лекарства – это уже вопрос второй, а задача врача сказать, какое лекарство надо принимать. В этой части я говорю, отвечая на вопрос, что нужно делать, я говорю: в числе разных мер, это не мера номер один, номер один мера другая, мы только что с вами говорили – это прекращение кровопролития, конфликта, противостояния, дестабилизации на востоке Украины. Вторая мера – это Крым, надо решать проблему с Крымом. Не надо никому думать, что ее забудут, она не будет работать. Она будет работать, эта проблема, она будет влиять на ситуацию, по ней должны приниматься решения. А что касается дальнейших вопросов, то там есть разные вопросы. Там есть вопрос нормализации торговли с Украиной, там есть вопрос нормализации торговли газом через Украину как транзитера. Там есть вопросы, связанные с участием в международных делах, связанных с Исламским государством, с этим халифатом, какую Россия собирается играть в этом отношении роль. Там есть вопрос о том, какой диалог надо вести. Там есть вопрос о том, как должен работать МИД, он превратил-

ся в Министерство пропаганды вместо того, чтобы быть прямой структурой дипломатической. Там есть еще некоторые вопросы. Этот пакет мер, о котором я говорю, его вообще нужно было бы, если хотеть выйти из санкций, если хотеть выйти из кризиса, то вот набор мер, которые нужно принимать немедленно. Решение лежит не в сфере – какие ставки.

Елена Рыковцева: С Крымом, смотрите, что получается вокруг этой темы. Кроме того, что ни шагу назад, ни пяди земли – это понятно. Даже либеральные политики, даже оппозиция, даже на Западе считается, что нет, она не вернет Крым, Россия.

Григорий Явлинский: Вообще ничего не считается, вещь это понятная и что делать, мне, например, моим товарищам, той политической силе, которую я представляю – российской объединенной демократической партии «Яблоко», понятно, мы давно работаем с этой темой, с того момента, когда она появилась. Должна пройти международная конференция с участием всех заинтересованных лиц – Украины, России, представители Крыма там могут участвовать, страны Европейского союза, крупнейшие страны Германия, Франция, Великобритания, Италия, Соединенные Штат, Турция должна участвовать. В части Крыма это вопрос о том, что там должен быть проведен законный, легитимный, по международным правилам референдум. Пускай народ Крыма определяет. Должны быть несколько лет подготовки, должно быть украинское законодательство, он должен быть проведен по украинским законам, Киев должен принять соответствующие законы.

Елена Рыковцева: То есть на время референдума вернуть его под украинскую юрисдикцию.

Григорий Явлинский: Он там и есть. Дело в том, что есть европейский опыт, когда фактически в реальном смысле юрисдикцию реализуют, если можно так сказать, ОБСЕ может реализовать, ООН может реализовать на этот период времени. Там нужно добиться того, чтобы прекратились отключения энергии, там нужно добиться того, чтобы люди жили с нормальными паспортами, а не как изгой. Там же граждане живут, там же люди живут. Не дают возможность им ездить. Что-то получать, санкции специальные применяют. Единственный друг – это министр экономики Зимбабве, который приезжает туда и рассказывает, что с этим нужно делать. Это безобразие нужно прекращать, но прекратить можно только на основе международного консенсуса, и надо быстрее это делать. То, что я сказал – это один из вариантов решения этой проблемы, но могут быть и другие. Например, там может быть тема кантонизации Крыма. Как вы заметили, в последнее время видно, что там есть самые разные регионы в Крыму, там есть крымские татары, регионы преимущественно с украинским населением, там есть важные регионы преимущественно с русским населением, даже не с русскоязычным, а просто с русским. Там есть общины разных национальностей, и армянские, и немецкие, и турецкие, греческие. Это европейское поле, это серьезная вещь. Поэтому к

этому надо отнестись серьезно, без горячки, очень вдумчиво, и это будет в каком-то смысле исправлением вот этих беловежских соглашений, о которых мы с вами сейчас говорили. Это невозможно решать в одностороннем порядке и в таком безапелляционном порядке, не получится из этого ничего.

Елена Рыковцева: Надежда, Нижний Новгород, говорите, пожалуйста.

Слушательница: Здравствуйте. Текущий год оказался действительно богат на события. Сейчас мы в полной мере ощутили свою зависимость от других государств. Григорий Алексеевич, скажите, пожалуйста, какие шаги, может быть реформы в первую очередь необходимо предпринимать для того, чтобы восстановить репутацию нашей страны и чтобы стабилизировать и наладить отношения с Западом?

Григорий Явлинский: Я еще раз хочу повторить: первое – это урегулирование ситуации на востоке Украины путем вывода всех боевиков. Кстати, я еще не сказал, что на востоке Украины вторым важнейшим вопросом является усиленный международный контроль за этим регионом, очень большое влияние должны оказывать международные организации, контроль должен быть большой. Очень важно обеспечить абсолютную безопасность людей, которые там проживают. Там долгое время должно быть международное наблюдение, чтобы ни у кого не появилось никаких искушений о месте, расправах, выяснения отношений. Потому что после таких военных конфликтов это очень вероятно. Далее – это вопрос Крыма, но мы его только что рассмотрели. Пожалуйста, можно по-другому решать, но просто сказать, что нет этой проблемы, невозможно. Только сократить риторику не получится, нужно предпринимать реальные шаги с учетом интересов людей, которые там живут. Дальше, я думаю, что важные шаги – это нормализация торговли, нормализация экспортных отношений с Европой. Дальше – это участие в международных операциях по сдерживанию террористической угрозы, связанной с Исламским государством, это очень важная была бы часть. Нужно постепенно выходить из изоляции. Еще есть целый ряд важных вопросов, что нужно предпринимать решения кадрового характера в правительстве, надо перестроить работу МИДа, надо сделать более прозрачной и менее пропагандистской работу Министерства обороны. Здесь есть огромная поляна для работы, и эти меры все должны быть реализованы.

Елена Рыковцева: Я прочитаю три вопроса, которые пришли по интернету. Разочарован вашим предложением кандидатуры Кудрина наш слушатель, потому что это «не тот человек, с которым нужно связывать будущее России».

Григорий Явлинский: Давайте попробуем сделать прогноз на будущий год. Я вам могу сказать по будущему году, что, думаю, будет довольно большое снижение объемов производства. Одновременно с этим будет очень большой рост цен. Насколько мне известно, Министерство экономики заново пересма-

тривает прогноз, потому что 11% по этому году инфляция, а в будущем году это будет более существенно, я думаю, порядка 15%, точно около того. Я делаю самые оптимистичные прогнозы. В целом цены на определенные товарные группы вырастут в два раза. Сейчас нужно решать эти проблемы. Сократится импорт в половину в будущем году. В этих условиях девальвация национальной валюты, снижение объемов производства, рост цен – это такая ситуация, которая будет очень болезненна. Потому что только за три месяца последние на 30% обеднело население России, а перспектива очень серьезная. У нас было три месяца назад 26 тысяч долларов на душу населения, а сейчас 16 тысяч. Любой экономист вам скажем, что мы относились к категории бедных, но европейских стран, а сейчас мы относимся к числу бедных латиноамериканских стран – это совсем другое качество жизни, совсем другой стандарт.

Елена Рыковцева: Странам третьего мира. Я про 26 тысяч не знала на душу населения – это высокая цифра.

Григорий Явлинский: Ниже, чем в большинстве стран Европы, но она высокая. Вот мы чего достигли, а все потеряли теперь. Поэтому надо не в таком пафосном смысле искать людей, обеспечат они будущее России или нет, а в достаточно ясном, конкретном, приземленном, что это должны быть профессионалы и люди, которым доверяют.

Елена Рыковцева: Игорь из Санкт-Петербурга, здравствуйте.

Слушатель: Здравствуйте. В начале я хотел бы поздравить всех с наступающим Новым годом и пожелать всем благополучия и мира. Мой вопрос относительно состава правительства. Я поддерживаю инициативу Григория Алексеевича Кудрина в качестве премьер-министра. Мне бы хотелось немножко развить эту тему. Дело в том, что не только глава правительства, складывается впечатление, находится не на своем месте, но и другие члены правительства. Когда мы смотрим на деятельность, на их заявления, на их инициативы, возникают сомнения в том, что они могут справиться с кризисом. Когда мы видим нашего министра иностранных дел, который фактически работает министром пропаганды, то возникают сомнения, можем ли мы налаживать нормальные отношения с внешним миром. А когда мы слышим заявления министра промышленности и торговли о том, что в случае необходимости мы заморозим цены, возникают сомнения в его компетентности. Наверное, надо более кардинально обновить состав правительства, иначе в том составе, в котором оно существует, ничего нельзя сделать. Складывается ощущение, что существует имитация деятельности, а не содержательная деятельность.

Григорий Явлинский: Я согласен со всем, что вы сказали. Это тот случай, когда я полностью согласен. Считаю, что правительство неспособно заниматься кризисом. Посмотрите, когда происходит падение рубля, премьер-министр пишет статью об экономике

Украины. Я бы хотел прочитать статью о том, что делается с экономикой России. Не надо писать мне сейчас про Украину. Можно написать и про Украину, но сначала надо написать о том, что делать в российской экономике. А то, что прозвучало сегодня, смотрите, что человек сделал: министр промышленности, если я правильно понял то, что я читал сегодня в новостях, сказал, что есть такой «мощный» инструмент, как заморозить цены. Он не понимает, что он сделает, что он просто организует в момент дефицит повсеместный.

Елена Рыковцева: Может, он молодой, не помнит?

Григорий Явлинский: Он же министр, он должен хоть что-то знать кроме того, что знает согласно возрасту. Дефицит, теневая торговля и что дальше будет с этим? Для чего это делается, для чего это говорится? Как падал рубль: то в час ночи вдруг принимается решение, то президент где-то говорит, что мы сейчас поймаем валютных спекулянтов, рубль чуть-чуть укрепляется, выступает какой-то красавец из Думы, говорит – валюту нужно продавать не более 500 долларов в одни руки, после этого рубль падает со страшной силой. Все это показывают по Первому каналу. И тут это заявление. Как сейчас себя будут вести продавцы, если им завтра заморозят цены, они будут банкротами все. Им нужно прятать эти товары, нужно продавать без налогов, под полой, еще навык не утрачен. Вы спрашиваете, что делает правительство – вот что делает правительство.

Елена Рыковцева: Алексей из Москвы, здравствуйте.

Слушатель: Здравствуйте. Хотел сказать, что я уже много лет голосовал за «Яблоко». Мне часто говорили, что это неправильно, сейчас я убеждаюсь, что это единственное правильное решение. Если судить по телевизору, никто не высказывает настоящую честную позицию кроме «Яблока». Вопрос у меня такой: с той волной пропаганды, которая по телевидению идет постоянно, очень сложно стало общаться со знакомыми добрыми и хорошими людьми, которые подвержены тому, что постоянно льется из телевизора. Не очень ясно, что делать, на площадь выходить, письма в правительство писать. Для простых людей, которые понимают ситуацию, Григорий Алексеевич, можете дать какой-то совет?

Елена Рыковцева: Алексей, я очень благодарна вам за вопрос, потому что точно такой же я хотела прочитать. Виктор Ткаченко спрашивает: «Как проевропейские партии России могут взять власть в стране в свои руки в условиях тоталитарного режима, когда население зомбируется, людям прививается ненависть к Западу, а многие из тех, кто в оппозиции, преследуются. Какой смысл принимать участие в псевдовыборах?». Тема похожая, что люди зомбированы, как со всем этим быть, как им объяснять, как пробиваться к их сознанию.

Григорий Явлинский: Я прежде всего хочу выразить огромную признательность, душевную признательность за добрые слова, которые сейчас прозвучали в наш адрес, мне они очень важны и дороги.

Поддержка в такое время, в таких условиях очень дорогого стоит. Спасибо вам большое. Второе, что я хочу сказать: будет очень много разных форм, в которых можно выразить свое отношение к происходящему. Безусловно, будут и шествия, будут большие, крупные митинги, разрешенные, я не имею в виду какие-то социальные взрывы, я имею в виду нормальное гражданское выражение своего отношения к происходящему. И последний раз на таком шествии несколько месяцев назад, когда был Марш мира, приходили десятки тысяч людей, будет это еще и впереди. Я думаю, это, безусловно, необходимая деятельность. Вы совершенно правильно сказали: выражать свое мнение во всех формах. То, что было известно и раньше – это и ваша позиция, не надо озлобляться, я знаю, и сам сталкиваюсь с такой проблемой, что люди ссорятся очень из-за разных позиций. Потому что действительно пропаганда – это отравка очень серьезная, она очень влияет на людей. Надо уметь держать свою позицию, быть последовательным, высказывать свою точку зрения. Жизнь подскажет те формы. Понимаете, никакой политик не является демиургом, он не является человеком, который взмахом рук может формировать действительность, этого не может делать никто. А тот, кто думает, что он так может делать, он просто человек неумный и не разбирается в политике. Жизнь даст эти возможности. Сейчас люди будут сначала в гротескной форме, как губернатор Ткачев говорит: вот это расплата за Крым. Вы же хотели, чтобы Крым вам принадлежал, теперь должны потерпеть. Это только начало. На что президент, выступая на пресс-конференции, говорит: нет-нет, это не расплата за Крым, все равно что-нибудь было бы. Это только первые ласточки, сейчас будет много таких сюжетов, когда люди будут говорить: а мы и не подозревали, что это делать такое. Московская интеллигенция любит такое высказывание: а кто бы мог подумать? Как это можно было себе представить? Сейчас начнется этот процесс, потом он превратится в коллективное прозрение – это будет неприятно.

Елена Рыковцева: И тут появится шанс у либеральных партий, которых пока нет.

Григорий Явлинский: Если они не будут лгать, если они не будут вести себя так, как они вели себя раньше, тогда могут появиться самые разные шансы.

Елена Рыковцева: Очень много уже голосов в интернете, на Фейсбуке, в социальных сетях, очень много заявок от тех, кто готов выйти на Манежную площадь 15 января на несанкционированный народный сход по случаю возможного приговора Алексею Навальному – 15 лет. Что вы думаете о таких вещах, не может ли такого рода акция перерасти в другие? Зачем власти провоцируют своими действиями, вот этим приговором людей на выход на улицу, зная, что они выйдут?

Григорий Явлинский: Я прежде всего хочу сказать, что я желаю, чтобы для Алексея Навального все закончилось хорошо, чтобы это по возможности закончилось либо освобождением, либо условным.

Елена Рыковцева: А бывает такое, что прокура-

тура просит 10, а суд...

Григорий Явлинский: Бывало, и с ним уже такое было. А потом выходит на сцену руководитель государства, вся молодежь ему аплодирует, он становится любимчиком, потому что освободил Навального во второй раз, и все будет хорошо. Я не знаю, насколько это реалистично, но мне бы хотелось, чтобы все закончилось для самого Алексея Навального, для его близких, для его родных, для его детей, для его жен, для его близких друзей, чтобы все закончилось хорошо, я ему желаю всего доброго. Политику я в этом смысле обсуждать не желаю пока. Он, естественно, не является нашим политическим союзником, но я ему как человеку желаю всего того, что я сказал. Теперь, что касается выхода на улицу. Вы знаете, это не политический процесс – это процесс гражданский, это поступок гражданский. Я никого призывать к этому не могу, каждый гражданин сам определится, что он должен делать в таких условиях.

Елена Рыковцева: Вопрос от читателя нашего сайта: «В одной из своих статей Гарри Каспаров показал, что настоящей оппозиции в России нет и никогда не было. Так называемая оппозиция всегда делала выбор в пользу Путина, когда дело доходило до выбора. Причина: Путин на всякий оппозиции пиарился, все представители оппозиции пристроены. А что будет, когда Путина не будет? Что вы скажете на этот счет, что такое оппозиция?».

Григорий Явлинский: Я хочу сказать, что оппозиция всегда была в России. Она бывает более влиятельной, менее влиятельной, власти очень активно борются с ней, иногда достигают очень хороших результатов. Те, кто называют себя оппозицией, допускают очень много ошибок существенных. Что касается Гарри Кимовича, он является политическим дальтоником, он думает, что он разбирается в политике. Он человек гениальный, он гениальный шахматист, он чемпион мира по шахматам, но только по шахматам, а не по всему на свете. Поэтому есть оппозиция, нет оппозиции, с моей точки зрения, Гарри Кимович в этом не разбирается, он в этом ничего не понимает. Политическая судьба Комитета-2008, Координационного совета показала, что политика – дело профессиональное, заниматься ею надо очень серьезно. Создать в России настоящую политическую оппозицию – дело непростое. Но думаю, что в итоге 25 лет, когда становится очевидным, куда привела ситуация заигрывания с совершенно чуждыми силами, с националистами, с крайне левыми, просто с леваками, вот эти все потуги и попытки таким образом, вместе с Лимоновым создавал Гарри Кимович оппозицию, попытки создать такую оппозицию просто являются политическим дилетантством. Не надо чемпионам мира заниматься тем, чего они не знают.

Елена Рыковцева: Оппозиция будет полноценная, профессиональная когда-нибудь?

Григорий Явлинский: Она есть, она не имеет такого влияния, какого хотелось бы, но жизнь все расставит по местам. Это еще одна такая черта нашего сознания – не замечать того, что у нас есть.

Григорий Явлинский: «86 процентов это как температура 40 у больного»

14.03.2015

Программа «Культ личности»

Ведущий ЛЕОНИД ВЕЛЕХОВ

Леонид Велехов: Здравствуйте, в эфире Свобода – радио, которое не только слышно, но и видно. В студии Леонид Велехов, это новый выпуск программы «Культ личности». Она не про историю, не про тиранов прошлого, она про наше время, про настоящие личности, их судьбы, поступки, их взгляды на окружающую жизнь. Сегодня впервые у нас в гостях политик – и это Григорий Явлинский.

Биография Григория Алексеевича Явлинского хорошо известна, прежде всего потому, что он участвовал во многих избирательных кампаниях. Причем в то время, когда российские выборы, пусть и не без изъянов, но все же были похожи на выборы, и избиратели отдавали свои голоса, подумав и тщательно изучив биографии кандидатов.

У Явлинского почитателей тогда было много. Молодой, красивый, кудрявый – таких в российской политике за всю ее историю вообще было всего двое, и не случайно они так и остались самыми яркими ее звездами... Интеллектуал, но при этом вовсе не «ботаник», мастер спорта по боксу, дважды чемпион Украины среди юниоров. Да-да, Украины, потому что родом Григорий Алексеевич из славного города Львова, что придавало его биографии дополнительный романтический колорит.

С Явлинским думающая постсоветская Россия связывала большие надежды. Кто-то разочаровался – люди любят победителей, а вот победить на выборах, которые очень быстро превратились в пародию на эту демократическую процедуру, Григорию Алексеевичу так и не удалось. Но кто-то до сих пор не теряет надежд на то, что на выборах в России когда-нибудь будут побеждать умные, порядочные, принципиальные люди).

Студия.

Леонид Велехов: Так получилось, что политик в нашей программе вы первый, а вот человек родом с Украины рядом третий. Был киевлянин Виталий Коротич, актриса Оксана Мысина, которая родом с

Донбасса, и теперь вы, львовянин. И ничего специально мы не подбирали. Что называется, методом случайных чисел. С другой стороны, это о чем-то свидетельствует. А свидетельствует, наверное, о том, что Украина много дала России, раз вот так, приходят трое замечательных и все – оттуда родом... Поэтому и хотел бы с этого начать, немного вспомнить Львов вашего детства. Какие вы храните о нем воспоминания?

Григорий Явлинский: Самые теплые, самые добрые, самые трогательные. Львов навсегда останется моей малой родиной. Он меня вырастил. Все мои детские воспоминания связаны с ним, все юношеские.

Леонид Велехов: Какое самое яркое детское воспоминание?

Григорий Явлинский: Одно я, наверное, выбрать не смогу. Но все они, видимо, связаны с моими родителями, в наибольшей степени с моим отцом.

Леонид Велехов: А отец, действительно, из беспризорников?

Григорий Явлинский: Да, мой отец беспризорник. Он воспитанник коммуны Макаренко.

Леонид Велехов: Знаменитого новатора-педагога, автора «Педагогической поэмы»...

Григорий Явлинский: Да. Наверное, самые яркий эпизод в моей жизни, самые первые воспоминания – это отец в форме офицера советского приходит забирать меня из детского сада. И меня переполняет радость и гордость. Это же прошло всего несколько лет после войны. Мой отец прошел всю войну командиром артиллерийской батареи, был награжден боевыми орденами – Орденом Красного Знамени, Орденом Отечественной войны дважды, медалями «За боевые заслуги» и «За оборону Кавказа». Это для меня было фактом совершенно невероятной гордости и радости. Поэтому когда он приходил за мной в детский сад, ничего более яркого я вспомнить даже не могу.

Леонид Велехов: Отец ведь, как я вычитал, занимался тем же самым, чем Макаренко, в своей жизни?

Григорий Явлинский: Да. Он связал навсегда свою жизнь с воспитанием трудных подростков. Он был одним из создателей системы детских приемников. И в СССР и, в частности, в Украине он был и руководителем детской колонии, и был руководителем женской колонии, был руководителем детского приемника. К слову говоря, завершил он свою трудовую деятельность очень драматически. Потому что в 1980 году было принято решение Политбюро о переводе всей системы детских учреждений для трудных подростков из Министерства образования в систему МВД. К нему в детский приемник вместо учителей и воспитателей, которые там работали, пришли солдаты срочной службы с автоматами.

Леонид Велехов: Все превращалось в колонию.

Григорий Явлинский: Да. Появились собаки. Это была просто катастрофа. И он очень активно возражал против этого. Человек он был известный, уважаемый в этой среде. Он ездил к министру в Киев, но сделать ничего не смог. И он умер от сердечного приступа, внезапно.

Леонид Велехов: Надо же, какая биография. А во Львове бываете, особенно в последнее время?

Григорий Явлинский: Последние десять лет я бывал там очень часто, начиная с 2004 года по 2010 год я бывал каждый год почти.

Леонид Велехов: А после 2010-го?

Григорий Явлинский: А после 2010 года я там не был.

Леонид Велехов: А почему? Это связано с боязнью какого-то дискомфорта?

Григорий Явлинский: Нет. Сначала это ни с чем не было связано. А если вас интересует сегодняшний день...

Леонид Велехов: Конечно! Ведь, говорят, бандеро-фашисты там всю хозяйничают!

Григорий Явлинский: Поскольку я там вырос, причем в семье советского офицера, могу сказать точно: я никогда с этим не сталкивался. Я знал, что там было бандеровское сопротивление, знал о недовольстве, но я никогда ни сам, ни моя семья напрямую с этим не сталкивались.

Леонид Велехов: Ваши друзья, одноклассники, по-моему, даже брат до сих пор во Львове живут, да?

Григорий Явлинский: Да, у меня есть очень близкие мои друзья, в том числе два брата-близнеца, Игорь и Сергей Мосесовы. Есть друг с первого класса школы. Есть друзья мои по старшим классам школы. Это мои близкие друзья, с которыми мы прошли всю жизнь и поддерживаем дружеские отношения до сих пор.

Леонид Велехов: Что они сообщают? Им как-то стало хуже после победы Майдана? Или жизнь идет своим чередом?

Григорий Явлинский: Все они с пониманием отнеслись к тому, что было на Майдане. Потому что для

них для всех это было свержение коррумпированной, неприемлемой и, как очень многие в Украине говорили, бандитской власти. Просто терпеть ее было больше невозможно. Форма свержения, как это произошло, – это уже другой вопрос. Но то, что терпеть люди этого больше не могли, это было абсолютным фактом. Например, это выражалось в непрерывном рейдерстве, в невозможности вести собственное дело, в совершенно неправомерной деятельности судов. В общем, все это вместе создавало такие условия жизни, которые были совершенно нетерпимы. И все мои друзья это понимали, некоторые из них бывали на Майдане. Они не были участниками Майдана, но с пониманием отнеслись к тому, что там произошло.

Леонид Велехов: Несмотря на то, что они не украинцы в большинстве своем...

Григорий Явлинский: Нет, они разные. Во-первых, они все коренные львовяне. Так же как и я, они там родились. Один из моих друзей местный житель, а другие приезжие, как и моя семья, из России, из Восточной Украины. Некоторые из Петербурга, как родители Игоря и Сергея Мосесовых. Но все они, повторяю, отнеслись к этому с пониманием. Невозможно жить в бандитской коррумпированной системе, которая не соблюдает никаких прав, никаких законов, осуществляя непрерывный произвол.

Леонид Велехов: Который распространялся даже, казалось, на такой свободный город Львов, да?

Григорий Явлинский: С этим же сталкиваются все. В любом городе, свободный он или не свободный, должны работать суды какие-то. Это же все-таки современное общество. Должна быть собственность защищена. Люди должны иметь возможность работать и так далее. Когда все это нарушается, когда приезжают все время какие-то паханы, устраивают разборки, отбирают бизнес, – это же невозможно! А это происходило. Шел рэкет, давление со стороны налоговых органов, других контролирующих органов. Непрерывные взятки. Люди это терпели, терпели, им это надоело, и вот тем или иным способом случился этот Майдан.

Леонид Велехов: А не интересно было бы сейчас поехать во Львов и посмотреть, что происходит? Или вы предпочитаете повременить?

Григорий Явлинский: Да нет, я бы мог поехать, но мне стыдно. Я гражданин России. Я российский политик. Я всю свою жизнь связал с российской политической жизнью и будущим России. Россия мне бесконечно важна и дорога. Она составляет суть моей жизни. А что я сегодня скажу на улице? Меня ведь весь город знает. Меня остановят на улице и спросят: «Григорий Алексеевич, а что это такое все? Зачем вы все это устроили?» И что мне отвечать? Долго и нудно объяснять, что в России создали такую систему, при которой любой, кто сидит в Кремле, может вытворять все что угодно? Долго и нудно объяснять, что в 90-е годы провели такие реформы, которые привели в итоге к тому, что мы имеем сегодня, причем 9/10 не то что среди рядовых граждан, но

и в элитах не понимают этой связи. Им кажется все время, что это просто плохой человек все это устраивает. А это вовсе не так. Дело не в том, какой человек, а дело в том, что создали систему, что она совершенно бесконтрольная и можно вытворять все, что угодно.

Леонид Велехов: Ну да, система подбирает людей под себя.

Григорий Явлинский: Да. И что, я буду это объяснять на улицах?! Кому?! Люди скажут: «А зачем вы в нас стреляете? Зачем вы все это устраиваете?» Мне неизвестен ни один этнический конфликт даже в городе Львове!

Леонид Велехов: Даже в городе Львове, то есть на самом Западе Украины, где смесь всего, и вся такая горячая.

Григорий Явлинский: Да, где вся эта смесь. Мне неизвестно ни одно нападение по какому-то национально-этническому признаку. Может быть, и были какие-то случаи, какие-то домашние, на кухне, но мне они как политические события не известны. Я, например, могу сказать, что мои друзья говорят, я с ними часто разговариваю. Они мне говорят: «Знаешь, сейчас город опять заговорил на русском». Я говорю: «Как это так?!» А они объясняют: «Столько приехало беженцев из Восточной Украины!» А они-то разговаривают все на русском. И опять город заговорил на русском, как в советские времена. Видите, какая неожиданная метаморфоза. И что я буду этим людям объяснять – тем, которые уехали с Востока, или тем, которые там живут, у которых детей отправили в армию? Я не знаю, что им сказать. Мне очень стыдно.

Леонид Велехов: Да, уж вам точно, коль вы приедете во Львов, придется быть за Россию ответчиком.

Григорий Явлинский: Тем более что мне-то скажут: «А за что там люди борются? У них был свой собственный президент. Ведь Янукович из Донбасса. Он не отсюда, не со Львова. Так вот и решал бы их проблемы. А предыдущий президент, Ющенко? Тоже из Восточной Украины. А перед ним? Два срока, десять лет, человек из Днепропетровска. А его оппонент – Юлия Тимошенко – тоже из Днепропетровска. И что привязались-то к западным областям?» Я скажу: «Ну, вот там были националисты на Майдане». А скажут, а вы слышали, что сказал президент Белоруссии Лукашенко? Цитирую из государственных российских агентств, из РИА-Новости. Он сказал, что он уговаривал Януковича не финансировать «Правый сектор»! Янукович финансировал «Правый сектор», потому, как говорит Лукашенко, что «Правый сектор» был против Юлии Тимошенко. И он выкармливал этот «Правый сектор». А якобы Лукашенко сказал ему – зачем ты это делаешь, он тебе же потом и голову свернут? И что я буду говорить?!

Леонид Велехов: И смысла выдумывать это у Лукашенко никакого нет...

Григорий Явлинский: Конечно, никакого! У Лукашенко есть о чем выдумывать. Так, вдобавок, ни

кто это не опроверг, ни один! А я еще помню, когда я ездил по Москве в 2004 году, и пол-Москвы были уставлены этими афишами, билбордами «Голосуйте за Януковича»! Так что я буду говорить людям? Что я буду говорить своим соседям, однокашникам? Что я им могу объяснить?

Леонид Велехов: Тяжело вам придется.

Григорий Явлинский: Вот вам и ответ.

Леонид Велехов: Да, ответ развернутый и более чем убедительный. Возвращаясь во времена вашей львовской молодости, хотел спросить уже не о Львове, а по существу вашей личности. Вы были человек советский, несветский или антисветский?

Григорий Явлинский: Я был такой человек, каким меня мои родители воспитали. Меня родители воспитали в атмосфере любви к своей родине, которую отец защищал на фронте, в убеждении, что к людям нужно относиться честно, благородно. Вот и все.

Леонид Велехов: Искренний ответ. Не стали придумывать, что вы были диссидентом.

Григорий Явлинский: Я никогда не был диссидентом. Но есть две линии в моей жизни, которые очень существенно повлияли на мое мировоззрение. Первая линия связана с тем, когда случайно впервые я прочитал журнал «Новый мир» с Солженицыным, «Один день Ивана Денисовича», и долго добивался у отца ответа на вопрос, что это такое. Он долго мне не отвечал на этот вопрос. А потом резко и с нажимом сказал, что это просто правда, что это не вымысел литературный. Это первое, что произвело на меня очень сильное впечатление, потому что это очень сильно расходилось со всем, что я видел, слышал, чему меня учили в школе.

Леонид Велехов: Это сколько примерно вам было лет?

Григорий Явлинский: Мне было мало лет. Мне было лет 11-12. Но это было важное время.

Леонид Велехов: Вы были серьезный мальчик, что в таком возрасте задумались об этом.

Григорий Явлинский: Да, я всегда интересовался такими вещами. А второе, если говорить о том, что на меня произвело впечатление... Я уже был студентом. И я долго и очень убежденно рассказывал отцу о своих идеях в отношении того, как совершенствовать советскую экономику. Он меня слушал несколько часов. И потом он мне сказал: «Я расскажу тебе притчу. Жил-был один человек. У него была очень желтая кожа. Его всю жизнь лечили от желтухи, от гепатита. Собирали самых лучших врачей. Но когда он умер, оказалось, что он был китаец. (Смех в студии) Эту систему переделать нельзя! Можно только на этом месте сделать другую, но когда это будет и как – мне трудно тебе сказать». И это заложило основу всех моих размышлений в моей учебе. Потом, когда я окончил институт, меня отправили работать в Кузбасс. И там я работал на шахтах и разрезах в Челябинске, в Кузбассе. Окончил институт я в 1973,

в 1974 году я женился, в 1976 году закончил аспирантуру и уехал работать. И я реально увидел, как люди живут. Не как живут в студенческих общежитиях в центре Москвы, а как живут в Ленинск-Кузнецке, как живут в Кемерово, как живут в Челябинске, как живут в Коркино, самом глубоком в мире разрезе. Я стал думать, а что же можно экономически сделать для того, чтобы это изменилось, исходя из самых добросовестных и самых традиционных представлений? А работал я нормировщиком. Я окончил институт по специальности «Экономика труда». Поэтому я знал, как работают. К тому же, до этого я заканчивал 11 классов вечерней школы, я был слесарем... Я работал в шахте, занимался нормированием труда, в основном инженерно-технических работников, мастеров, разработал квалификационный справочник, который, кстати говоря, до сих пор действует. Я стал искать решение. Первая мысль, которая у меня была – люди не хотят работать. Ответ на эту мысль был следующий – а потому что они достигают потолка в своем благосостоянии, им в оплате некуда стремиться, нет стимулов. Я стал искать ответ на вопрос – почему система не дает людям реальных стимулов к работе? Люди талантливые, способные, могут работать, но с определенного момента шахтеры начинают много зарабатывать. Реализуется предел мечтаний – маленькая двухкомнатная квартира в пятиэтажке. И дальше двигаться просто некуда.

Леонид Велехов: «Жигули».

Григорий Явлинский: «Жигули», и все. И ехать на этих «Жигулях» не особо есть куда. И дальше – все. У них нет никакого стимула. Они не могут решить ни одну задачу своей жизни. Они не могут прорваться. Они могут подняться через партийный орган, но это уже совсем другое дело. Я имел в виду – через труд, через производительность труда, через качество труда. И дальше я, наверное, 15 лет потратил на то, чтобы пройти все ступеньки ответа на вопрос – как сделать так, чтобы человек хотел работать, чтобы он работал так, как можно работать на мировом уровне в самых разных сферах. И я пришел к выводу, что эта система не способна на это. Она не решает эту задачу в принципе. В этой системе может быть только один стимул – страх. Никакого другого стимула. А на уровне страха на закате индустриальной экономики решить эту задачу невозможно. Новую экономику могут создавать только свободные люди, живущие собственной жизнью по собственным правилам. А эта экономика и эта система парализуют эту возможность. Вот тогда я начал размышлять о том, как это переделать. Вот это был, я помню, 1982 год. С этого момента всю остальную свою жизнь я думал над тем, как переделывать эту систему. Тогда я столкнулся с большими препятствиями. У меня были разного рода сложности, неприятности, тяжелые времена. Но так постепенно вызревала концепция плана, которую потом Борис Николаевич Ельцин назвал «Программа 500 дней». Вот отсюда она выросла.

Это ответ на ваш вопрос. Я не был никаким специальным диссидентом. Я, конечно, много чего читал.

Я, например, читал «Крутой маршрут». И он меня очень выручил. Потому что было время, когда меня вызывали очень часто в следственные органы и спрашивали: «Кто вас просил написать эту научную работу?» Я говорил: «Меня никто не просил. Это просто работа, в которой сказано, что эта система не имеет будущего. Она не может работать. Ей нужен или страх, или нужно дать свободу». «Ну, вы из такой хорошей семьи. Вы можете нам сказать – кто вас просил? Может быть, вас директор института просил об этом, Дмитрий Николаевич Карпукhin? Может быть, вас просил заведующий отделом? Может быть, вас просил кто-то из директоров, замдиректоров? Может быть, кто-то из ученых, ваш преподаватель Леонид Иванович Абалкин? Может быть, это он вас просил написать такую работу?» А я говорил «нет, никто не просил», потому что вспоминал, что произошло с Гинзбург, когда она ответила на этот вопрос. И куда это привело. Я все время говорил, что никто меня не просил. Я все сам. Да нет, не может быть, завтра придете и нам расскажете, кто. Это длилось полгода почти каждый день. Так что я не был специальным диссидентом. Я много чего читал, в т. ч. и Солженицына. Я, правда, не все у него мог читать. Я не мог читать «Красное колесо». Я не мог читать все то, что про Первую мировую войну. Я просто не в состоянии был это прочитать чисто эстетически.

Леонид Велехов: Да, я тоже, тяжелый труд это прелесть.

Григорий Явлинский: Просто очень сложные тексты. Но я не был каким-то специальным диссидентом. Я добросовестно прошел все этапы. И это меня привело к мысли, что «это китаец». Но вот как из китайца сделать что-то другое?! Вот это была задача. Это задача не для детского сада. (Смех в студии.) Понятно, как можно сделать яичницу. Но из яичницы сделать яйцо – довольно сложная история.

Леонид Велехов: Тот же пример с рыбками и аквариумом.

Григорий Явлинский: Да. Это, собственно, то, что составило смысл всей моей работы.

Леонид Велехов: Говоря о послесоветском времени, хотел бы вас спросить. Распад СССР, на ваш взгляд, каким он был в то время, это все-таки действительно была геополитическая катастрофа? И что это было – распад или развал?

Григорий Явлинский: В 1988 году я уже работал заведующим отделом Совета министров СССР. Это был сводный отдел. Я был заведующим сводным экономическим отделом. И однажды мне стало очевидно, что план и бюджет будущего года составить почти невозможно. Я тогда сказал Леониду Ивановичу Абалкину, который был первым зампредом Совмина, и Николаю Ивановичу Рыжкову, чтобы они обсудили с Михаилом Сергеевичем тему подписания нового Союзного договора. В противном случае, экономически уже ничего не будет работать. Прошло два или три месяца, постоянно сталкиваясь с проблемами такого рода, я вновь задал этот вопрос руководителям.

Ответ меня потряс. Ответ был такой: «Вы знаете, Григорий Алексеевич, Михаил Сергеевич очень занят. У него пленумы. У него заседания. У него очень много международных поездок. У него очень много международных делегаций, встреч». И я помню, как я шел после этого ответа по коридору в Кремле и думал: «Всё! Если они не понимают высшего приоритета, если у него нет времени решать эту задачу, а вместо этого всякая чепуха в виде этих пленумов ни о чем, надо готовиться к тяжелым временам».

И это был момент, когда я принял для себя решение, что я ничего не могу сделать с политикой, ну, просто ничего, а вот с экономикой – обязан. И в эти дни появилась идея о создании экономического договора между всеми бывшими союзными республиками. Еще они тогда были союзными республиками. Я начал готовить договор о свободной торговле, о свободном рынке, о едином таможенном пространстве, о единой валюте, о банковском союзе. Это была огромная работа. И уже после кризиса 1990-1991 года, после путча, я завершил эту работу, я ее сделал. И этот договор подписали в Кремле. И его подписали все бывшие союзные республики, в том числе балтийские республики в качестве наблюдателей. Все – кроме Азербайджана, который обижался на Россию тогда из-за Карабаха и Армении, и Грузии, где тогда был Гамсахурдия. Это была отдельная история. Но все остальные, понимая, что это просто ткань жизни, подписали. Все было подписано в Кремле в октябре-ноябре 1991 года.

А потом произошла Беловежская пуца, которая с моей точки зрения была совершенно неприемлемой вещью. Поэтому у того вопроса, который вы задали, у него две стороны. Есть политическое содержание этого процесса, которое, безусловно, предполагало создание чего-то нового. В политическом смысле я не видел возможности остановить парад суверенитетов. Потому что была одна формула – свое правительство лучше, чем хорошее. Все, точка! Ничего с этим сделать нельзя.

Леонид Велехов: Это вы так сформулировали?

Григорий Явлинский: Нет, это суть была такая.

Леонид Велехов: А в афоризм это вы превратили?

Григорий Явлинский: Да, но суть была такая. Кстати, на этом тезисе прошла вся деколонизация африканская. Я не думаю, что там все сильно очень рады. Многие страны до сих пор скажут, что если бы ими управляли французы, португальцы или еще кто-нибудь, то, может быть, жизнь была бы и лучше. Но тогда тезис был один – свое лучше. Все, кончено!

Но экономически, это было глубочайшее мое убеждение, мы никак не должны были разрывать хозяйственные связи. Мы никак не должны это все ломать. Мы обязаны были видеть, по какому пути идет Европа! Европа шла к экономическому союзу. Ведь нам придется потом это все восстанавливать, говорил я. Мы просто не можем иначе. Ведь у нас рынки, которые требуют нашего взаимодействия, эти рынки происходят, если так можно выразиться, из едино-

го пространства, то есть они сопоставимы, они сводимы вместе. Этого нельзя терять! Это наша мощь. Это наше будущее. Мы так накопим ресурсы. Зачем разрывать все это, зачем это все ломать?! Вот в этом было мое убеждение. И это было не просто убеждение, был подготовлен специальный документ. И то, что сделали в Беловежской пуце, это все уничтожило. А теперь пытаются это восстановить. Посмотрите, как. Посмотрите, сколько теперь не просто сил и времени, а крови. Теперь за это платят кровью. Вот результат Беловежской пуци! Вот ее итог! Вот цена всей этой болтовне, что мы бескровно что-то осуществили. Что мы осуществили? Потому что нельзя так сделать – собраться и за ночь что-то там придумать и что-то подписать. Это же просто неприемлемо, просто невозможно. Вот это стилистически... Не знаю, все ли понимают, что стилистика в политике играет огромную роль! Это же политика!

Леонид Велехов: Да, конечно.

Григорий Явлинский: Там это было сделано вот так. Не знаю, как насчет там какой-то геополитической катастрофы, но то, что этот развал оставлял очень тяжелое чувство, факт. И я был противником этого. И это была та причина, по которой я отказался от предложения Ельцина возглавить правительство России в 1991-1992 году, на что согласился Егор Тимурович Гайдар.

Леонид Велехов: Но вместе с тем, Григорий Алексеевич, вас упрекают в том, что вы отказались тогда, потом отказывались от всяких высоких постов и должностей. Насколько справедливы эти упреки? Нет ли все-таки ощущения, что если бы вы участвовали в этом процессе, вы хотя бы его смогли как-то подкорректировать?

Григорий Явлинский: Во-первых, такие предложения не были слишком частыми.

Леонид Велехов: Но они бывали все-таки – и вице-премьерство, и первое вице-премьерство...

Григорий Явлинский: Да.

Леонид Велехов: Вряд ли кому-нибудь предлагали чаще, потому что все остальные сразу за это хватались.

Григорий Явлинский: Прежде всего, я не мог согласиться с предложением Бориса Николаевича по двум причинам. Потому что я не мог согласиться с тем, что будет полный развал всего экономического пространства умышленный, а это было очевидно, что к этому делу идет, Борис Николаевич говорил мне напрямую, что Россия пойдет одна. Я ему говорил: «Вы представляете глубину экономического спада, если будет разрыв всех отношений? А вы представляете последствия для населения, для народа, для граждан, для людей? Там же родственники. Как вы все это себе представляете? Зачем это делать?» Это первое. Нет, будет вот так и все. А второе – это то, что в один день мы проведем либерализацию цен. Я говорил: «Вы понимаете, какая будет инфляция?! Вы представляете себе, что это будет просто конфискация! Люди станут нищими! В несколько месяцев

просто все станут нищими, просто никем! Зачем это делать?! Путь должен быть совсем другой». Нет, мы будем делать так.

Леонид Велехов: Ну, Ельцин, наверное, себе это и не представлял.

Григорий Явлинский: Но я же ему говорил! Я хочу повторить и подчеркнуть: не мог на это согласиться. Я в то время уже был опытным человеком, я работал в государственных органах, я работал в Совете министров. Я представлял себе последствия. Я не мог согласиться с такими последствиями для моей страны, да еще и встать во главе этого процесса, причем, стать просто исполнителем этих с экономической точки зрения абсурдных решений. Потому что потом эта конфискация привела к криминальной приватизации. Но это уже был следующий этап.

А вообще, есть принципиальный вопрос. Он заключается в следующем. Я согласен был работать на любой должности, но для того чтобы реализовывать то, что считал нужным. С жуликами и ворами, как их теперь называют, я работать не хотел. И все те, кто сегодня бросает мне этот упрек, как правило, сами сидели в этом правительстве, сами оказались наиболее состоятельными и богатыми людьми в то время, когда осуществляемые ими реформы привели к исключительной бедности абсолютно большинства населения. Реформаторы, которые выходят из реформ богачами, миллионерами, а все остальные оказываются с пустыми карманами, мне не товарищи. Это можно понять? Я это объясню 20 лет! И не могу добраться до сознания моих дорогих соотечественников, что необязательно нужно быть членом правительства, можно быть просто честным человеком. Мало того, не нужно сотрудничать в тех правительствах, которые грабят собственный народ. А это именно так оно и было.

Леонид Велехов: Григорий Алексеевич, а вам не кажется, что в политике вообще нет места порядочным людям?

Григорий Явлинский: Как и в любой профессии. Вы можете сказать, что в ГАИ нет места для порядочных людей, или в спецслужбах нет места для порядочных людей. А я в это не верю. Я считаю, что все зависит от людей. Да, трудно этим людям стать руководителями или победить. Каждый идет своей дорогой. Но порядочные люди есть везде, а иначе жизнь бы прекратилась просто.

Леонид Велехов: А что вам Путин предложил в 2008 году? Так вы и оставите это политическим секретом?

Григорий Явлинский: Да, я оставляю это пока политическим секретом. Только я не принял это предложение.

Леонид Велехов: Я понимаю, что вы не приняли. А какие все-таки ошибки вы совершили за вашу уже почти четвертьвековую политическую биографию?

Григорий Явлинский: Вы правильно подчеркнули – четвертьвековая. Значит, ошибок там было...

Но политик, особенно в нашей стране, особенно находящийся в оппозиции, столько слышит про себя всего, что добавлять еще к этому нет никакого настроения! (Смех в студии.) Мне всегда хочется сказать следующее. Почему действующий политик не должен писать мемуары? Потому что, если он пишет правду, то он раскрывает всю свою кухню, все свои недостатки, все свои проблемы, показывает все свои слабые места. Он этого не хочет делать естественно. Тогда он должен что-то врать и выдумывать. А тогда зачем писать эту книгу?

Леонид Велехов: Ну, мемуары – это всегда вранье вместе с тем.

Григорий Явлинский: Нет, вот когда тебе уже все равно, что о тебе думают (наверное, любой человек приходит под конец жизни в такое состояние, что ему безразлично, что о нем думают), тогда время писать мемуары.

Леонид Велехов: Да, но тогда он описывает в подробностях каждый свой день, хотя совершенно очевидно, что он не может это все упомянуть.

Григорий Явлинский: Это я не знаю. Я знаю только, что не стоит действующим политикам писать мемуары. Еще же не вечер, еще не конец. И я еще буду совершать ошибки, и «Яблоко» еще будет делать предложения. Рано подводить итоги.

Леонид Велехов: Я помню, что вы еще в 2000 году были одним из немногих политиков, кто крайне критически отнесся к выдвижению кандидатуры Путина. Его поддерживали многие из тех, кто сейчас находится в радикальной несистемной оппозиции, как ее называют. При всем при этом, могли бы вы тогда предположить, что дело придет к тому, к чему оно произошло?

Григорий Явлинский: Все свои оценки Владимиру Путину я высказал в 2000 году. И хотя в августе 1999 года при назначении его премьер-министром я даже за него голосовал в Думе, у меня были на это основания, связанные с определенным эпизодом, очень забавным. Он заключается в том, что Примаков поручил Путину, когда он был руководителем ФСБ, за мной следить, а Путин отказался. И я это знал. И когда его представили на премьер-министра, то я ему сказал, что я знаю об этом, поэтому буду за него голосовать.

Леонид Велехов: То есть чисто личные мотивы?

Григорий Явлинский: Я всей фракции это сказал. У меня не было никакого секрета. Но президентство – это уже совсем другая история. Весной 2000 года я был оппонентом Путина. И тогда я пришел третьим. И если бы не было фальсификаций, то был бы второй тур, но они были, поэтому второго тура не было. Я действительно говорил, что если Владимир Путин станет президентом, то вы увидите – его политика будет политикой крайних современных коммунистов, более даже радикальной, чем политика Зюганова со всеми атрибутами. Тогда я давал такие оценки и был в одиночестве. И опять все были против меня. Все говорили, что я во всем неправ, хотя в Москве мой

результат был 24%, а в центральных столичных округах – 30 с лишним.

Но сегодня я хочу сказать: нет, я не мог предполагать, что в моей жизни наступит момент, когда будет война между Россией и Украиной. Этого я не мог себе представить. Я не мог себе представить, что я буду жить во времена гражданской войны. Я ее называю гражданской, потому что с обеих сторон русские люди, не только, конечно, русские, и они убивают друг друга, с моей точки зрения ни за что. Просто военно-политическая авантюра, не имеющая никаких оправданий и никаких смыслов.

Леонид Велехов: Чем вы объясняете ту поддержку власти, которая имеется в российском обществе, в российском народе?

Григорий Явлинский: Пропагандой.

Леонид Велехов: Только?

Григорий Явлинский: В основном – да. Безальтернативной пропагандой. Вы вспомните, как это происходило в других странах. Например, нацисты, которые даже не победили на выборах в Германии, в начале 30-х. Они даже не выиграли выборы. А следовательно, их поддержка не была тотальной. И телевидения не было. Было только радио и газеты. А через три года что произошло? Уже весь народ их поддерживал, Олимпийские Игры 1936 года – это были фашистские Олимпийские Игры. Это не особенность, как многие любят говорить, нашего народа. А я уважаю свой народ.

Леонид Велехов: Не слишком ли много в вас такого народничества?

Григорий Явлинский: Не знаю, как это назвать. Я знаю только, что весь мой опыт 25-летний говорит мне о том, что все происходящее, включая все преступления, – это ответственность элит. Куда эти так называемые, хотя у нас их нет по-настоящему, элиты ведут, туда народ и идет. И это происходит везде, во всех странах. Если завтра свою политику Владимир Путин развернет и начнет говорить (ну, это фантастический сюжет), что США наш самый лучший друг, то через год процент поддержки этой линии будет таким же высоким, как сейчас – линии противоположной.

Леонид Велехов: Я совершенно с вами согласен.

Григорий Явлинский: Ну, так в этом все и дело!

Так люди устроены во всех странах мира. Именно поэтому существуют независимые СМИ. Именно поэтому существуют разные точки зрения. Именно поэтому существует оппозиция. Ведь 86% – это как 40 температура у больного. 86% единства по поли-

тическим вопросам в обществе означает, что общество заболевает.

Леонид Велехов: Да, это горячечный бред.

Григорий Явлинский: Это свидетельство того, что что-то не в порядке. Почему это произошло? А потому, что создали систему, в которой нет альтернативного финансирования, в которой нет частной собственности независимой, в которой нет разделения властей, нет независимого суда, нет равенства всех перед законом. И в этой системе вся пропаганда находится в руках одного органа, одного человека. И когда она обрушивается на людей, людей можно направить в любую сторону. Это очень плохо и опасно.

Леонид Велехов: Это ужасно.

Григорий Явлинский: И то, что люди оказались в таком положении, это 100-процентная ответственность всей этой так называемой «постсоветской» элиты, которая их туда привела. Можно по фамилиям называть. Все их знают, кто эту систему создал в 90-е годы. А Путин только ее укрепил и получил деньги, которые необходимы для того, чтобы она была мощной. Вот она и работает.

Леонид Велехов: Три года назад в нашей беседе на другом телеканале (как раз был какой-то всплеск надежд на то, что что-то может перемениться в результате гражданского движения) вы сказали, что все только начинается и все еще впереди. Сегодня вы сохраняете такой или пусть меньший, но все же оптимизм?

Григорий Явлинский: К сожалению, слова «все только начинается» это необязательно оптимизм. И тогда это не был оптимизм. Почему-то все выдают сами себя, когда я это говорю. Вот вы говорите про оптимизм, а многие люди говорят – ну, почему вы так пессимистичны. Фраза та же самая. Я и сейчас хочу сказать – все только начинается, но это вовсе не значит, что я оптимист. Хотя при этом хочу сказать, что одно из правил, которое я вынес из своей политической жизни, правило, без которого ни один политик в России не состоится, – это быть оптимистом без всяких на то оснований.

Леонид Велехов: Замечательно! Классическая формула русской жизни.

Григорий Явлинский: Это я хочу всем сказать – если хочешь жить в России, то это одно из правил русской жизни – уметь быть оптимистом без малейших на то оснований.

Леонид Велехов: Золотые слова, на которых и поставим точку в сегодняшнем разговоре.

Григорий Явлинский: «Не стыдно быть в меньшинстве, стыдно быть в стаде»

05.08.2015

БЕРА КОСТРОВА

Планируя интервью* с Григорием Явлинским, мы сразу договорились, что будем говорить о жизни и о школе больше, чем о политике. Однако уйти от непростых вопросов все же не получилось...

– Григорий Алексеевич, что заставило Вас вернуться в большую политику?

Я не принимал решения уходить из политики, – наоборот: политика исчезла. В нашей стране начиная с середины 90-х годов последовательно проводилась линия на ликвидацию того, что называется современной публичной политикой. Политику подменили непрерывной PR–рекламой, государственно-корпоративными разборками, коррупцией, родственными и мафиозными правилами жизни. Осталась возможность лишь участвовать в виде декорации в хоре, который, надрываясь, кричит на какую-то абсурдную тему.

Это иногда невыносимо трудно, но всё равно надо возвышать свой голос и говорить, что надо делать на благо людей. Бывают такие периоды, когда политика очень надолго определяет судьбу страны. Так было в начале 1990-х, 1996-м, 1999-м и 2000-м, потом в конце 2011-го и в 2012 году. Это такие развилки, от которых исторически зависит куда идет страна и что с ней будет происходить.

В такие моменты я считаю очень важным предложить альтернативу. Сказать гражданам страны, что выбор есть. И сейчас такой момент. Я думаю, что в ближайшие 2-3 года определится судьба страны практически до конца века.

Однако каждый следующий раз, если в предыдущей развилке выбран путь ошибочно, возможности последующего выбора сужаются. При всех трудностях 1996 года, тогда было возможно выбрать такое направление, которое бы изменило

всю траекторию – была бы другая экономика, правовая среда, качество медицины, образования. Моя задача состоит в том, чтобы представить в принципе другую политику без цинизма и лжи, без воровства и права сильного, без олигархов и нищих, без страха и агрессии, то есть представить альтернативу сегодняшнему курсу, и чтобы эта политика не была копией политики 90-х годов, которая привела ко всему тому, что есть сегодня.

Если говорить о том, что есть сегодня, то нужно сказать абсолютно твердо: невозможно надеяться, что успешной в XXI веке будет страна, в которой законы не являются одинаковыми для всех, в которой законы принимаются как распоряжения одного человека и как его собственная воля, в которой нет признанного всеми правосудия и в которой нет незыблемого права частной собственности, в которой концепция прав человека не является определяющей для жизни людей. Невозможно надеяться, что у такой страны будет успех. А конкуренция в мире будет жестокая. И это требует представить альтернативу людям.

– По мнению большинства россиян, в политику идут циничные люди, ни во что не верящие, готовые на любое преступление ради славы и денег. Вас не оскорбляет такая точка зрения?

Не бывает плохих профессий. Могут быть честные, отважные и даже героические полицейские, могут быть честные и гуманные врачи, могут быть честные, образованные и любящие своих учеников учителя. Но в любой профессии могут быть негодяи. Это зависит не от профессии, а от людей.

К сожалению, в современной российской политике существует система отрицательного отбора. Люди во власти сами подбирают тех, с кем они работают, – людей похожих на себя, которые также циничны, также нечестны, также не верят ни во что. И этот негативный отбор приводит к серости. А там, где торжествует серость, как писали Стругацкие, к власти всегда приходят чёрные...

* Газета внесла ряд редакционных изменений и удалила важную часть интервью без согласования с автором. В данной публикации текст интервью приводится в том виде, как он изначально был представлен редакции.

– Кто для Вас идеальный политик? Есть ли фигура в мировой политике, настоящей и прошлой, которая соответствует Вашим представлениям об идеале?

Невозможно выбрать хорошего политика на все случаи жизни. Политик соизмеряется с тем, что происходит в его стране. Вот, например, уходит из жизни человек. При жизни его считали банкиром, а когда его не стало, посмотрели, что у него в банке, а в банке у него сплошные долги. И его уже не считают банкиром, его считают жуликом. Так и с политиком. При жизни он считается великим политиком, большим вождем, а потом, когда его не станет в его кабинете, может оказаться так, что всё это была потёмкинская деревня и липа, и что все возможности, которые были – были профуканы, и никакие механизмы развития страны на будущее не были созданы.

Я считаю смыслом и целью политики сохранение жизни людей. А политик высокого класса тот, кто заботится не только о жизни людей, но и о сохранении человеческого достоинства.

– У Вас было много возможностей уехать из страны и жить неплохо в Европе и Америке. Почему Вы этого не сделали?

Потому что я хочу жить в России и сделать все, что только возможно, чтобы моя страна сохранилась и была в числе наиболее развитых. К сожалению, сегодня Россию ведут в противоположную сторону.

– Григорий Алексеевич, даже те, кто поддерживал лично Вас и «Яблоко» на выборах, нередко обвиняют Вас в мягкотелости, недостаточной политической твердости. Что Вы можете ответить на эти упреки?

Твёрдость политика заключается в том, чтобы сохранять свои убеждения и бороться за них даже в безнадежной ситуации. Твёрдость политика не в том, чтобы ругаться матом, или требовать изнасиловать журналистку, или менять принципы в зависимости от изменения генерального курса. Например, у меня была позиция, что неправильно работать в правительстве, которое погрязло в коррупции в том случае, если нет шансов исправить положение и нельзя работать в правительстве, если придется выполнять программу, которая контрпродуктивна для страны. Я считаю твердостью верность принципам и способность громко говорить правду.

– Даже в самые лучшие для «Яблока» времена его сторонниками было пусть умное и здравомыслящее, но все же меньшинство. Каково это, осознавать себя партией немногих?

Не стыдно быть в меньшинстве, стыдно быть в стаде. Я с огромным уважением отношусь к тем людям, которые за меня голосуют, и считаю своей важнейшей политической задачей защищать это меньшинство, их интересы и будущее.

Однажды я сказал Путину: возможно у вас вместе с Зюгановым, Мироновым и Жириновским 80 или 90% избирателей, а у меня 10. Но без моих 10 вы ни

чего в стране не сделаете. И я думаю, что кому как не вашей газете это понятно. Вот сейчас потеряем тех, кто может давать людям хорошее образование, и всё остальное окажется бессмысленно. Так и будем не в состоянии определить, когда упадут цены на нефть, когда нефть будут добывать из сланцев, как будет двигаться технический прогресс. Я недавно услышал, что создали отечественный персональный компьютер, который будет стоить 400 тыс. рублей. В каких случаях такое происходит? Когда не считаются с меньшинством.

– Особенность нашего национального менталитета – доверять мнению большинства. Однако большинство редко бывает право, практически никогда. Можно ли, по-Вашему, переломить традицию – научить людей доверять мнению элиты, духовной и интеллектуальной? Верите ли Вы в возможность таких перемен?

Прежде всего надо иметь элиту. Когда элита духовная, интеллектуальная вымывается и превращается в номенклатуру, когда элитой считается любой спортсмен, который закончил спортивную карьеру и теперь является депутатом Госдумы – это несчастное общество. После государственного переворота 1917-18 гг. сложился режим, уничтоживший духовную, интеллектуальную элиту, всё духовенство, людей с другой точкой зрения. Это был просто Молох, который этих людей изничтожил вместе со многими случайно попавшими под репрессии людьми. Потом война, тоталитарная система, в которой, если ты не член партии, то ничего нельзя добиться, потом режим серости, негативного отбора. Таким образом элита была заменена на номенклатуру.

Кстати, первым лозунгом «Яблока», еще в начале 90-х было «Реформы для большинства», но его невозможно реализовать без достойного диалога и защиты интересов меньшинства. И вообще вести политику так, чтобы люди были в неё включены, чтобы люди имели свою точку зрения, чтобы люди могли услышать разные точки зрения, сопоставить их. А если всё это заменяется непрерывной пропагандой и фальсификациями, в которых невозможно отличить правду от лжи, умышленную ложь от случайной лжи – это приводит к тому, что большинство не имеет своего мнения и опирается на то, что ему навязано пропагандой.

Изменить это можно, если этим заниматься. Но сегодня этим просто пользуются по древней восточной формуле «наполнять желудки и опустошать умы».

– В Европе давно и эффективно действует система сдержек и противовесов. Возможно ли у нас такое?

Вообще-то у нас такое записано в Конституции. Ваш вопрос очень символичен. Он говорит о том, что даже вы, люди, относящиеся к самой образованной части общества, даже не отдавая себе отчет, прекрасно понимаете, что ничего общего наша жизнь с Конституцией не имеет. И Конституция несовместима с той экономической и политической системой,

которая сложилась в России. Это означает, что существующий режим очень нестабилен и, с моей точки зрения, в 21 веке не имеет перспективы. Раньше или позже он окажется в кризисной ситуации.

– Вы родились в Львове, а как вы относитесь к разговорам о возросшем украинском национализме?

Всякий национализм плох. Чем отличается патриотизм от национализма? Патриот считает, что его страна очень хорошая, а националист – что все вокруг плохие. Национализм – это концепция превосходства, а всякое превосходство раньше или позже приводит к трагедиям. История это однозначно доказала.

Обвинение всех поголовно украинцев в национализме – это пропаганда, глупость и подлость, это не соответствует действительности. Конечно, в абсолютно любой нации есть люди националистически настроенные, и эти люди везде самые крикливые и радикальные, бегающие на передней линии всех конфликтов. Надо сказать, что в условиях, когда страна ведёт на своей территории войну, естественен рост всех отрицательных качеств, в том числе национализма. И если бы не было событий, связанных с Крымом, с Востоком Украины, сейчас острого национализма было бы гораздо меньше и отношение к России было бы совсем другим, а если бы Россия все 25 лет занимала принципиальную позицию по отношению к национализму как у себя, так и в других местах, то его бы и не было в таких масштабах и в России, и в Украине. Ведь Россия была влиятельной страной. Сейчас она может дестабилизировать Украину, гробить её экономику, но влиять, быть авторитетом она больше не может. Два года назад могла, но теперь многие десятки лет не сможет.

– Что может сделать школа для прекращения российско-украинского конфликта?

Не врать, если может. Учить детей говорить правду, учить что нет хороших и плохих национальностей. Учить детей, что довести дело до того, что люди одной веры, одного языка и культуры убивают друг друга, могут только преступники и политики самого низкого качества. Школа обязана всё это объяснять. Правда, я не уверен, что это возможно в теперешних условиях...

– А на изменения ситуации в стране школа может как-то повлиять? В силах ли она утвердить в нашем обществе гуманистические ценности, уважение к просвещенной демократии?

Безграничны. Конечно, это будет непросто, но, как говорится, уметь надо. Если есть такие убеждения, умение, опыт, желание, искренность, профессионализм, интеллектуальность, духовность, знания – они всегда будут помогать, в самые тяжелые времена. Сейчас не самые ужасные времена. Конечно, могут выгнать, но хотя бы не расстреляют и не посадят в тюрьму. Пока. Так что пока это так, надо пробовать. А кроме школы кто еще может менять будущее страны? Есть такое английское выражение: самый верный способ предвидеть будущее – это его создавать. А это и делает школа.

– Может ли школа каким-то образом противостоять плотному «завинчиванию гаек», которое сегодня наблюдается абсолютно во всех сферах жизни, или она должна выполнять заказ сверху?

Откройте Конституцию, и тогда вы увидите, что церковь и в широком смысле школа никакого заказа не должны выполнять. А что, будет меняться правящая партия, и школа каждый раз будет выполнять другой заказ? Так было в советское время, и это закончилось тем, что развалилась страна. Не надо больше это повторять.

Заказ, который выполняет учитель, – это заказ его профессионализма, его честности и любви к родине. Вот и весь заказ. Надо просто соблюдать свое человеческое достоинство, потому что учитель – это ключевая фигура нашего общества.

– Ваши родители были педагогами. Оглядываясь назад, можете ли Вы сказать, что для Вас это было благом?

Благом для меня были сами мои родители, я их очень любил. Наверно, хорошо, что у них была такая гуманная, важная, интересная профессия, но для меня важнее, конечно, было то, что они мои родители.

– Вы по профессии экономист. Какое образование считаете сегодня наиболее перспективным?

Перспективно хорошее образование мирового класса в любой области. Только чтобы оно было настоящим. С точки зрения перспективы в нашей стране огромный дефицит людей с хорошим образованием как таковым, независимо от специализации, и он будет только увеличиваться. Такие люди будут крайне востребованы. Но получить такое образование вовсе непросто, и решающее значение имеет сам ученик или студент.

У Европы и России друг без друга нет будущего

26.10.2015

24 октября в Москве прошла международная конференция под названием «Борьба со стереотипами и поиск общих ценностей и точек взаимодействия», которая была организована европейской партией «Альянс либералов и демократов за Европу» (ALDE), российской партией «Яблоко» и датской партией «Radikale Venstre». Предлагаем нашим читателям текст выступления политика и экономиста Григория Явлинского.

ГРИГОРИЙ ЯВЛИНСКИЙ

Давайте посмотрим, каким будет мир через 30-40 лет.

Я думаю, через 30-40 лет в мире наверняка будет два мощных центра экономического роста, экономической силы: Северная Америка и Азия. Перед Европой уже сегодня, и тем более через 30 лет, встанет вопрос, как ей стать частью конкуренции экономических сверхрегионов, как стать вершиной треугольника. И ответ на этот вопрос есть только один – найти способ взаимодействия и взаимной экономической и шире – политической и стратегической интеграции со всем постсоветским пространством, прежде всего с Россией, Украиной и Белоруссией. Это просто императив.

Сейчас подписывается торговое трансатлантическое соглашение между Европой и Соединенными Штатами Америки. С другой стороны Соединенные Штаты подписывают несколько иное соглашение в Тихом океане. Это означает, что начинаются серьезные изменения во Всемирной торговой организации. Это значит, что ВТО с ее правилами несколько отходит на второй план, и появляются новые концепции торговых союзов.

Однако если на соглашение между Европой и Соединенными Штатами посмотреть внимательно, то легко можно увидеть, что оно ни в коей мере не решает ту задачу, о которой я говорил. Оно вводит в оборот очень высокий уровень конкуренции между европейскими и американскими корпорациями, но не определяет стратегию развития.

Поэтому вопрос о взаимодействии Европы и России в экономической, политической и стратегической части остаётся на повестке дня независимо от того, что сейчас происходит в России.

Я вновь хочу напомнить, что самый успешный в истории человечества политический проект – создание Европейского Союза – был задуман в 1947 году, сразу же после завершения страшной Второй мировой войны. Эти идеи декларировались тогда, когда еще два года назад люди убивали друг друга – немцы французов и так далее, а пол-Европы было под

Сталиным. Тем не менее, была отвага и мудрость провозгласить необходимость этого союза, и через 50 лет он был достигнут. Разве это для нас не вдохновляющий пример? Разве не об этом мы должны думать, несмотря на все то, что сейчас происходит?

Сегодня Россия представляет собой недемократическое, авторитарное, полукриминальное, националистическое устройство – это ее политическая система. Режим в России – это режим несменяемой власти. Экономика – олигархическая, соединение власти и собственности, власти и бизнеса. Права собственности в этой системе условны и реализуются в зависимости от политических взаимоотношений с властями. Но это не просто система, которую исправляют, но еще не исправили. Все то, что я сказал сейчас, – это стратегический курс теперь. Это то, к чему стремятся ради сохранения несменяемости власти.

Почему так случилось?

Помимо исторических предпосылок, о которых можно бесконечно спорить, на мой взгляд, решающую роль сыграли провалы и ошибки, которые были в наших реформах 90-х годов. Это большая и серьезная тема. Особенность ее заключается в том, что она до сих пор не осознана в нашем обществе, до сих пор не понята, не проанализирована, и это является одной из причин, почему так трудно выработать стратегию преодоления этой системы.

Другая особенность – отношение Европы и Запада в целом к тому, что происходило в России после 1992 года. Недавно в Британии появился парламентский доклад, и в нем было найдено очень хорошее выражение: европейские политики в отношении к России последние два десятилетия находились в состоянии «sleep walking». То есть они были лунатиками. Они сами себе что-то придумали, им было так комфортно – торговля шла, доходы извлекались... А что там происходило в России – никого из политиков в Западной Европе и на Западе в целом по-настоящему не интересовало. Доходы идут и прекрасно. Никакого представления о стратегии, о будущем,

о том, что мы неотъемлемые части друг друга – не было, да и казалось не нужным.

Все говорилось, все было известно. Если ознакомиться только с выступлениями представителей нашей партии, то уже можно было бы составить такую картинку, которая должна была вызвать беспокойство по крайней мере. Ничего подобного. Ко всему отнеслись пренебрежительно, с улыбочками.

Если почитать ведущие европейские издания, особенно в середине 90-х, то можно удивиться – о какой стране они пишут. Если бы люди, которые здесь живут, почитали, какие там были аплодисменты в адрес российских реформ и всего того, что происходило в России, они могли просто поразиться – непонятно, о ком это было написано. Приезжал президент Соединенных Штатов, встречался с Борисом Николаевичем, спрашивал у Бориса Николаевича: «Борис Николаевич, что вы здесь делаете?». «Мы делаем реформы!», – отвечал Ельцин. «Какие?», – спрашивал президент Клинтон. «Рыночные!». «Прекрасно!», – говорил Клинтон.

Люди смотрели на это и думали: как нам жить? У нас гиперинфляция 2600%, у нас разгул преступности, у нас криминальная приватизация идет. И что, никто этого не понимал? Никто это не видел? – Никто не хотел ничего видеть, потому что было некомфортно. Поэтому говорили: все отлично, все хорошо.

Без взаимной интеграции России и Европы у нашей страны просто нет будущего. Весь сегодняшний антиевропейский курс – это курс в никуда. Такого пути нет, это галлюцинация. Недавно в Великобритании появился доклад, в котором было написано, что европейские политики в отношении к России находились в состоянии «sleep walking», то есть они были лунатиками. И когда лунатики начинают вести переговоры с теми, у кого галлюцинации, то для народа это очень тяжелое дело.

Совсем недавно, когда Россия вдруг перекрыла поставки газа на Украину. Европейский союз разволновался, стал интересоваться, даже прервал каникулы – катались на санках, на лыжах... и все приехали. Европейская комиссия собралась с недовольным выражением лица: что такое, как же так? Но в течение одного дня Украина договорилась с «Газпромом» о том, что расчеты за газ будут идти через небольшую фирму, зарегистрированную в одной квартире, которая находится в Швейцарии, с уставным капиталом примерно 10 тысяч долларов и с оборотом 7 миллиардов долларов. И об этом сообщили европейским комиссарам, что вот так теперь будет газ идти. Они сказали: фу, слава богу, теперь все хорошо, все замечательно, главное, чтобы газ шел. И уехали назад – кататься на санках и на лыжах.

Так какие теперь вопросы? Теперь вопросов не должно быть. Если такие субъекты международных отношений, как Россия, Украина (страна с 50-миллионным населением) и Евросоюз могут строить свои отношения на теневых схемах, открыто и почти официально, тогда не надо удивляться, какие будут последствия. И дело здесь не только в том, что все говорилось открыто, а дело заключается в том, что

все это известно. Россия – открытая страна, в отличие от Советского Союза, все можно найти в интернете. Можно даже сюда не приезжать. А уж если приехать... Все, кто хочет что-то знать, – никакой проблемы, пожалуйста. Проблема только в том, что мало кто хочет что-то знать.

Вот еще один пример. Европейские лидеры часто выступают с заявлениями относительно того, что происходит в России. Но никогда их не доводят до конца. И я, готовясь к этому семинару, впервые подумал о такой мысли: как вы думаете, если бы вместо беспомощных заявлений о том, что выборы в России фальсифицированы, в Европе один раз было бы принято реальное решение о непризнании фальсифицированных выборов в России, непризнании Госдумы? То, может быть, до украинского конфликта дело не дошло бы. Я думаю, что это обошлось бы всем гораздо дешевле. Просто надо решительно действовать, вовремя, если вы действительно думаете, что хотите строить стратегическое будущее.

Но сейчас должен сказать, что отношения между Россией и Европой, как вам известно, уже очень холодные и очень тяжелые. И вообще они пахнут войной. Думаю, что лет пять назад никто бы не мог сказать такого всерьез, а сейчас это, к большому сожалению, сказать можно.

Я же еще раз хочу подчеркнуть: будущее – одно. Их не два, оно одно, нравится это кому-то или нет. Я уже сказал о том, что Европе, чтобы конкурировать в современном мире, нужен союз с Россией. Но я не сказал еще о том, что без взаимопроникновения и взаимной интеграции России и Европы у России просто нет будущего. Весь сегодняшний антиевропейский курс – это курс в никуда. Такого пути нет, это галлюцинация. И когда лунатики начинают вести переговоры с теми, у кого галлюцинации, то для народа это очень тяжелое дело. Поэтому большая просьба: открыть глаза, всем проснуться и понять, что это дело очень серьезное, и оно становится все более серьезным.

Несколько соображений, что делать в этой связи.

Первое: нужно критически осмыслить широко и банально распространенное в Европе отношение к российскому народу, как к народу патриархально-патерналистскому, как к народу, который обязательно должен возглавлять какой-нибудь генерал. Я помню эйфорию, которая происходила, скажем, в Германии, когда туда приезжал генерал Лебедь. Никто не хотел ничего слышать, просто все смотрели на его размеры, слушали голос, и это была главная политическая агитация. Думают, что нужен какой-нибудь полковник спецслужб, олигарх, какой-нибудь националистический или левый вождь. Это совсем не так. Не надо обращать внимание на опросы. Это в российских условиях инструмент, который уже давно не работает и, в общем, ни о чем не сообщает, потому что люди находятся, во-первых, под колоссальным давлением пропаганды, а, во-вторых, в состоянии страха, люди просто боятся; поэтому опросы не играют никакой роли.

Не надо искать сильную личность. Не надо впадать в восторги от представителей российской оппо-

зиции, которые очень часто бывают популярными на Западе. Не надо впадать в эйфорию. Ни от чемпионов мира по шахматам – они же чемпионы мира все-таки по шахматам, а не по каким-то другим вещам, ни от бывших премьер-министров. Нужно, наконец, относиться к делу серьезно, не гламурно. Потому что обстановка уже очень сильно этого требует. Вот это и есть преодоление стереотипа. В этой сфере нужно заняться серьезным, глубоким анализом, поиском реальных людей в России. Тех, которые ставят под угрозу свою жизнь, комфорт, свою должность,

свои достижения, даже свою семью для того, чтобы добиваться каких-то целей. В этом зале есть такие люди. И я хотел бы сказать, что это самое, пожалуй, главное для преодоления стереотипов.

Для того чтобы преодолеть стереотипы, нужно говорить правду, быть профессиональными и серьезными. И тогда нетрудно будет найти общие ценности и нетрудно будет преодолеть стереотипы. Достичь целей будет трудно, но у нас нет выбора. Мы должны и обязаны обеспечить нормальное будущее в XXI веке нашей стране вместе с Европой.

Григорий Явлинский: моя задача – не дать России откатиться в Средневековье

04.11.2015

Российский экономист и политик Григорий Явлинский недавно заявил: пойдёт на президентские выборы в 2018 году. В четвёртый раз.

АЛЕКСАНДР КОЛЕСНИЧЕНКО

Как «питерский»

Александр Колесниченко: Григорий Алексеевич, вы, похоже, сделали выводы из прошлых ошибок. Хотя и с поста депутата регионального Заксобрания, но стартуете как «питерский».

Григорий Явлинский: Остроумно. Так и буду объяснять. Президентами и премьерами у нас в последнее время становятся только питерские, поэтому да, теперь я понял: у меня наконец хорошие шансы.

– Что думаете про бюджет России на 2016 г.?

– Ничего интересного. Немного на образование – 3,6%, немного на здравоохранение – 3%, причём в номинальном выражении это на 7,9% и 10,9% меньше, чем в прошлом году. Ещё и дефицит 3% ВВП. Это бюджет кризисного государства, у которого очень плохо дело с доходами из-за цен на нефть. Главное – расходы на оборону и на полицию, примерно 31,9%.

– **Время небезопасное. Есть возможность найти деньги на больницы и школы где-то ещё? Экономисты говорят, что можно повысить пенсионный возраст хотя бы на год.**

– А что же им делать: доходы государства упали, экономика неэффективная, производительность раза в три ниже, чем в развитых странах. К министру финансов нынешнего правительства у меня особых претензий нет. С бухгалтеров за стратегию не спрашивают, а спрашивают за доходы-расходы и где взять денег, чтобы покрыть дефицит. Они предлагают их брать там, где легче. Но, когда нам приводят в пример пенсионный возраст в других странах, речь об ином качестве жизни, медицины, продуктов. Там старым человек считается с 75 лет. А у нас в этом году снова выросла смертность. В то же время многие антикризисные меры, например, проектное финансирование или импортозамещение, – это просто вытягивание денег из бюджета. Когда такого

рода меры обсуждаются бизнесом и чиновниками на уровне правительства, мне это напоминает совещание вурдалаков об улучшении работы станции переливания крови.

– **Может, коррупционеров тряхнут? Вон взяли за губернаторов с их коллекциями часов.**

– Конечно, нужно не на пенсиях экономить, а посмотреть на расходы госкорпораций, компаний с госучастием, государственных и муниципальных унитарных предприятий. Давайте посмотрим, насколько эффективно работают крупнейшие экспортёры вроде «Газпрома» или оборонка. Но закрытых статей бюджета, наоборот, всё больше. Всё становится секретным, и мы толком не знаем, как расходуются эти деньги.

Бессовестные, но верные

Проблема в том, что коррупция у нас – это не болезнь системы, это её суть. В Законодательном собрании Санкт-Петербурга, где я работаю, 30-40 депутатов, которые в любом случае голосуют за предложенный администрацией города бюджет, получают в личное распоряжение примерно 1% бюджета, около 4 млрд руб. в год. Никто толком не знает, какую сумму кто конкретно получил, на что именно идут эти деньги, потому что всё оформляется анонимной поправкой от имени бюджетно-финансового комитета собрания. Это яркий пример политической коррупции.

Взялись за коррупционеров? Я бы с интересом посмотрел на эту борьбу, если бы ею занимались прилетевшие к нам марсиане. А так Хорошавин и Гайзер (экс-главы Сахалина и Коми. – Ред.) лишь почему-то выпали из круга неприкасаемых. Им вдруг стало нельзя воровать или брали не по чину. Зато губернатор Псковской области Турчак с подозрениями, что именно он стоял за покушением на известного

журналиста, и многие другие губернаторы и чиновники, на которых копится разнообразный компромат, остаются неприкасаемыми. Член нашей партии Евгений Витишко, который написал на незаконно установленном заборе дачи предыдущего губернатора Краснодарского края неприятные для того слова, сидит в тюрьме, а губернатора перевели на работу в правительство. Это тоже элемент системы: люди, на которых есть компромат, невероятно лояльны и верны.

– Но власть сегодня поддерживается большинством, а не только причастными к вертикали. Надолго хватит терпения, если уровень жизни резко упадёт?

– Станет хуже – и нам ещё что-нибудь расскажут про внешних врагов. Судя по количеству наклеек на машинах с ругательствами в адрес американского президента, шутка, что «мы никогда не жили так плохо, как при Обаме», перестаёт быть шуткой. Посадят ещё одного губернатора или чиновника. Но чем хуже экономическая ситуация, тем раздражение в обществе будет выше. При этом люди раз за разом разочаровываются в возможности совместных действий, потому что каждый раз получают по голове, пытаясь бороться за свои права. Например, против точечной застройки, уничтожения парков. Власть не формирует позитивной повестки дня и кормит нас мифами, из-за которых некоторые готовы грызть друг друга глотку. Масштабно и систематически обосновывать другую точку зрения на развитие страны не дают. Людей в итоге поставили перед выбором: либо то, что есть, либо полный хаос. Понятно, что крови никто не хочет.

Против всех?

– Ваша партия по-прежнему не вступает в коалиции. Расчёт, что остальных – несистемных – «утрамбуют», а вы снова на выборах соберёте несколько процентов и останетесь единственным системным оппозиционером? «Яблоко»-то ещё живо? Зачем опять идёте на выборы?

– Наоборот, это нас никогда не оставляли на выборах одних, а когда не нашли, с кем сравнить, на

президентских в 2012 г., просто сняли с выборов. «Яблоко», конечно, живо, но сильно не нравится властям, губернаторам, многим чиновникам. Поэтому вы мало о нас знаете. В стране есть миллионы людей, которые нас поддерживают.

А что касается оппозиции, то лишь её небольшая часть умна настолько, что понимает: дело не в Путине, а в системе, корни которой лежат в реформах 90-х, в криминальной приватизации. Есть оппозиционеры, которые на смену этой системе предлагают такое, что мне не нравится ещё больше. Я имею честь представлять не всякую, а демократическую оппозицию и иду на выборы, чтобы сформировать альтернативу. Моя альтернатива в том, что мы – часть европейской цивилизации и это нисколько не умаляет нашей великой культуры. Нам надо с Украиной идти в Европу. Я считаю, что независимое правосудие – это не происки американцев. Что права собственности – это не от «злой Меркель»; а закон, перед которым все равны, – это не секретный план мировой закулисы по развалу России.

Общество больно, если не видит альтернатив. Талантливые будут уезжать, кто-то будет спиваться, всё больше людей будут отворачиваться от власти. Именно из-за этого в прошлом веке в России два раза исчезло государство.

– При этом Россия существует уже тысячу лет. И как-то жива – прямо как «Яблоко».

– У меня есть предположение: через 30-40 лет в мире не будет развивающихся стран, будут только развитые и отставшие навсегда. Я думаю, «Исламское государство»* – крайнее проявление этого начинающегося и всё более глубокого раскола... Смысл того, что я делаю, – не дать России выпасть из исторического европейского процесса, откатиться в Средневековье, иначе она распадётся, а распад будет чудовищно болезненным. Все эти «цветные революции» последних лет покажутся дракой малышей на детской площадке. Чтобы избежать насилия в стране, приходится участвовать даже в наших нечестных выборах. Моя программа-максимум – избежать насилия, но сменить систему.

* Запрещённая в РФ террористическая организация.

Явлинский: «Эту систему не исправить»

12.11.2015

Проживет ли Россия без Путина? Гость студии – Григорий Явлинский

Программа «Лицом к событию»

ВЕДУЩАЯ ЕЛЕНА РЫКОВЦЕВА

В эфире сооснователь партии «Яблоко» Григорий Явлинский – о сегодняшнем положении России в мире, об отношении россиян к власти и о том, по какому пути ведут их нынешние лидеры страны.

Елена Рыковцева: Наше событие сегодня – Григорий Алексеевич Явлинский. Сначала расскажу о формальном поводе для нашей встречи: Григорий Алексеевич написал статью в «Новой газете», которая называлась «Путь, которого нет». Он считает, что путь, которым ведет сегодняшнее руководство страны, тупиковый, что единственная задача, которую оно перед собой ставит, – это сохранение личной власти, и что никакого специального, отдельно пути у Российской Федерации не существует, поэтому нужно... А что нужно, он будет вам сам рассказывать. Начнем с самого первого вопроса, который пришел: «Уважаемый Григорий Алексеевич, на одном из массовых митингов после выборов 2011 года вы говорили, что точно знаете, что дальше делать, что нужно только подождать и потерпеть. Говорили вы это, несмотря на то что в тот момент вам уже почти отказали в регистрации как кандидату в президенты. Прошло время, и сейчас мы живем уже в другой стране. Ситуация критическая и порой кажется безнадежная. Что сейчас вы скажете по поводу этого всего? Что конкретно сейчас делать со сложившейся системой в стране? Или снова чего-то ждать?»

Григорий Явлинский: Хороший вопрос. Ну что же, он не сложный, вопрос простой и ответ на него простой, только делать этого не очень хочется. На мой взгляд, ситуация заключается в том, что действительно реально система вошла в тупик. Мало того, она не подлежит реформированию. Ее нельзя исправить, подлатать. Что-то в ней починить. Например, казалось бы, давайте отменим самосанкции, что сами себе придумали, что нельзя к себе продовольствие везти, от чего мы теряем что-то. Не можем отменить, потому что это часть политического курса.

Елена Рыковцева: Это наша гордость.

Григорий Явлинский: Видите, как вы понимаете, даже лучше, чем кто-либо. Или, например, давайте, поскольку кризис экономический и трудности, давайте снизим военные расходы, они у нас очень большие – это невозможно. Или, например, давайте поборемся с коррупцией. Это вообще невозможно, потому что суть системы в коррупции. Этого ничего сделать невозможно. Давайте посмотрим с другой стороны, что это за система. Она находится на далекой периферии, она зависит полностью от того, что происходит в мире. Например, она зависит от того, какие цены на нефть. То есть это не самостоятельная экономика, сколько про суверенитет ни говорим, а курс рубля определяют на бирже в Нью-Йорке и Лондоне. Вот вам и весь свой курс. Дело заключается не в том, что Путин во всем виноват или кто-то – система такая, а не просто один человек. И вот она пришла в абсолютный тупик. Теперь, что бы с ней можно было делать? Очевидно, что нужен суд независимый, собственность.

Елена Рыковцева: В этой системе этого не будет.

Григорий Явлинский: Этого не будет, потому что это происки Запада. Это, оказывается, не нам нужно, это не у нас в конституции записано, а это вражеский Запад.

Елена Рыковцева: Потому что тогда будет не наш путь, а западный путь, независимый суд, независимая пресса нам не нужны.

Григорий Явлинский: Следовательно, у системы такое положение. Но у нас с вами не такое положение. Наш слушатель сидит и думает: смотрите, что придумали, отвечают неизвестно о чем. Я сейчас вернусь точно к его вопросу. Мы прекрасно знаем, что есть фундаментальный, исторически обоснованный, внятный путь, который условно называется европейский путь. В нем независимый суд, разделение властей, жизнь человека имеет значение, общество контролирует власть и, страшно сказать, сме-

няемость власти существует, можно менять ее. Мало того что можно, а даже необходимо, выборы происходят все время, они относительно честные. Так что у системы нет никакого пути дальше.

Елена Рыковцева: Но за системой – 88%, а за нами наш слушатель, мы втроем.

Григорий Явлинский: Нет, мы не втроем. Нам ясно, что надо делать. Надо один раз через 8-10 месяцев с сегодняшнего дня оторваться от дивана, кому это не нравится и кто видит, что это тупик, это уже видят все, даже дальнбойщики, встать и проголосовать.

Елена Рыковцева: Где проголосовать? Где голосят в России?

Григорий Явлинский: В России голосуют на избирательных участках.

Елена Рыковцева: Вы говорите сейчас о каких-то свободных выборах. Их же нет.

Григорий Явлинский: Знаете, как вы рассуждаете? Как алкоголик. Он говорит: «Как я себя плохо чувствую». Ему говорят: «Не пей». «Нет, я так не могу». Или надо не жаловаться, или не надо, чтобы вы соглашались. Или не расстраивайтесь, и тогда пейте или не пейте, будете лучше себя чувствовать. Через 8 месяцев будут выборы в Государственную Думу.

Елена Рыковцева: Пока система не сменилась, это совершенно все равно.

Григорий Явлинский: Вам систему никто с неба не сменил. Но если на этих выборах однажды 30-40% людей проголосуют иначе, то есть они проголосуют не лишь бы за кого, а за что-то конкретное, то их обманут, но 20% придется оставить. Политический режим начнет меняться. Никакого другого предложения не существует.

Елена Рыковцева: Тогда вообще ничего не существует. Потому что при этой системе выборов и при этой системе агитации, при этой системе зомбирования и пропаганды не будет народ голосовать ни за какую другую партию, кроме правящей.

Григорий Явлинский: У нас с вами разные представления о народе, у вас свое, у меня свое. При вашем представлении о народе говорить действительно не о чем, при моем представлении о народе нужно только это и говорить. К сожалению, вместо того, чтобы нести доброе и светлое, вы сидите и рассказываете народу, что ничего не будет, что воля, что неволя – все едино, ничего не будет.

Елена Рыковцева: Я думала, что вы хотя бы с неба что-нибудь предложите, что-нибудь другое.

Григорий Явлинский: С неба – это не по моей кафедре.

Елена Рыковцева: Не получается путем выборов в России, и через 8 месяцев не получится.

Григорий Явлинский: Не получилось по той причине, что даже такие опытные, умные, квалифицированные люди, как вы, ничего не поняли.

Елена Рыковцева: Почему через 8 месяцев должно получиться то, что не получалось уже 20 лет?

Григорий Явлинский: Потому что, я думаю, через 8 месяцев, знаете, как будет очевидно, что это тупик. Просто нужно уже сегодня говорить: дорогие граждане, вы уже видите, что дело правда, без шуток, без всякого злобствования реально идет в тупик?

Елена Рыковцева: Знаете, чем мы с вами отличаемся? Тем, что я очень хорошо понимаю и представляю, как людям расскажут, что тупик – это то, о чем они мечтали. Вот у вас нет еды, так затяните пояса. Наши бабушки и деды в войну и не такое переживали ради великой цели, ради великой страны. Все ваши тупики разбиваются простой, тупой, лобовой пропагандой.

Григорий Явлинский: Некоторое время тому назад люди разговаривали на самые разные темы и говорили примерно то же, что и вы. Например, в 1983 году, в 1984-м, 1985-м, 1986-м, 1987-м, а потом внезапно в течение трех лет люди увидели тупик, они увидели тупик системы и изменили ее – это другой вопрос, как изменили, на что изменили, в течение двух-трех лет полностью изменили систему. Мы с вами были свидетелями этого. Что же вы мне рассказываете сказки, что когда-то бабушки, дедушки. Другое дело, что в 90-е годы те, кто делали реформы, они их сделали так, что теперь люди вообще ни во что не верят. Но сейчас будет меняться ситуация. Придется принимать меры, придется что-то делать.

Елена Рыковцева: Это очень важный вопрос о людях, о России, как о стране, в которой живут люди. Ваша статья «Путь, которого нет», вы говорите о том, что страну вообще никуда не ведут, а делают все, чтобы сохранить свою личную власть, убеждают россиян, что никакого нет европейского пути, а он, с вашей точки зрения, существует единственный вместе со всей Европой в это будущее. Давайте посмотрим, как люди отвечают на вопрос, есть ли свой собственный путь у России.

Елена Рыковцева: «Мы другие».

Григорий Явлинский: Они все говорят разное. Вы не впадайте в такое расстройство. Разные ответы, очень много умных ответов. Я недавно видел репортаж, спросили человека на улице: какая главная битва Второй мировой войны – на Чудском озере или Куликовом поле? Сказали, что на Чудском озере.

Елена Рыковцева: Это довольно репрезентативная выборка. Действительно, есть те, есть другие.

Григорий Явлинский: Это нормальные совершенно ответы. Вот именно к этим людям я и обращаюсь со всеми своими соображениями, о которых мы начали говорить.

Елена Рыковцева: Есть такая теория, которой привержены очень многие люди, и либеральные в том числе, что Россия не справится, не сможет без Владимира Путина, его менять нельзя. На самом деле вся система замыкается на одного человека. И говорят эти прекрасные люди, что даже если вдруг по мановению волшебной палочки случатся сво-

бодные выборы и россияне смогут выбрать кого-то еще, то они могут выбрать бог знает что, это может быть национал-фашист. Поэтому лучше, чтобы был Путин. Это говорят люди – это не пропаганда, не Кремль, они серьезно считают, что не может сегодня Россия позволить себе другого президента, другого вождя, а это означает, что все очень надолго.

Григорий Явлинский: Мало ли у кого что в голове. Я помню, тоже говорили в конце 80-х годов, что не может Россия существовать без Генерального секретаря ЦК КПСС и без компартии, оказалось, что это не совсем так или совсем не так. Это состояние умов понятное, оно является следствием того, что существует у нас в СМИ, является результатом пропаганды. Страна ведет две войны – это очень сильно бьет по состоянию людей, по их представлениям о жизни. Страна подвергается серьезным атакам.

Елена Рыковцева: Она подвергается серьезным атакам, но они не увязывают, что над их жизнью нависла опасность с этой новой войной, они поддерживают все, что бы ни делало руководство.

Григорий Явлинский: Есть большие проблемы, связанные с пропагандой. Есть большие проблемы с тем, как мы прожили последние 25 лет. Есть большие проблемы с ответственностью нашей элиты так называемой, с ответственностью тех, кто разговаривает с людьми. У нас страна находится в переходном периоде, а он оказался гораздо сложнее. Можно даже сказать, что постсоветская попытка модернизации сорвалась, не удалась. Теперь будет очень сложный и опасный выход. Почему я говорю про выборы? Потому что это единственное, о чем можно говорить. У нас с вами есть только один способ, с моей точки зрения, это способ избегать насилия. Как избегать насилия? Только какими-то процедурами. Что выборы нечестные, я лучше всех это знаю. Что выборы неправильные – прекрасно известно. Что выборы фальсифицируются – знаем мы это. Все всё знают. Что касается того, в каком состоянии находятся люди, да, есть очень глубокое разочарование, и они имеют основание. Разочарование всем.

Елена Рыковцева: Кроме вождя, кроме режима.

Григорий Явлинский: Эти 90% за вождя свидетельствуют о полном безразличии больше ни о чем. Не бывает 90%, как не бывает температура человека 50 градусов. Просто социологи не в состоянии это объяснить. Потому что люди боятся. Вы посмотрите на лица тех людей, которых вы мне сейчас показали, половина из них боится отвечать на ваш вопрос. Они не знают, кто вы, зачем вы спрашиваете, чем это кончится. Понятно – почему. Это называется уход, люди поворачиваются спиной, им все безразлично, только бы их не трогали. Сегодня такие проблемы, у них столько сложных задач, что еще приставать к ним.

Елена Рыковцева: Но вы мне поверите, что когда они не боятся говорить, когда им хоть трава не расти, они говорят, что он все делает правильно?

Григорий Явлинский: Нет, люди знают, что дела-

ется не так, они на это смотрят с изумлением. Но они не верят, что они могут изменить политику, они не верят, что могут повлиять. Я их знаю, я с ними встречаюсь каждый день. Я же живу не на Луне. Я веду депутатский прием в Санкт-Петербурге, люди ко мне приходят, разговаривают, самые разные люди. Я лично считаю, что люди очень многое понимают и очень во многом разбираются. Одна из важнейших задач объяснить всем, что то, что у нас происходит, это не потому, что у нас народ плохой, народ у нас обычный, нормальный, такой, как в любой стране. У нас проблема с государством, с властью, с элитами.

Елена Рыковцева: Он не такой, как в любой стране, он более внушаемый. Я не думаю, что удалось бы немцев за год натравить на соседей.

Григорий Явлинский: А в 30-е годы без телевизора, без средств пропаганды пришли нацисты, через два года они стали убивать своих соседей в прямом смысле слова.

Елена Рыковцева: То есть вы считаете, что любой народ при той системе обработки мозгов, которой подвергся российский народ, вел бы себя так же, чувствовал себя так же, натравлен был бы так же, считал фашистами украинцев так же?

Григорий Явлинский: Во-первых, наш народ не считает украинцев фашистами.

Елена Рыковцева: Считает.

Григорий Явлинский: Нет. Есть отдельные люди, которые что-то такое имеют в голове, но это не значит, что народ. Я категорически не согласен с этим. Во-вторых, да, я считаю, что если вы в любой стране сделаете такой режим пропаганды, как здесь, вы получите примерно такой же результат. Еще раз говорю: это был просто очевидный факт в самой образованной, самой развитой и культурной стране мира – в Германии. Понадобилось три года, чтобы людей превратить просто в чудовища, когда люди стопроцентно голосовали и приветствовали фюрера.

Елена Рыковцева: В чем изменились времена, что нет такой зависимости от трех федеральных каналов, как в России, нигде больше. Не сидит как на игле население других стран на трех федеральных каналах. Они как-то по-другому смотрят на жизнь, пошире.

Григорий Явлинский: Правильно. А если их поставить в такое положение, плюс к этому я хочу добавить, так случилось, что за последние 15 лет в несколько раз вырос уровень жизни. Посмотрите, что случилось с Москвой, посмотрите, что случилось с большими городами в Сибири, на Урале, на Дальнем Востоке. Так вот сочетание этой пропаганды с ростом уровня жизни, ясное дело, такой результат. В любой стране мира, если бы за 15 лет в несколько раз вырос уровень жизни, там бы любой режим подерживали.

Елена Рыковцева: В дополнение вопрос от Олега Шаилова: «Будет ли усилена психологическая обработка доверчивых граждан РФ в условиях экономической рецессии, и поймут ли люди, что их обманы-

вали?».

Григорий Явлинский: Будет усилена. Люди постепенно будут понимать, что дело очень плохо.

Елена Рыковцева: Как же они будут понимать, если обработка будет усилена?

Григорий Явлинский: Обработка будет усилена, но обработкой не покушаешь, обработкой детей не накормишь, обработкой не оденешься. Поэтому помимо обработки будут подключаться самые разные очень острые вещи. Люди постепенно будут видеть, что на самом деле происходит. Я подчеркиваю, я уверен, что большое, я не говорю большинство, но огромное число граждан российских прекрасно понимают, что на самом деле происходит. Проблема в том, что они не видят никакой альтернативы.

Елена Рыковцева: Им не покажут, им просто не дадут возможности.

Григорий Явлинский: Значит нужно, чтобы средства массовой информации, которые в состоянии это делать, немедленно начали формировать альтернативу.

Елена Рыковцева: Их очень плохо слышно и их мало. Логику народа, который придет через 8 месяцев на участки, я вам опишу. Он скажет: очень плохо, все рухнуло, откатилось куда-то, но если мы сейчас сменим еще и эту партию более-менее нам знакомую на какую-то другую, тогда совсем кранты, тогда совсем никаких гарантий.

Григорий Явлинский: Это все зависит от того, что им будет предложено в качестве альтернативы. Если будет альтернатива персональная, структурная.

Елена Рыковцева: Мы уже сказали, что ее не дадут показать, альтернативу. Кстати, спрашивают вас: «Пытались ли вы выступить перед российской аудиторией на ТВ? Правда ли, что вам такую возможность не предоставляют?».

Григорий Явлинский: Я скажу так: я не знаю на центральных каналах ни одной программы, в которой можно спокойно объяснить что-то, рассказать людям, получить возможность действительно последовательно, без шельмования, без криков, без истерик изложить какую-либо точку зрения. Я такого не видел. Там стоит такая атмосфера, в которой невозможно говорить. Последовательно, аргументировано, серьезно изложить точку зрения, отличную от официальной, ни на одном канале невозможно.

Елена Рыковцева: Получается так, что если в 2018 году люди опять проголосуют за Путина, то никаких больше вариантов, все по вашей статье, в тупик упрутся, в какой-то кокон завернемся?

Григорий Явлинский: Моя статья говорит о том, что да, эту систему улучшать невозможно. Там сказано, как ее надо изменить. Но путь к этому изменению может быть только мирный. Может быть, выборы будут отменены. Вы можете грустить, сколько угодно, просто другого решения нет.

Елена Рыковцева: Значит, никакого нет.

Григорий Явлинский: Я думаю по-другому. Поскольку вы так людей уговариваете, постольку выхода и нет.

Елена Рыковцева: Нет у меня никаких способов на них повлиять.

Григорий Явлинский: Кстати говоря, День народного единства – это очень хороший день, очень важный. Я, например, считаю, что это очень важный праздник, потому что это день торжества гражданского общества. В этот день, единственный, что я помню, гражданское общество России собралось все вместе и выгнало опостылевшую власть из Кремля. Хороший день, хороший праздник. Гражданское общество, представляете, когда, а вы говорите, что сейчас его нет.

Елена Рыковцева: Сейчас оно организовано под другими знаменами, под знаменами власти, оно идет поддержать власть в количестве 85 тысяч человек. Эти митинги, эти шествия из месяца в месяц становятся все многочисленнее. Эта истерия милитаристская их подхлестывает. Я на этом митинге была, я его видела, я его фотографировала. Я видела девушку с ведомостями, но я так же видела людей с шариками, которые не прочь прийти и поддержать эту власть, у них нет против этого никакого внутреннего протеста.

Григорий Явлинский: Опять же это естественное обычное поведение людей, особенно в тех случаях, когда у них нет альтернативы. Праздник, вот люди вышли.

Елена Рыковцева: Александр из Артемовска Свердловской области: «Григорий Алексеевич, какие три шага будут вашими первыми, когда вы займете пост президента РФ?».

Григорий Явлинский: Вы знаете, я думаю, что есть три проблемы, в отношении которых будут мои главные шаги. Первое направление моих действий было бы связано с полной и четкой оценкой советского периода, переворота 1917 года, оценкой сталинизма, большевизма и принятия абсолютно очевидного понимания, что Россия европейская страна, прекращение кризиса самоидентификации, что мы европейская нация, европейская страна, у нас общая европейская судьба. Вот это первое направление действий. Второе направление действий – это исправление тех грубых и тяжелых ошибок, которые произошли в 90-е годы, связанные с криминальной приватизацией и так далее. Третье направление действий – это прекращение агрессии в отношении Украины, фундаментальное решение в отношении Крыма, вывод войск из Донбасса и поиск наилучшего решения с Украиной, но это будет в контексте того, что Россия двигается в Европу, становится постепенно, медленно, шаг за шагом европейской страной.

Елена Рыковцева: Фундаментальное решение по Крыму, насколько я помню, это общественная дискуссия.

Григорий Явлинский: Я имею в виду, что там ре-

ферендум надо проводить под международным контролем, признаваемый, легитимный.

Елена Рыковцева: По Сирии что теперь делать с новым тупиком?

Григорий Явлинский: Очень тяжелая проблема. Моя точка зрения заключается в том, что раз уж принято решение о военных действиях там, то это должна быть часть действий коалиции, никакого сепаратного способа, какого-то отдельного способа ведения этих действий, достижения каких-то фантастических, отличных от всех других, кто там находится. Там общий враг – это серьезный враг, это страшный враг.

Елена Рыковцева: Как из этого вырывать?

Григорий Явлинский: Владимир Путин не собирается из этого вырывать. Если говорить, что надо сделать, то надо сделать и сказать, что да, тот подход, который мы осуществляли, он, видимо, не сработает, он не эффективный, он ошибочный. Давайте вместе сядем, вместе обсудим, как мы вместе с вами будем работать, вместе со всеми теми 60 странами, которые там ведут боевые действия, которые совершенно необходимы для того, чтобы снизить опасность этого так называемого Исламского государства.

Елена Рыковцева: То есть признать, что мы не так себя вели и возьмите нас в команду.

Григорий Явлинский: Не возьмите нас в команду, давайте вместе что-то делать.

Елена Рыковцева: То, что на словах все время Путин говорит: мы им говорим – давайте вместе, а они говорят – мы не хотим иметь с вами дело.

Григорий Явлинский: Значит, надо говорить лучше.

Елена Рыковцева: Я прочитаю еще один вопрос: «Верит ли господин Явлинский, что в России возможные свободные честные выборы власти?».

Григорий Явлинский: Когда-нибудь да. Когда-нибудь это так и будет. А чем мы хуже других? У всех есть, и у нас будут.

Елена Рыковцева: Я вам прочитаю еще одно сообщение в вашу поддержку, смешное. «Динамо», Махачкала: «Я за Явлинского. Только нужны ясные ответы, быть конкретнее в ходе предвыборной гонки и на теледебатах. Пенсии, цены, зарплаты, природные ресурсы и прочее, а не этот туман – европейский путь для развития, чтобы люди могли знать, чего им ждать и куда идти».

Григорий Явлинский: На это нетрудно ответить. Пенсии должны быть высокими, цены должны быть низкими, природные ресурсы народными. Высокие пенсии, низкие цены, природные ресурсы, работающие на всех людей, живущих в стране – это и есть европейский путь. Запомните это. Как вы увидите, что цены низкие, пенсии высокие, а природные ресурсы работают на всех, знайте – это европейский путь.

Елена Рыковцева: Владимир Дутчак: «Я бы его спросил, что происходит с россиянами? С Путиным

понятно. Но что происходит с нацией, которая дала миру Толстого, Чехова, Чайковского, Рериха, Айвазовского? Почему народ превратился в безликое безмолвное стадо, покорно пережевывавшее абракадабистскую пропаганду от Киселевых-Соловьевых? Что стряслось с нацией?».

Григорий Явлинский: Я уже пытался на эту тему сказать. Сначала очень неудачно и преступно в значительной степени провели реформы, лишили Россию возможности иметь независимый суд, независимое телевидение, независимых экспертов. Лишили Россию иметь возможность права частной собственности, разделения властей, контроля за властью, сменяемостью власти, во имя того, чтобы сохранить власть, например, в 1996 году, а потом в 2000 году. На этом фундаменте произошел рост цен, который дал возможность вырасти уровню жизни, но должен подчеркнуть – в немодернизированном обществе. Как я писал в одной из статей, экономический рост без модернизации общества ведет к войне. Это очень серьезная вещь, новая, кстати.

Елена Рыковцева: Что и происходит у нас на глазах.

Григорий Явлинский: Плюс пропаганда и организация системы таким образом, чтобы власть оставалась несменяемой при всех условиях. На сегодняшний день очень многие люди находятся в этой парадигме. Но ситуация сейчас будет меняться, она будет меняться очень существенно. На 8% снизился реальный доход населения только за несколько последних месяцев, видимо, на 4 или более процентов упадет валовой внутренний продукт в этом году. Думаю, что все прогнозы в будущем году, что экономика будет процветать или расти хотя бы на процент, не оправдаются. Снижение цен на нефть, плюс санкции, они будут вести к постоянно нарастающим экономическим трудностям и серьезному экономическому кризису. Все большее число людей увидят отличие в своей жизни, возникнут вопросы, эти вопросы приведут людей к тому, что они будут смотреть вокруг и делать выводы. Думаю, что через 10 месяцев, когда произойдут те самые, какие у нас есть выборы, настроения у людей будут другими. И если мы с вами не будем людям объяснять суть дела, этим воспользуются популисты, фашисты, нацисты, и ситуация станет гораздо хуже, чем сегодня. Мирный добровольный выход из советской системы был связан, в частности, с тем, что люди были уверены, что главным направлением нашего движения является путь европейский. Это было как бы общественным договором. Что сделал Владимир Путин в минувшие годы? Он разрушил этот общественный договор. Он сказал: Россия не пойдет в Европу, она пойдет неизвестно куда, и вас не пустит никого. Вот вам и все интеграционные процессы. Ни Армению, ни Украину, не пустит никого. Что касается Украины, то в этом разрыве, когда двигаются в разные стороны, а страна веками была одна, кровь сочится, потому что тянут в совершенно неизвестную сторону. Что значит особый путь? Допустим, у них пытки запрещены, а у

нас что? У них лгать нельзя, а у нас можно и сколько угодно? У них суд независимый, а у нас какой он будет всегда? В чем здесь смысл особого пути?

Елена Рыковцева: Очень интересный вопрос Вадим задает: «Григорий Алексеевич, где, по вашему мнению, находится точка, после прохождения через которую Россия окончательно утратит какие-либо перспективы на XXI век – 16-18 год или же точка уже пройдена?»

Григорий Явлинский: Мы теряем многое, мы теряем время, мы теряем ресурсы, в том смысле, что мы теряем веру людей, мы теряем поколения целые. Но тем не менее, Россия настолько страна большая и, я бы сказал, сложная, что я думаю, что сценарий, что точка невозврата пройдена окончательно, еще не наступила. Я думаю, что через 30-40 лет все страны мира разделятся на развитые страны и неразвитые навсегда. Потому что сократить разрыв в части образования, продолжительности жизни, здравоохранения будет невозможно. Будет, наверное, 60% Земли находиться в состоянии очень отличном от того, в котором будут находиться развитые страны. Кстати, многие конфликты, все, что происходит с мигрантами в Европе, – это первые звоночки на эту тему. Вопрос в том, где будет Россия. Посмотрите на Турцию, Турция в целом меньше похожа на Европу, чем Россия, но Турция настоятельно долгие годы борется за то, чтобы быть частью Европейского союза.

Елена Рыковцева: Когда у Владимира Путина прямая линия, в конце ему всегда зададут что-нибудь такое про собачку, про детей. Я тоже оставила вопрос, он посерьезнее, чем ему, но такой человеческий вопрос. Никита Полетаев пишет: «Здравствуй, Григорий Алексеевич. Лично я и многие мои друзья очень переживали летом, не видя и не слыша вас вообще нигде, не имея возможности ничего про вас узнать, где вы, как вы. Расскажите, пожалуйста, как вы провели лето? И еще: как ваша семья взаимодействует с вашей такой непростой жизнью в таких непростых условиях современной России?»

Григорий Явлинский: Спасибо, мне очень приятен такой личный вопрос. Моя семья взаимодействует с такой жизнью уже почти скоро 30 лет. 42 года я женат, мы с женой отметили 40-летний юбилей в

2014 году. Бывают разные ситуации, бывают в большей степени согласными с моими взглядами, бывают в меньшей, они люди свободные. Почти все лето я пробыл в Москве, некоторое время путешествовал на автомобиле, некоторое время лечил спину, у меня спина болела. Вот, собственно, все, что я делал летом.

Елена Рыковцева: «В партии «Яблоко» назрел вопрос об обновлении кадров. Партия неоднократно декларировала демократические принципы об ограничении срока пребывания на посту председателя двумя сроками по четыре года. В связи с этим, будет ли Митрохин опять выдвигаться на новый срок? И вернутся ли к активной политической жизни Александр Владимирович Шишлов после окончания своего срока на посту омбудсмена и Владимира Петрович Лукин?»

Григорий Явлинский: Что касается Владимира Петровича Лукина и Александра Владимировича Шишлова, то я не сомневаюсь, что мы будем работать вместе. Более того, я даже разговаривал об этом с Владимиром Петровичем. Что же касается сроков пребывания, то у нас через месяц и десять дней съезд, я думаю, что там будет все ясно. Сейчас идет очень серьезная дискуссия внутри партии о том, как правильно поступить на ближайшем съезде.

Елена Рыковцева: Про другую партию задают тоже вопрос, Сергей Чумаков: «По средам у нас дискуссия с коллегой. В очередной раз начали бодаться и его страхи: «Если Навальный придет к власти, у нас будет война на Украине. Он ведь начнет сажать всех». Уточняю у коллеги: «Тебе жаль воровской мафии?» Выворачивается: «Каждого туда посади, начнет воровать». Считаете ли вы, что если человек попадает во власть, то обязательно коррупция?»

Григорий Явлинский: В этой системе близко к этому. Это не значит, что все, но эта система так устроена.

Елена Рыковцева: Она вытолкнет.

Григорий Явлинский: Да, она вытолкнет, потому что она таким образом управляет людьми – это правда.

Явлинский: «Все, что вы сейчас наблюдаете, – это разгром экономики политикой»

26.11.2015

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ, ВЕНЕРА ГАЛЕЕВА

Бюджет Петербурга в условиях кризиса работать не будет – так считает политик, экономист, лидер фракции «Яблоко» в ЗакСе Григорий Явлинский.

Почему в Смольном отрицают кризис и можно ли закрывать на него глаза, чем опасны протесты грузоперевозчиков, почему признаться, что хочешь возглавить «Яблоко», сложнее, чем в планах избираться президентом РФ, – на эти и другие вопросы ведущей Венеры Галеевой и редактора отдела экономики «Фонтанки» Андрея Захарова отвечает Григорий Явлинский.

– В Петербурге прошла вторая по счету акция протеста грузоперевозчиков «Улитка». На этот раз ее возглавили опытные политические активисты. С одной стороны, благодаря их действиям акция стала новостью федерального масштаба. С другой – по сравнению с водителями-дальнобойщиками активисты ничем не рискуют. Насколько, с вашей точки зрения, их участие оправданно?

– Здесь нет ничего удивительного. Всегда есть политические активисты, которые пытаются оседлать что-то, что случилось помимо них, чем они раньше не занимались. Но они хотят это использовать. Насколько я знаю, активисты, которые были в этот раз, представляли правые националистические движения. Но, вообще говоря, они должны были сообщить несколько раньше – когда начались трагические события, связанные с Украиной, когда стало понятно, что 20% бюджета – это оборона.

– Но тогда не было мощного народного протеста.

– Да, тогда его не было. А теперь власти в таких условиях от непонимания ситуации стали использовать разные фискальные инструменты – в принципе, разумные. Без аккумуляции средств на ремонт дорог обойтись невозможно. Но в этот момент, когда снижение ВВП за год составит 4% (уже сейчас этот показатель – 3,7%), когда инфляция – 12–13%, когда впервые с 1999 года наблюдается падение реальных доходов на 8 – 10%, а в Петербурге снижение потре-

бления продуктов питания уже составляет от 10 до 20% по разным товарным группам, таким, как мясо, рыба, хлеб... и в этих условиях вы хотите ввести сбор, который приведет к росту цен. И все равно ляжет в себестоимость. Может быть, лучше сократить оборонные расходы или расходы на полицию? Но рассуждения на эту тему появляются только тогда, когда начинаются акции протеста. Участие политических активистов – это использование момента. Но ни к чему оно не приведет. Никогда эти дальнобойщики не станут специальной чьей-то политической силой.

– Почему?

– Это люди, у которых очень конкретный экономический интерес. Как только власти скажут: «Все, отбой, вводим мораторий на сбор на три года», на этом все закончится.

– Это и есть та причина, почему системная оппозиция никак не вписалась в эти протесты? Электорат безнадежный?

– Она не вписалась, потому что это много раз проверено. Это экономический протест. Системные партии не участвуют в этом, потому что им это запрещено. Несистемные партии не участвуют, потому что понимают, что этот экономический протест не имеет политической перспективы. Это опасные социально-экономические акции, потому что они могут разжечь очень большой костер. Это означает, что власти должны сделать вывод: в условиях серьезного экономического кризиса, который имеет все основания продолжаться и развиваться, никакие меры и инструменты фискального давления на население, на бизнес, малое предпринимательство и даже на теневую экономику сейчас невозможны и несвоевременны. Вся система «Платон» – это разговор с теневой экономикой. Политика в нашей стране выступила против экономики. Все, что вы сейчас наблюдаете, – это разгром экономики политикой.

– Последние политические события, начиная с Украины, если взять голую экономическую теорию, наносили очевидный удар экономике.

– Мы создавали экономику 25 лет. Люди понесли очень серьезные жертвы. Вы точно знаете это по своим родителям, по своим старшим товарищам. Люди терпеливо все переносили: и гиперинфляцию, и залоговые аукционы, и криминальную приватизацию, излишне терпеливо перенесли ГКО, пирамиды и кризис 1998 года. И начали становиться на ноги благодаря одному – практически наркотическим ценам на нефть. Так теперь развернули такую политику, которая просто сносит экономику санкциями и самосанкциями. Правда, известно, что рост экономики остановился еще раньше – в 2013 году, по нашим внутренним причинам.

– В Петербурге промышленное производство начало падать еще в 2013 году.

– Это была еще не рецессия, но стагнация уже началась до событий с Украиной.

– Но в этих условиях все равно приходится жить. Если посмотреть на бюджет Петербурга на 2016 год, то он дает нам рост доходов и рост расходов. Все замечательно – есть что предъявить обывателям. Вы согласны?

– Вы пересчитайте это по курсу на 2013 год, и станет ясно, что дела грустные.

– Но есть ведь теория, что девальвацию специально запустили в начале 2014 года, чтобы бюджет получал больше доходов. Петербургский бюджет, как известно, по-прежнему получает больше доходов, чем в прошлом году, и на будущий год снова запланирован рост. У нас основной налогоплательщик – «Газпром-Нефть».

– Это кризисный бюджет. В этом смысле в нем сделано почти все, что возможно. Но это не бюджет развития и не антикризисный бюджет в условиях невиданного ранее кризиса, как сказал губернатор Георгий Полтавченко. Бюджет банальный, традиционный. Он закрывает основные расходы, но не позволит городу предотвращать кризисные явления. Просто поделили деньги, какие есть, еще и с огромным дефицитом в 58 млрд рублей.

– А что такое антикризисный бюджет? Не в теории, а в условиях, когда ты возглавляешь Петербург и из Москвы говорят: исполняй майские указы и готовься к чемпионату мира по футболу? Как в такой ситуации сделать антикризисный бюджет?

– А никак. Вот Георгий Сергеевич приобретает билет в самолет. В экономический класс. Летит в Москву и приходит сами знаете к кому. И говорит: «Владимир Владимирович, мы хотели бы показать вам, что даже в условиях кризиса можно иметь какие-то положительные тенденции». – «Прекрасно, а что вам для этого надо?» – «Мне нужны другие налоговые условия для малого и среднего бизнеса, другие условия по энергетическим тарифам».

– Но ведь торговый сбор мы не ввели, ставку по упрощенному налогообложению снизили.

– Но этого мало. Антикризисная мера – это поддержка инициативы людей, свобода предпринимательства, прекращение давления на предпринимателей. Кризисный бюджет – это бюджет, в условиях

которого растет безработица, число банкротств и долги по зарплате.

– Но официальная безработица у нас самая низкая в стране.

– Она низкая. Но в Петербурге она растет самыми опережающими темпами по Северо-Западу. Я не говорю, что это уже превратилось в проблему. Но подождите, все еще впереди. Почему я говорю про мелкий и средний бизнес? Потому что на них меньше всего влияют санкции. Санкции – это отсутствие доступа к мировым финансовым рынкам, невозможность получить кредит. Но это те санкции, которые лежат на поверхности. А те, которые в основании айсберга, – это негласные рекомендации бизнесу в разных странах не иметь дел с Россией. В меньшей степени от этого зависит как раз малый и средний бизнес. И его надо развивать. Особенно то, что касается стартапов и IT-технологий.

– Вот мы с вами разговариваем, а такое ощущение, что это в пиджаке сидит Елена Владимировна Ульянова, глава комитета Смольного по экономической политике. Молодая команда – Елена Ульянова, Алексей Корабельников и Юлия Удинова – начали с того, что предложили пакет налоговых льгот. Да, там, конечно, порог капитальных вложений высокий и зарплаты должны быть не ниже 60 тысяч рублей. Но сейчас они предлагают льготы по налогам для конгрессно-туристической деятельности. И эти льготы смогут получить и маленькие гостиницы. А сторонники экс-председателя комитета финансов Эдуарда Батанова были против того, чтобы налоги снижались, потому что снижаются поступления в бюджет. И из-за налоговых льгот мы недополучим порядка 600 – 700 млн. Для среднего бизнеса поблажек уже очень много. Некоторые IT-компании перерегистрируются в Петербурге, потому что у айтишников высокие зарплаты и условию по зарплате в 60 тысяч они соответствуют.

– Я совсем не являюсь симпатизантом Эдуарда Батанова. Он работал в условиях экономического роста. И я тогда говорил не о налогах, а о смене приоритетов. О том, что надо выбрать одно приоритетное направление, например связанное с теплоэнергетикой, и на нем сосредоточиться. Но тогда был бюджет роста. Пусть не китайского, но все же устойчивого и надежного. Кроме того, при таких доходах от нефти экономическая теория говорит, что мы можем не баловать постоянным снижением налогов, потому что малый и средний бизнес питается путем перераспределения этих доходов. Там были свои основания. А сейчас другая история. Эта молодая команда временами делает заявления, что у нас нет никакого кризиса. Наверное, они слишком молодая команда, подрастут и поймут, что кризис – это не тогда, когда нечего есть. И у вас был на интервью один гражданин, который говорил: «Да какой кризис!» Если они так говорят для людей, это плохо, но если при этом они понимают суть дела – то ладно. Тем более, будем честны, они не виноваты в этом кризисе. Этот кризис устроили в Москве. Теперь будут уходить деньги на войну, на Крым. А Петербург живет от федеральных денег, он не имеет собственных доходов.

– **Как не имеет?**

– Доходы от добычи сырья – 34%, но эти компании здесь только зарегистрированы. Это и есть федеральная помощь. Но чем сложнее будет ситуация на федеральном уровне, тем больше Федерация будет оттягивать этих плательщиков. И это уже вопрос социальной стабильности. Они будут замерять – если социальная стабильность будет более-менее, начнут оттягивать больше. А теперь еще обострилась ситуация с Турцией, а там огромный товарооборот был – 25 – 30 млрд. Турция чуть ли не на втором месте по объему экспорта российского газа.

– **А как вы относитесь к тому, что в этих условиях зарплата госслужащих – и депутатов ЗакСа – растет? В бюджет заложен рост расчетной единицы на 8%.**

– При инфляции в 12% это просто поддержание размера заработной платы в прежнем размере. Но я лично и моя фракция не голосуем за этот бюджет. Поправка БФК, которую распределяют депутаты, на самом деле очень серьезная величина – 2,6 млрд рублей.

– **Так если бы эти деньги депутаты добавили в субсидию на транспорт, то и тарифы на проезд не росли бы.**

– Я и говорю, что 2,6 млрд неизвестно кто берет и на что. Я против этого бюджета, в том числе и против этих 8%. В условиях кризиса принимать на себя его давление в первую очередь должна власть.

– **То есть не надо было ее повышать?**

– Не следует этого делать. Депутаты – не самые бедные люди. Поэтому мы против таких поправок. Но их не видно. Только вы эти 8% разглядели, больше никто этого не видит.

– **Если вернуться к поправке БФК – есть же какие-то нужды избирателей, которые депутат видит на территории, как говорят.**

– Нигде в нашей стране такой штуки не существует. Но во времена Анатолия Собчака, который эту поправку ввел для депутатов, чтобы они голосовали за бюджет, эта поправка в равных долях раздавалась всем депутатам. И они на что-то тратили на территориях. Теперь история совсем другая. Поправка анонимная. Теперь она вносится фракциями.

– **Мы иногда догадываемся, конечно, кто и на что ее потратил.**

– Правоохранительные органы тоже по одному депутату догадались, и вы писали об этом подробно. И я коллегам постоянно говорю: вы это делаете каждый год, и это не имеет даже срока давности. Вы уже не будете депутатами, а потом к вам придут и спросят, где эти деньги. Зачем так себя подставлять? Мы с коллегами проанализировали, как выглядят организации, которые получают деньги по поправке БФК. Порядка 40% этих организаций никак не выглядят, у них даже сайтов нет. Еще процентов 30 – в замороженном виде, никакой деятельности не осуществляют. И только в 25 – 30 случаях в этих организациях что-то происходит. Дальше мы в ре-

естре посмотрели, кто там работает. Все знакомые вам фамилии – и лично, и супруги, помощники и родственники. Поэтому закон о совершенствовании бюджетного процесса, который я до ухода из ЗакСа в этой каденции все-таки хочу принять, требует, чтобы субъектами законодательной инициативы были только депутаты. Не комитеты, не фракции – никаких коллективных поправок.

– **Хороший закон. Только его не примут, к сожалению.**

– Посмотрим. Я дважды его обсуждал лично с губернатором. Он только «за». Ему стоит только глазом моргнуть – и они примут.

– **А вы будете в выборах 2016 года в ЗакС участвовать?**

– Да, в какой-то форме. Партия будет решать, как правильно в них участвовать. У нас скоро будет отчетно-перевыборный съезд.

– **Слухи разные ходят насчет этого съезда, о смене руководства например.**

– Это значит, что в партии есть здоровая конкуренция.

– **А вы готовы снова возглавить партию?**

– Мне бы хотелось, чтобы партия двигалась вперед.

– **Когда человек хочет, чтобы что-то двигалось вперед, и может это возглавить, то он, скорее всего, это возглавит.**

– Это российское представление. Когда российская власть хочет, чтобы что-то двигалось вперед, то считает, что это невозможно без нее. Но бывает не только так. Двигаться вперед – это значит, должны новые люди приходить, возраст руководителей должен измениться.

– **И тем не менее в 2018 году вы опять планируете участвовать в президентских выборах.**

– Это другое. Да, планирую. По «Яблоку» я сознательно ушел от ответа, потому что мне не хочется говорить о том, чего еще не решил политкомитет и съезд партии. Теперь о 2018 годе. У нас в стране ситуация очень опасная. Политический режим, который создал Владимир Путин, ликвидировал всякую альтернативу. Я считаю, главное сейчас – создать персональную, организационную и программную альтернативу Путину. И с этой точки зрения я буду участвовать в выборах. Я считаю, что политический курс Путина – антиевропейский, евразийский – ошибочный. Это опасный курс, который ведет к войне. Экономический рост в немодернизированном обществе ведет к войне.

– **В обществе, не модернизированном политически или экономически?**

– Политически, общественно, если хотите. Модернизация общества – это разделение властей. Закон, одинаковый для всех. Модернизация российской экономики – это настоящее, неотъемлемое право частной собственности. Потому что тогда вы будете знать, что из-за смены руководства в городе или в стране все, что вы делаете, у вас не отнимут. Ничего более.

...86% – это как 40 температура у больного. 86% единства по политическим вопросам в обществе означает, что общество заболевает...

из интервью Радио Свобода 14.03.2015

У сегодняшней России нет ни лидерской идеологии взамен обанкротившейся советской, ни стратегии (ни национальной, ни глобальной), ни практики ее внедрения. Есть слабая авторитарная провинциальная система полукриминального националистического типа, существующая на деньги от продажи сырья. Именно ее и предполагается защищать.

Поиск единства в разнообразии, взаимопонимании и взаимопроникновении — важная составляющая европейского мировоззрения, и для России с ее богатейшей историей и культурой здесь всегда было место. Одно из важнейших мест. Это место никто у России не отнимет, да и отнимать не собирается. Отобратить его у себя способна только сама Россия, если откажется от единственно реального европейского исторического пути в пользу болезненных фантазий и геополитических галлюцинаций.

**из статьи «Путь, которого нет»
«Новая газета», 19.10.2015**

Проблема сегодня заключается не в отсутствии программ и рецептов, а в отсутствии государства, способного и готового всерьез работать над реализацией этих жизненно важных задач. Более того, российское государство в его нынешнем виде и с его нынешним курсом неспособно даже исправлять ущерб, нанесенный периферийной экономике осложнением ее отношений с глобальным ядром – экономически развитыми странами.

**из статьи «Реформа невыполнима»
«Ведомости», 09.11.2015**

Думающие граждане России сейчас понимают, с одной стороны, где опасность и от чего надо защищаться, а с другой – что они перед этой опасностью одни и никто извне не поможет, а российское руководство будет по-прежнему считать приоритетом неуместную и бесперспективную борьбу с Западом. Вот что значит быть заложниками курса...

**из статьи «После Парижа 11/13»
«Ведомости», 15.11.2015**

 yavlinsky.ru

 vk.com/yavlinsky.yabloko

 twitter.com/gr_yavlinsky

 facebook.com/yavlinsky.yabloko

 youtube.com/user/YavlinskyYabloko

 yg3188316@assembly.spb.ru